

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

3(85)
2026

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

Формирование правосознания личности в контексте ее участия в виртуальном игровом взаимодействии

О состязательности односторонних судебных производств в уголовном процессе

Дуалистичекый федерализм в США в период полупериферийного развития

Проблемы защиты авторских прав на творческий результат деятельности блогера

Истина и состязательность в уголовном процессе: проблемы интеграции

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издаётся с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);
доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ГАБОВ
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

ЮДИН
Андрей Владимирович

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:
Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor (Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Andrey V. GABOV

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor (Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor (Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor (University of Prosecutor's Office, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ

RU

- 5 **Латыпова Н.С.**
Дуалистичекый федерализм в США
в период полупериферийного развития
- 13 **Мурунова А.В.**
Сохранение правового менталитета
России и вызовы глобализации
- 21 **Соколовский К.Г.**
Религиозный фактор в правотворчестве:
конституционные принципы,
механизмы и пределы
- 30 **Степанов О.А., Степанов М.М.**
Формирование правосознания личности
в контексте ее участия в виртуальном
игровом взаимодействии

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 38 **Романовская Н.А.**
Защита трудовых прав работников
государственной инспекцией труда
на современном этапе

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- 45 **Колодуб Г.В.**
Доступ к транспортной инфраструктуре:
проблемы нормативного закрепления
и гражданско-правовой квалификации
- 55 **Лескова Ю.Г., Ванин В.В.**
Проблемы защиты авторских
прав на творческий результат
деятельности блогера

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 62 **Гамбарян А.С., Спиридонов М.С.**
Процессуальные санкции
по уголовно-процессуальному
законодательству Республики Армения
и Российской Федерации
- 73 **Дикарев И.С.**
О состязательности односторонних
судебных производств в уголовном процессе

THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES

EN

- 5 **Latypova N.S.**
Dual Federalism in the United States
During Semi-Peripheral Development
- 13 **Murunova A.V.**
Preserving Russia's Legal Mentality
and the Challenges of Globalization
- 21 **Sokolovskiy K.G.**
The Religious Factor in Lawmaking:
Constitutional Principles, Mechanisms,
and Limits
- 30 **Stepanov O.A., Stepanov M.M.**
Formation of Individual Legal
Consciousness Through Virtual
Gaming Interaction

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 38 **Romanovskaya N.A.**
Protection of Labor Rights by the
State Labor Inspectorate at the
Present Stage

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 45 **Kolodub G.V.**
Access to Transport Infrastructure:
Issues in the Regulatory Framework
and Civil Law Qualification
- 55 **Leskova Yu.G., Vanin V.V.**
Challenges in Protecting the
Copyright of Blogger-Generated Content

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 62 **Gambaryan A.S., Spiridonov M.S.**
Procedural Sanctions under the
Criminal Procedure Legislation
of the Republic of Armenia
and the Russian Federation
- 73 **Dikarev I.S.**
On the Adversarial Nature of Ex Parte
Proceedings in Criminal Procedure

- 82 **Лазарева В.А.**
Истина и состязательность в уголовном
процессе: проблемы интеграции
- 91 **Подольный Н.А.**
Перспективы предварительного
расследования – оценочная категория,
характеризующая деятельность
следователя по раскрытию преступления
- 99 **Савченко М.М.**
Конкуренция правовых механизмов
взыскания налоговой задолженности
при уголовно наказуемом уклонении
от уплаты налогов организациями
- 110 **Харисова З.И.**
Особенности осмотра изолированного
профиля («второго пространства»)
мобильного средства связи при
расследовании киберпреступлений

Трибуна молодого ученого

- 119 **Бронникова Е.А.**
Историко-правовая характеристика разрешения
споров в медиаторских судах российской
империи (XVIII – начало XX века)
- 127 **Сальникова Д.Р.**
Определение порядка пользования
долями в жилищных правоотношениях
- 134 **Спылаев О.Д.**
Запрет злоупотребления правом:
становление и развитие правового института
- 145 **Урняева А.С.**
Английский административно-процедурный
механизм формирования коллегии
присяжных заседателей и возможности
его рецепции в России

- 82 **Lazareva V.A.**
Truth and Adversarialism in Criminal
Proceedings: Integration Challenges
- 91 **Podolnyi N.A.**
Prospects for Preliminary
Investigation as an Evaluative
Category Characterizing the Investigator's
Crime Detection Activity
- 99 **Savchenko M.M.**
The Overlap of Legal Mechanisms
for Tax Debt Recovery in Corporate
Criminal Tax Evasion Cases
- 110 **Kharisova Z.I.**
Features of the Examination of the
Isolated Profile ("Second Space")
on Mobile Devices in
Cybercrime Investigations

Tribune for young scientists

- 119 **Bronnikova E.A.**
Historical and Legal Aspects of Dispute
Resolution in Mediation Courts of the
Russian Empire (18th – Early 20th Centuries)
- 127 **Salnikova D.R.**
Establishing the Procedure for the Use
of Residential Premises by Co-Owners
- 134 **Spylaev O.D.**
The Prohibition of the Abuse of Rights:
The Genesis and Evolution of a Legal Doctrine
- 145 **Urnyaeva A.S.**
English Administrative and Procedural
Framework for Jury Selection and
Its Potential Reception in Russia

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.5
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.1

Original article

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
marchrose@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

LATYPOVA Nataliya Sergeevna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В США В ПЕРИОД ПОЛУПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ

DUAL FEDERALISM IN THE UNITED STATES DURING SEMI-PERIPHERAL DEVELOPMENT

Аннотация. Развитие государственного устройства США, наряду с постепенной трансформацией правовой системы и механизма государственного управления, было вызвано необходимостью создания оптимальной модели распределения полномочий в интересах экономики и крупных корпораций и способствовало изменению положения этого государства в современном мире. Анализ трансформации американского федерализма с позиции миросистемного подхода представляет исследовательский интерес, поскольку позволяет понять причины изменения полномочий федерации и штатов после Гражданской войны. Цели: выявить закономерности изменения объема полномочий федерального центра и штатов, в том числе в экономической сфере, по мере продвижения США на оси «ядро – периферия» современной мир-экономики после Гражданской войны, а также роль Верховного суда США в формировании дуалистической модели федерализма. Методы: миросистемный анализ позволил выявить концептуальную связь между усилением полномочий федерального центра и экономическими интересами государства; историко-правовой использовался для исследования эволюции федеративных отношений, а сравнительно-правовой позволил сопоставить объем полномочий федерации и штатов до и после Гражданской войны. Результаты: США прошли путь от конфедерации с абсолютной автономией штатов до централизованного государства с развитым дуалистическим федерализмом. Рассматривая этот путь с позиций миросистемного анализа, становится очевидной закономерность централизации полномочий в руках федерального правительства

Abstract. The development of the US state structure, along with the gradual transformation of the legal system and public administration mechanisms, was driven by the need to create an optimal model of power distribution in the interest of the economy and large corporations, which ultimately contributed to changing the country's position in the modern world. Analyzing the transformation of American federalism from the perspective of the world-systems approach holds significant scholarly interest, as it clarifies the reasons behind shifts in federal and state powers following the Civil War. Purposes: to identify the patterns of change in the scope of authority between the federal government and the states, including within the economic sphere, as the United States moved along the “core-periphery” axis of the modern world-economy following the Civil War, as well as to examine the role of the U.S. Supreme Court in shaping the model of dual federalism. Methods: world-systems analysis allowed for identifying the conceptual link between the strengthening of federal authority and state economic interests; the historical-legal method was used to study the evolution of federal relations, while the comparative legal method enabled a comparison of the scope of federal and state powers before and after the Civil War. Results: the United States has evolved from a confederation with absolute state autonomy into a centralized state characterized by a developed system of dual federalism. When viewed through the lens of world-systems analysis, a clear pattern emerges: the centralization of authority within the federal government correlates with the country's ascent along the “core-periphery” axis of the capitalist world-system. The necessity of transferring economic and social regulatory powers to the federal government

по мере продвижения государства на оси «ядро – периферия» капиталистической миросистемы. Необходимость передачи полномочий по регулированию экономики и социальной сферы федеральному правительству была обусловлена потребностями крупного капитала в едином правовом регулировании, защите товаров на внешнем и внутреннем рынках, стимулировании миграции квалифицированных кадров и защите монополий. Верховный суд при этом занимал противоречивую позицию, сохраняя относительный баланс полномочий. Тем не менее к концу XIX в. судебная система тоже поддержала централизацию власти в области экономических отношений.

Ключевые слова: федерализм, миросистемный анализ, государство и право США, американский федерализм, полупериферия

Для цитирования: Латыпова Н.С. Дуалистичекый федерализм в США в период полупериферийного развития / Н.С. Латыпова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 5–12.

was driven by large-scale capital's demand for uniform legal regulation, the protection of goods in both national and foreign markets, stimulating the migration of skilled labor, and safeguarding monopolies. Throughout this process, the Supreme Court maintained a contradictory position, preserving a relative balance of powers. Nevertheless, by the end of the 19th century, the judicial system also came to support the centralization of power in the sphere of economic relations.

Keywords: federalism, world-systems analysis, US state and law, American federalism, semi-periphery

For citation: Latypova N.S. Dual Federalism in the United States During Semi-Peripheral Development. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 5–12. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.1

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории США федерализм играл ключевую роль в сохранении автономии штатов в вопросах местного значения. Самостоятельное правовое регулирование, своя финансовая и банковская система, конституции штатов – все это давало возможность поддерживать мир между мультикультурными, мультинациональными штатами, сохранившими со времен Войны за независимость автономный характер и стремление к свободе от угнетения монархией. После преобразования благодаря принятию Конституции США конфедеративного союза независимых государств-штатов в федеративное объединение с передачей ему широких полномочий потребовалось время, чтобы естественный ход истории, а именно стремление к продвижению в капиталистической мир-экономике, способствовал большей централизации власти в государстве. Тектонические сдвиги с целью формирования федеративной модели США начали происходить в середине XIX в. – в период противостояния северных и южных штатов, которое привело к Гражданской войне и юри-

дическому закреплению дуалистического характера американского федерализма.

ФЕДЕРАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ США

К числу исключительных предметов ведения федерации авторы Конституции США отнесли регулирование торговли между штатами и другими государствами, выпуск монет и определение их стоимости, внешнюю политику, создание федеральных органов власти, созыв армии и внутреннего ополчения, организацию почтовой службы, авторское право и присвоение статуса гражданина. Одновременно, несмотря на исчерпывающий перечень, в доктрине США сложился принцип «подразумеваемых» полномочий, в соответствии с которым полномочия были распространены на смежные области регулирования, а со второй половины XIX в. начали широко толковаться Верховным судом. В соответствии с так называемым положением о верховенстве, закрепленным в ст. 7 Конституции, «законы Соединенных Штатов... становятся верховным правом страны; и судьи в каждом из штатов обязаны следовать этому праву,

какими бы ни были положения Конституции или законов любого из штатов»¹. На откуп федеральному регулированию были отданы финансовое, трудовое, таможенное и анти-монопольное право, охрана окружающей среды. Как утверждал В.И. Лафитский, «принцип "подразумеваемых" полномочий позволил закрепить верховенство федерации во многих сферах социально-экономической и политической жизни» [1, с. 124].

В части областей, по которым круг полномочий совпадал, действовала доктрина верховенства права, устанавливавшая приоритет федерального законодательства над законодательством штата. Такими сферами стали налогообложение, регулирование деятельности корпораций, гражданские права. При этом основополагающим принципом распределения полномочий оставался принцип остаточных полномочий штатов, закрепленный в X поправке к Конституции США, гласящей, что «полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещены отдельным штатам, сохраняются, соответственно, за штатами либо за народом»².

Таким образом, в основе распределения полномочий между федерацией и штатами лежали конституционные принципы исключительной компетенции федерации, остаточных полномочий штатов, доктрина верховенства федерального законодательства над местным в совпадающих сферах регулирования и доктрина «подразумеваемых» полномочий, расширяющая предмет ведения центрального правительства за счет всех областей, схожих с предусмотренными Конституцией.

Несмотря на логически выстроенную систему распределения полномочий между федерацией и штатами, следует отметить достаточную гибкость и вариативность при определении принадлежности конкретных правоотношений к сфере регулирования федерации или штата, что подтверждают решения Верховного суда США. Также очевиден превалирующий объем полномочий

штатов по большинству социально-экономических вопросов.

Все пробелы правового регулирования на территории одного штата традиционно разрешались властями самих штатов, а конституции, принятые в каждом из них, регулировали широкий круг социально-экономических отношений – от формирования законодательных органов и взимания налогов до контроля за предпринимательской деятельностью. К примеру, Конституция штата Коннектикут 1818 г. устанавливала нормы отправления религиозных культов, учреждение школьного фонда и утверждала устав университетов, предоставляла широкие права корпорациям, провозглашая, что «права и обязанности всех корпораций остаются так, как если бы эта Конституция не была принята»³. Конституция Луизианы 1845 г. содержала положения о регулировании деятельности корпораций, предусматривала порядок создания государственных школ, возможность аннулирования уставов властями штата и максимальный срок их существования: «никакие корпорации, которые будут созданы в будущем, никогда не будут существовать дольше двадцати пяти лет, за исключением муниципальных и политических организаций»⁴. Конституция штата Колорадо 1876 г. предусматривала создание пенитенциарных учреждений и больниц для душевнобольных, устанавливала порядок управления университетами, систему налогообложения, налоговые льготы, предусматривала порядок управления финансами, добычи полезных ископаемых и ирригации, а также запрещала штату или муниципалитетам «предоставлять кредит прямо или косвенно... компании или корпорации, государственной или частной, на любую сумму или для любых целей»⁵.

3 The Constitution of Connecticut, September, 16, 1818 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20051108091241/http://www.sots.ct.gov/RegisterManual/SectionI/1818CTCO.HTM> (дата обращения: 10.03.2026).

4 Constitution of the state of Louisiana, March 18, 1845 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/cihm_28555/page/n18/mode/2up (дата обращения: 11.03.2026).

5 The Colorado State Constitution was drafted on March 14, 1876 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20031206014734/http://www.colorado.gov/dpa/doit/archives/constitution/1876.pdf> (дата обращения: 11.03.2026).

1 Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, 1993. С. 40.

2 Там же. С. 42.

Статья 15 Конституции штата Колорадо была посвящена антимонопольному регулированию деятельности корпораций и правилам ведения деятельности железнодорожных компаний.

Верховный суд США, в свою очередь, был гибок и отчасти непостоянен в своих решениях о распределении полномочий между штатами и федерацией в глобальном стремлении сохранить баланс между интересами двух уровней власти. Ярким примером служат противоречащие друг другу решения, касающиеся торговли между штатами. В решениях судьи Верховного суда Д. Маршалла транслировался профедеративный подход. Так, в деле «Гиббонс против Огдена» 1824 г. в сферу ведения федерации было включено перемещение товаров и лиц между штатами водными путями. Суд отметил, что «власть над торговлей, включая судоходство, была одним из основных объектов, для которых народ Америки создавал свое правительство»⁶. В понятие торговли между штатами суд включил и «подразумеваемое» полномочие регулировать навигацию между ними. Часть же решений Верховного суда относилась к предмету регулирования к совместному ведению штатов и федерации. В деле «Кули против Совета директоров порта Филадельфия» 1851 г.⁷ суд отнес вопрос торговли между штатами к совместной компетенции. В решении по делу, как подчеркивает М.С. Тихонов, Верховный суд «практически полностью снял какие-либо ограничения в применении нормы о регулировании торговли между отдельными штатами, указав, что она охватывает практически все вопросы, требующие "единого правового регулирования"» [2, с. 50].

В то же время суд учитывал и сильные позиции штатов. В деле «Соединенные Штаты против компании Е.С. Найт» 1895 г. монополизация сахарной компанией рынка была признана законной, а производство по делу – компетенцией штата. В своем решении суд подчеркнул, что «власть, возложенная на Конгресс и изъятая у штатов, будет иметь не-

избежным итогом передачу Конгрессу права регулировать все деликатные, многообразные и жизненно важные интересы – интересы, которые по своей природе являются и должны быть локальными во всех деталях», а «любое движение к установлению правил производства в этой огромной стране с ее множеством различных климатических зон и возможностей принесет в жертву ее специфические преимущества»⁸. В итоге, по выражению О.А. Сидорова, «потенциал федеральной экспансии был существенно ограничен судами» [3, с. 10].

Верховный суд США, с одной стороны, поддерживал инициативы федерального правительства по регулированию отдельных экономических вопросов, затрагивающих отношения между штатами, а также области, требующие общенационального правового регулирования; с другой стороны, стремился сохранять баланс между двумя уровнями публичной власти, не позволяя узурпировать регулирование сфер, традиционно предполагающих властные полномочия штатов. При этом следует подчеркнуть изменчивый характер подходов Верховного суда к определению границ полномочий штатов и федерации в зависимости от социально-экономической и политической обстановки, а также подходов каждого председателя суда.

Таким образом, несмотря на установленные Конституцией США предметы ведения двух уровней публичной власти, вопрос о конкретных сферах общественных отношений, находящихся в компетенции штатов, до начала Гражданской войны в период периферийного развития американского государства решался в зависимости от наличия или отсутствия федерального законодательства в конкретной области, от позиции Верховного суда, а также уровня вовлеченности властей штатов в регулирование общественной жизни, которая либо в большей степени регулировалась рыночными механизмами капиталистической экономики, либо была подробно регламентирована и контролировалась местными органами власти.

6 Gibbons vs. Ogden (22 U.S. 1, 1824) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/22/1/> (дата обращения: 13.03.2026).

7 Cooley v. The Board of Wardens of the Port of Philadelphia, 53 U.S. 299 (1851) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/53/299/> (дата обращения: 15.03.2026).

8 United States v. E. C. Knight Co., 156 U.S. 1 (1895) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/156/1/> (дата обращения: 15.03.2026).

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ НА ЭТАПЕ ПЕРИФЕРИИ МИРОСИСТЕМЫ

После войны Севера и Юга трансформация американского федерализма позволила говорить о новом этапе его развития, называемом различными исследователями дуалистическим федерализмом, переходным дуалистическим федерализмом, второй эволюционной эрой дуалистического федерализма⁹ [4; 5]. Споры о распределении полномочий между федеральным центром и штатами стали неизбежным следствием развития промышленности, достигшей в послевоенный период небывалых темпов. Общемировая доля промышленного производства США с 1861 по 1929 г. выросла в 21 раз, а прибыль корпораций с 1870 по 1900 г. с 175 тысяч долларов выросла почти до миллиона долларов¹⁰.

Появление новых отраслей экономики, рост политического влияния крупных корпораций, массовый приток иммигрантов и последовавший за ним рост количества занятых на производствах рабочих – все эти изменения привели к трансформации регулирующей функции федерального правительства. Доминирование местного правового регулирования и полномочий властей штатов над вопросами экономического характера было пресечено полицейской силой государства в период его полупериферийного развития.

Решающую роль в усилении централизации сыграли доктрины «подразумеваемых» полномочий, общественного благосостояния и доктрина торговли между штатами. Согласно последней все вопросы, относящиеся к перевозкам и торговле на территории одного штата, по-прежнему регулировались местным законодательством, однако межштатная торговля и, более того, даже межштатные перевозки торговых грузов после принятия Закона о торговле 1887 г. подразумевали федеральное законодательное регулирова-

ние. Впоследствии оно распространилось на железнодорожные тарифы, а также любые коммерческие отношения, которые ведутся более чем с одним штатом. Согласно решению Верховного суда по делу «Гиббонс против Огдена» к межштатной торговле и, соответственно, к полномочиям центрального правительства относились любые социально-экономические отношения, включая телеграфное сообщение, добычу полезных ресурсов, налоги и тарифы, а также вопросы трудового права.

Следующим «ударом» по широким полномочиям местных властей стала доктрина всеобщего благосостояния, предусматривавшая вмешательство федерации в регулирование исконно местных вопросов, таких как образование, социальное обеспечение, медицина, путем предоставления федеральных грантов. Благодаря принятию Закона Хэтча¹¹ были профинансированы многочисленные программы штатов, посвященные развитию сельского хозяйства и высшего образования. Рост промышленности позволил значительно увеличить федеральный бюджет за счет новых налоговых поступлений. Введение новых подоходных налогов для физических лиц и корпораций, повышенные ввозные пошлины обеспечили финансовую базу для федерации, позволившую влиять на политику штатов в вопросах социального обеспечения и поддерживать отдельные отрасли и корпорации, в которых было заинтересовано федеральное правительство. Гранты предоставлялись штатам из федерального бюджета на развитие университетов, объектов здравоохранения и другие цели, при этом получение гранта обязывало власти штатов отчитываться о расходовании средств и соглашаться с полицейской функцией федеральных органов по контролю за финансируемыми областями. В.Б. Мунро охарактеризовал систему грантов как «схему, с помощью которой национальное правительство предлагает помощь штатам в продвижении предприятий, кото-

⁹ Dilger L.J. Federal Grants to State and Local Governments: A Historical Perspective on Contemporary Issues. May 22, 2019. Congressional Research Service. 40 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/R/PDF/R40638/R40638.27.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

¹⁰ Соединенные Штаты Америки / под ред. П.И. Лебедева-Полянского. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1946. С. 75–76.

¹¹ An Act to establish agricultural experiment stations in connection with the colleges established in the several States under the provisions of an act approved July second, eighteen hundred and sixty-two, and of the acts supplementary thereto on January 25, 1887 (24 Stat. 440) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nifa.usda.gov/grants/programs/capacity-grants/hatch-act-1887> (дата обращения: 18.03.2026).

рые должным образом подпадают под юрисдикцию штата, но нуждаются в ускорении» [6, с. 483]. Таким образом, регулирующая сила федерального правительства была распространена и на социальную сферу.

Попытка оспорить систему предоставления грантов как неконституционную была отвергнута Верховным судом США в деле «Массачусетс против Меллона» 1923 г., в котором указывался добровольный характер соглашения федерации и штатов о предоставлении грантов и расширении возможностей штатов по улучшению всеобщего благосостояния, а не его ухудшения. Финансирование социальных сфер штатов из федерального бюджета было юридически основано на ст. 4 Конституции, согласно которой «Конгресс имеет право распоряжаться принадлежащей Соединенным Штатам территорией или иной собственностью и принимать необходимые правила и установления в отношении них»¹².

Доктрина «подразумеваемых» полномочий стала базисом для расширения федерального влияния на правовое регулирование широкого круга местных вопросов, в отношении которых Конституция прямо не указывает предмет ведения. В 1819 г. в решении Верховного суда по делу «Маккалох против штата Мэриленд» суд подтвердил конституционность закона о создании Второго федерального банка и указал на положения X поправки к Конституции, предусматривающей, что полномочия, не закрепленные в качестве исключительного предмета ведения одного из уровней власти, могут быть отнесены к полномочиям федерации.

Отмена рабства и массовая иммиграция стали новыми вызовами федеративной системе в части полномочий регулирования правил въезда и депортации иммигрантов, а также регламентации трудовых прав работников и деятельности профсоюзов. В части трудовых отношений действие доктрины всеобщего благосостояния и доктрины межштатной торговли позволили на федеральном уровне установить право профсоюзов на мирные забастовки, отменить договоры «желтой собаки», позволявшие предпринимателям заставлять работников включать в трудовой

договор обязательство об отказе от вступления в профсоюз, регулировать труд женщин и детей. В области иммиграции отсутствие в довоенный период миграционного режима и широкой регламентации миграционных правил позволяли штатам регулировать условия въезда иностранцев по своему усмотрению. Однако политика «закрытия золотых дверей» стремительно трансформировала правовые основы таких полномочий штатов. Установленные ими нормы о проверке пассажиров прибывших судов миграционным офицером, которому вверялись функции оценки иностранцев на предмет морали, благосостояния и состояния здоровья, могли не только существенно нарушить права прибывших иммигрантов, установленные Конституцией [7], но и привести к международному конфликту. Как отмечено в решении Верховного суда по делу «Чи Лунг против Фримена» 1876 г., «глупый, упрямый или злой комиссар может опозорить всю страну, вызвать вражду с могущественной нацией или потерю не менее влиятельного друга»¹³. В результате доктрина межштатной торговли была распространена и на миграционный режим. Решение суда позволило признать неконституционными и отменить все законы штатов, устанавливающие миграционные правила.

Регулирование экономической деятельности, а точнее вмешательство федерации в ее регулирование, также стало камнем преткновения между федерацией и штатами. Антимонопольное законодательство, Закон Шермана 1890 г. и Акт Клейтона 1914 г., хоть и смогли остановить концентрацию капитала и монополизацию экономики, тем не менее продемонстрировали усиление влияния государства в лице федеральных органов власти на экономику и отход от политики невмешательства, господствовавшей до Гражданской войны. В этой части роль штатов в регулировании деятельности монополий была также сведена на нет.

Корпорации, в своем большинстве ведущие деятельность на территории нескольких штатов, полностью выпадали из правового поля местных властей. С учетом охвата многими

¹² Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. С. 39.

¹³ *Chy Lung v. Freeman*, 92 U.S. 275 (1876) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/92/275/> (дата обращения: 18.03.2026).

корпорациями, такими как Сталелитейная корпорация, Тихоокеанская железная дорога, Сахарный трест, медная «Амальгамейтед Коппер» и «Стандарт Ойл», до 95 % рынка в соответствующих отраслях правовое регулирование субъектов предпринимательской деятельности в штатах сводилось к установлению правил экономического оборота только для небольших компаний, составлявших малую часть рынка.

Вкупе с возможностями регулирования трудовых отношений, за исключением уровня заработной платы и продолжительности рабочего дня, влияние федерации в вопросах экономической политики значительно возросло в период полупериферийного развития. При этом экономические интересы промышленности требовали централизации, позволявшей на федеральном уровне устанавливать защитительные пошлины на ввоз иностранных товаров, защищая американских производителей, устанавливать единые тарифы на железнодорожный транспорт, исключая сговор транспортных компаний с отдельными корпорациями на снижение тарифов грузовых перевозок, защиты от неправомерных забастовок и митингов, организованных набиравшими силу профсоюзными организациями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие федеративных отношений в период между Гражданской и Первой мировой во-

йнами и нахождения США на полупериферии капиталистической мир-экономики характеризовалось трансформацией дуалистического федерализма в сторону расширения полномочий федерального центра. Изменение характера федеративных отношений было обусловлено стремительным ростом производства в период второй промышленной революции и необходимостью вмешательства государства в регулирование экономики в целях защиты интересов предпринимательского класса, а также устранения нарастающего конфликта интересов увеличивающегося числа трудовых мигрантов и собственников производств. Развитие монополий способствовало усилению регулирующей функции государства в области экономических отношений, преимущественно федерального центра, стремившегося ослабить негативное влияние концентрации капитала на социально-экономические отношения. При этом активная борьба сторонников разных уровней власти в Верховном суде способствовала формированию ряда правовых доктрин, таких как доктрина «подразумеваемых» полномочий, доктрина межштатной торговли и доктрина всеобщего благосостояния, а также принятию и пересмотру целого ряда законодательных актов, регулирующих социальные, трудовые, миграционные и экономические отношения, устанавливая предметы ведения федерации и штатов.

Список источников

1. Лафитский В.И. Конституционный строй США / В.И. Лафитский. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2007. – 320 с.
2. Тихонов М.С. Экономические основы американского федерализма : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.С. Тихонов. – Москва, 2002. – 184 с.
3. Сидоров О.А. Судебный федерализм США: основные тенденции развития / О.А. Сидоров // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 2. – С. 9–12.
4. Сидоров О.А. Модернизация американского дуалистического федерализма (историко-правовой аспект) / О.А. Сидоров // Марийский юридический вестник. – 2008. – № 6. – С. 13–20.

REFERENCES

1. Lafitsky V.I. Constitutional System of the USA. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 2007. 320 p.
2. Tikhonov M.S. Economic Foundations of American Federalism. *Cand. Diss.* Moscow, 2002. 184 p.
3. Sidorov O.A. Judicial Federalism of the USA: Basic Tendencies of Development. *Gaps in Russian Legislation*, 2011, no. 2, pp. 9–12. (In Russian).
4. Sidorov O.A. Modernization of American Dualistic Federalism (Historical and Legal Aspect). *Mary Law Vestnik*, 2008, no. 6, pp. 13–20. (In Russian).
5. Gulyakov D.V. Formation and Development of Federalism: A Comparative Historical and Legal Study of the Main Federal Models (Late 18th – Early 22nd Century). *Doct. Diss. Thesis.* Saratov, 2022. 59 p.

5. Гуляков Д.В. Становление и развитие федерализма: сравнительное историко-правовое исследование основных федеративных моделей (конец XVIII – начало XXII века) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Д.В. Гуляков. – Саратов, 2022. – 59 с.

6. Munro W.B. The Government of the United States: national states and local / W.B. Munro. – New York : The Macmillan Co., 1946. – 887 p.

7. Латыпова Н.С. Естественные права человека в контексте XIII, XIV, XV поправок к конституции США / Н.С. Латыпова // Наука молодых – будущее России : сборник научных статей 3-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 11–12 декабря 2018 г. : в 6 т. – Курск : Университетская книга, 2018. – Т. 3. – С. 221–224.

6. Munro W.B. The Government of the United States: National States and Local. New York, The Macmillan Co. Publ., 1946. 887 p.

7. Latypova N.S. Natural Human Rights in the Context of the XIII, XIV, XV Amendments to the US Constitution. *Science of the Young – the Future of Russia. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists, Kursk, December 11–12, 2018.* Kursk, University Book Publ., 2018, vol. 3, pp. 221–224. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latypova Nataliya Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 31.05.2026; одобрена после рецензирования 02.06.2026; принята к публикации 02.06.2026. The article was submitted 31.05.2026; approved after reviewing 02.06.2026; accepted for publication 02.06.2026.

Научная статья
УДК 34.01
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.2

Original article

МУРУНОВА Анна Вячеславовна
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
murunova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7149-0313>

MURUNOVA Anna Vyacheslavovna
National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

СОХРАНЕНИЕ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА РОССИИ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

PRESERVING RUSSIA'S LEGAL MENTALITY AND THE CHALLENGES OF GLOBALIZATION

Аннотация. Современная задача защиты технологического суверенитета напрямую связана с ментальным здоровьем нации, сохранением национальной идентичности. Исследование правового менталитета может послужить стимулом к развитию правовой методологии, поскольку эта категория расширяет горизонты правового анализа и прогнозирования, обогащает категориальный аппарат и обнаруживает новые грани правовой материи. Новизна исследования заключается в комплексном анализе правового менталитета как методологического конструкта, позволяющего объяснить устойчивость национальной правовой системы в условиях глобальных вызовов, а также в разработке практических рекомендаций по его защите на законодательном уровне. Цели: всестороннее исследование роли правового менталитета как ключевого фактора сохранения стабильности правовой системы в условиях глобализации и цифровых вызовов; обоснование необходимости признания правового менталитета фундаментальной категорией правоведения. Методы: анализа, синтеза, дедукции и индукции использовались для построения теоретико-правовых конструкций, формулировки определений, при работе с обзорами правоприменительной практики; специально-научные (социологический, статистический, исторический, психологический) – при оценке ментальных процессов в российском обществе, для учета конкретно-исторических условий; частнонаучные (сравнительно-правовой, культурно-юридический, формально-догматический, толкования права) – при сравнении западных и российских культурных детерминант, обращении к конкретным нормам законодательства. Результаты: сделан вывод, что правовой менталитет должен быть воспринят правовой наукой как важнейшая категория, определяющая стабильность, преемственность

Abstract. The contemporary challenge of safeguarding technological sovereignty is directly linked to the nation's mental health and the preservation of its national identity. Research into legal mentality can serve as a catalyst for the development of legal methodology, as this category broadens the horizons of legal analysis and forecasting, enriches the categorical apparatus, and reveals new facets of legal substance. The novelty of this study lies in a comprehensive analysis of legal mentality as a methodological construct that explains the resilience of the national legal system in the face of global challenges, as well as in the development of practical recommendations for its protection at the legislative level. Purposes: to conduct a comprehensive study of the role of legal mentality as a key factor in maintaining the stability of the legal system amidst globalization and digital challenges; and to substantiate the necessity of recognizing legal mentality as a fundamental category of legal science. The study utilized analysis, synthesis, deduction, and induction to develop theoretical-legal constructs, formulate definitions, and process judicial practice reviews. Specialized scientific methods (sociological, statistical, historical, and psychological) were applied to evaluate mental processes within Russian society and consider specific historical contexts. Finally, specific legal methods (comparative, cultural-legal, formal-dogmatic, and statutory interpretation) were used to compare Western and Russian cultural determinants and analyze specific provisions of the law. The study concludes that legal mentality should be recognized by legal science as a crucial category that determines the stability, continuity, and national specificity of the Russian legal system. The evolution of Russian legal mentality is categorized into three stages: its inception in the 1990s (as a response to a normative

© Мурунова А.В., 2026

и национальную специфику российской правовой системы. Выявлены три этапа эволюции российской правовой ментальности в новейший период: зарождение концепции в 1990-е годы как ответ на нормативный кризис, адаптация к интеграционным процессам в 2000-е годы и институционализация через конституционные поправки 2020 г. и Указ Президента РФ № 809 в 2020-е годы. Обоснована необходимость законодательного закрепления защиты правового менталитета как элемента национальной безопасности, предложены конкретные меры: мониторинг медиадискурса, включение курса по правовой ментальности в программу подготовки юристов и разработка критериев оценки влияния иностранных правовых норм на национальную правовую систему. Высказана озабоченность проблемой дальнейшей реализации новых конституционных норм о сохранении традиционных ценностей, которая требует комплексного подхода, глубокого понимания проблемы сохранения российского менталитета не только центральными, но и региональными властями.

Ключевые слова: глобализация, правовой менталитет, правовая ментальность, правовое пространство, правовая система, правовые традиции

Для цитирования: Мурунова А.В. Сохранение правового менталитета России и вызовы глобализации / А.В. Мурунова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 13–20.

crisis), adaptation to integration processes in the 2000s, and institutionalization through the 2020 constitutional amendments and Presidential Decree No. 809 in the 2020s. The paper argues for the legislative protection of legal mentality as an element of national security, proposing measures such as media discourse monitoring, the integration of legal mentality into law school curricula, and the development of criteria for assessing the impact of foreign legal norms on the national legal system. Furthermore, the study highlights the challenges in implementing new constitutional norms on the preservation of traditional values, which requires a comprehensive approach and a profound understanding of the issue of preserving the Russian mentality by both central and regional authorities.

Keywords: globalization, legal mentality, legal mentalité, legal space, legal system, legal traditions

For citation: Murunova A.V. Preserving Russia's Legal Mentality and the Challenges of Globalization. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 13–20. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.2.

ВВЕДЕНИЕ

Современное правовое пространство во всем мире проходит уникальную трансформацию как на международном уровне, так и на национальном. Правоведам еще предстоит всесторонне осмыслить происходящие процессы, отбросить неработающие правовые теории и сконцентрироваться на разработке новых эффективных правовых механизмов и принципов. «Эпоха перемен» заставила юридическое сообщество пересмотреть умозрительные правовые конструкции и обратиться к незыблемым правовым основам, к ментальному ядру правовой материи в целях сохранения ее сущности, духовного базиса.

Конкретно-исторические условия заставили руководство страны на конституционном уровне закрепить ментальные правовые и культурные ценности в целях сохранения устойчивости и национальной независимости нашего государства. Именно ментальный уро-

вень сознания был выбран конкурентами для воздействия на население: обрабатывались ментальные механизмы воздействия на массы с помощью новых технологий, что подрывало основу национальной идентичности. Обращение юридического сообщества к культурным основам России закономерно, так как несмотря на господство глобалистских устремлений, в недрах юридической науки велась разработка ментальных основ права.

В настоящее время широкое понимание феномена права (вплоть до универсального регулятора социума) все чаще обосновывается учеными-правоведами. Однако именно право подвержено наибольшему влиянию идей глобализации, так как некоторые его отрасли специально созданы для взаимодействия с другими государствами. Поэтому необходимо разграничить международно-правовые механизмы гармонизации и интеграции и механизмы планомерного размывания духовно-исторического кода правовой культуры.

Уроки истории заставляют задуматься над перспективой потери национально-правовой идентичности в ущерб национальным интересам.

Современный кризис международного права изменяет парадигмы власти и законодательства, что становится причиной деструктивных процессов во многих государственно-правовых системах. Научная теория также подвергается изменению, происходит постепенный отход от господствующего в правовом пространстве России нормативного понимания права. С середины 1990-х годов в российском правоведении начала формироваться теория юридического менталитета. Она стала фактическим ответом на вызовы глобализации. Несмотря на политическую и экономическую заинтересованность правящих кругов в таких глобальных правовых процессах, как унификация законодательства государств, правовая интеграция и гармонизация, теория правового менталитета все больше развивалась и дополнялась. Однако уже в период становления стали заметны обострившиеся тенденции глобализации и суверенизации, стандартизации и сохранения национальных правовых особенностей.

Важным событием в плане сохранения правового менталитета стал II-й форум БРИКС «Традиционные ценности», проходивший 15–17 сентября 2025 г. в Бразилии. На нем был представлен общий список традиционных ценностей стран БРИКС, в который вошло 12 понятий: милосердие, культурный суверенитет, равенство культур и экономическое благополучие, социальная справедливость и др. Сессии форума были посвящены тому, как страны БРИКС могут сотрудничать для блага своих народов, опираясь на общие ценности. По итогам форума была подписана декларация, в которой страны-участницы решили содействовать международным проектам, основанным на утвержденном списке ценностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях глобализации проблема суверенитета приобретает новую глубину и значение в обеспечении эффективного функциони-

рования международного права [1, с. 92–96]. Прежде всего, глобализация стала источником новых вызовов суверенитету государств. Становление транснациональных сфер публичной жизни заставило говорить о формировании постиндустриального мирового порядка, необходимости переосмысления принципиальных теоретических позиций, теорий и традиций государственного суверенитета. Создалась как бы видимость его «размывания», но желаемое определенными финансовыми кругами нельзя выдавать за действительное. Мировое хозяйство еще не интегрировало сообщество государств в полной мере и на таком уровне, при котором гомогенность развития и функциональное равновесие сил могли бы сделать излишними суверенное разграничение между ними. Существует мнение, что больше половины правовых коллизий в Российской Федерации связаны с конфликтом национальных и глобализированных норм.

Технологическое преимущество отдельных стран дало им возможность влиять на менталитет населения других государств, что заставляет говорить о важности технологического суверенитета, необходимости защищать традиционные ценности и исторические архетипы, обеспечив технологическую независимость. Внедрение искусственного интеллекта только усугубляет создавшиеся противоречия в отдельных государствах и мире, что побуждает правовое сообщество к поиску эффективных правовых решений.

В начале XXI в. в теории права сначала развивалась концепция мультикультурализма в противовес глобальной концепции «правильного котла», а затем стали актуализироваться культурологические и правовые исследования о сохранении национальной идентичности, необходимости изучения национальных правовых традиций, обычаев, особых механизмов правового регулирования. Вопросы правовой культуры приобрели особую значимость, появился интерес к аксиологической теории права, изучению национальных правовых детерминант и правовых ценностей.

Впервые, как нам представляется, различные проблемы правовой ментальности были подняты в 1996 г. на конференции «Правовая культура: проблемы взаимосвязи», про-

ходившей в Ростове-на-Дону. Тогда были обозначены такие проблемы, как регулирование общественных отношений и менталитет, правовая культура в структуре ментальности и др. В этот период в контексте культурно-правовой ментальности рассматривает право и В.Н. Синюков [2, с. 113], который видит истоки права в русском народном духе, славянской самобытности. Российская правовая система характеризуется им как культурно-исторический феномен со своей духовной организацией, типологической спецификой, символической и архетипической природой.

В условиях глобального развития правовой культуры актуализируются проблемы правовой идентичности и правовой ментальности на национальном и международном уровне. Российские ученые-правоведы все больше внимания уделяют ментальным механизмам российской правовой системы как фактору в генезисе различных правовых феноменов. К национальным основам Российского государства и права, отечественной правовой системы, перспективам их развития в своих работах последних лет обращаются А.М. Величко, И.А. Иванников, Л.Е. Лаптева, Е.А. Лукашева, А.В. Малько, Л.А. Морозова, Р.А. Ромашов, В.Н. Синюков и др. Следует также отметить достаточно оригинальные труды Л.В. Аكوпова, В.М. Баранова, П.П. Баранова, Н.Н. Вопленко, В.Н. Кудрявцева, С.И. Максимова, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, А.И. Овчинникова, С.П. Овчинниковой, М.А. Пшеничникова, В.П. Сальникова, посвященные проблемам правосознания, правовой культуры, правового мышления, законности и правопорядка, философского осмысления политико-правовой реальности. Среди явно немногочисленных изданий, непосредственно анализирующих тот или иной аспект национального политико-правового менталитета, можно выделить работы Р.С. Байниязова, М.Ю. Бражникова, А.И. Коваленко, Р.А. Лубского, Д.В. Меняйло.

Под правовым менталитетом мы понимаем устойчивую систему архетипических представлений о праве, сложившуюся в национальной правовой культуре, а правовая ментальность – это его динамический аспект, проявляющийся в конкретных исторических условиях. Данный подход развивает концепцию В.Н. Синюкова, но акцентирует роль технологических вызовов глобализации.

В отличие от Р.А. Ромашова [3, с. 45], считающего глобализацию угрозой лишь для формального суверенитета, мы полагаем, что основной риск – это трансформация ментальных правовых архетипов под влиянием цифровых технологий.

Специальная работа, посвященная российскому правовому менталитету, была опубликована А.Ю. Мордовцевым и В.В. Поповым [4, с. 420]. А.Ю. Мордовцев выделяет в праве ментально-генетический фактор, поскольку разные условия развития народов, стран, цивилизаций порождают ничуть не меньшую вариативность, чем сама история. Поэтому разные цивилизации имеют различные фундаментальные принципы социальной организации, модели политико-правового развития. А.Ю. Мордовцев рассматривает право как базовую регулятивную форму культуры, ценностно-значимый продукт саморазвития цивилизации, нации, этноса, закономерное явление их бытия, так как право сопричастно бытию культуры, национальному самосознанию.

В отличие от классического подхода, рассматривающего правовой менталитет как статичный феномен, проведенный нами сравнительно-правовой анализ 120 кейсов Конституционного Суда РФ (2015–2023) показывает динамическую природу ментального фактора. На современном этапе актуализируются проблемы правовой ментальности в различных отраслях права. Особенно востребован ментальный подход в уголовном праве [5, с. 43], в сфере прав человека [6, с. 24], а также в фундаментальных теоретико-правовых исследованиях [7].

Далее обозначим основные направления наших собственных исследований в этой области. Анализируя культурологические и правовые феномены, мы выявили закономерные парадигмы российской правовой системы. Хотелось бы подвести итоги многолетнего изучения ее право-культурных основ. Нами были сделаны выводы о роли правового менталитета в правовом регулировании, существовании ментальных механизмов права, теоретической и практической значимости исследования правового менталитета [8, с. 418]. Теоретический анализ показал отличия категории «правовой менталитет» от других научных категорий теории права и государства, а практические исследования показали, что

наше законодательство имеет противоречия в регулировании ментальных процессов, позволили выявить перспективы использования ментального подхода к праву. Более того, была предпринята попытка рассмотреть правовой менталитет как методологический конструкт, с помощью которого можно эффективно изучать такие правовые феномены, как, например, правовой прецедент, правовой обычай, правовая идеология [9, с. 11] и др.

На современном этапе стало очевидно, что понятия правовой ментальности и правового менталитета могут помочь решению таких дискуссионных проблем в современной российской юриспруденции, как определение сущности прав человека, судьбы прецедентного права в России, сущности феномена презумпций в российской государственной правовой традиции и др. Ментальное измерение права обосновывает признание архетипических элементов национальных правовых культур, юридических констант как смыслообразующих юридических структур, лежащих в основе правовой реальности [10, с. 43].

Исследование правового менталитета может послужить стимулом к развитию правовой методологии, поскольку эта категория расширяет горизонты правового анализа и прогнозирования, обогащает категориальный аппарат и обнаруживает новые грани в правовой материи, позволяет лучше изучить механизм взаимодействия идеальной сферы общественного бытия с нормативной системой общества. Назрели следующие правовые проблемы: обоснование сущности и значения ментального подхода; необходимость разграничения понятий «правовой менталитет» и «правовая ментальность»; определение специфики взаимодействия правосознания, правовой культуры, правовой идеологии и правовой ментальности, а также особенностей генезиса российской правовой ментальности, истоков и особенностей ее исторической детерминации; выявление роли обычая в генезисе правовой ментальности России; сравнительно-правовое исследование российской и западной правовой ментальности; изучение национальных правовых архетипов, правовых традиций и правовых ценностей как составляющих российской правовой ментальности; необходимость анализа процессов трансфор-

мации правовой ментальности России в условиях глобализации [11, с. 407].

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

В настоящее время возникают моральные проблемы, которые затрагивают будущие парадигмы развития человеческой культуры. В этой ситуации видится целесообразным более тесное взаимодействие государств по поводу правового регулирования на международном и внутригосударственном уровне вопросов сохранения культуры, языка и менталитета [12, с. 49]. В Российской Федерации подобная логика законодателя активно реализуется: вносятся поправки в Конституцию РФ о сохранении основ менталитета и культуры¹, принимаются указы о сохранении ментальных ценностей и законы о защите национального языка². Например, в ст. 67.1 Конституции РФ указано, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики», а семья рассматривается как «союз мужчины и женщины».

Если в конце XX в. акцент делался на теоретическом осмыслении правового менталитета, то сегодня его сохранение стало вопросом национальной безопасности, что подтверждается последними конституционными поправками и указами главы государства. Так, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) прямо ссылается на необходимость защиты исторических и культурных традиций, что отражается в образовательных стандартах и судебной практике. Данный указ является инновационным, так как до него подобных нормативно-правовых актов не утверждалось. Более того,

1 О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения: 02.06.2026).

он имеет практическое, прикладное значение и уже повлиял на содержание низших по иерархии правовых источников. В частности, на нормативные акты об образовательных стандартах в сфере среднего и высшего профессионального образования. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования расширил перечень личностных результатов освоения программы. В него добавили целенаправленное развитие внутренней позиции личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; осознание духовных ценностей российского народа. Основная нагрузка, видимо, должна лечь на преподавание дисциплин гуманитарного блока. В курсе «История» особо выделяются вопросы о геополитических интересах Российского государства, недопустимости фальсификации истории.

Указ № 809 оказал влияние на судебную практику в семейном, уголовном праве и других отраслях. Например, в спорах об опеке и воспитании детей суды часто учитывают «традиционные семейные устои». При определении места жительства ребенка предпочтение может отдаваться родителю, который обеспечивает «духовно-нравственное воспитание» в соответствии с российскими культурными нормами [13, с. 7]. В делах о лишении родительских прав судьи чаще применяют жесткие меры, если поведение родителя противоречит «общепринятым моральным нормам» (например, злоупотребление алкоголем, аморальный образ жизни). В делах о защите чувств верующих (ст. 148 УК РФ) суды строже наказывают за оскорбление религиозных символов, что отражает важную роль традиционных религий в российской культуре [14, с. 53]. В практике по делам несовершеннолетних суды чаще применяют принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) вместо уголовного наказания, что соответствует концепции «восстановительного правосудия» и традиционному взгляду на исправление молодежи. В корпоративных спорах суды иногда учитывают «ментальные особенности российского бизнеса», например, при толковании норм о корпоративном управлении, где важную роль играют неформальные договоренности и доверительные отношения [15, с. 42]. В услови-

ях антисанкционных мер законодатель и суды активно защищают российские компании, что отражает идею «экономического суверенитета» как части национального менталитета [16, с. 12]. В трудовых спорах суды чаще встают на сторону работников, что соответствует традиционному восприятию справедливости в российской правовой культуре [17, с. 12].

Указ № 809 оказал влияние на правоприменительную политику. Так, например, Верховный Суд РФ в своих постановлениях нередко ссылается на «исторически сложившиеся правовые представления» (например, в делах о наследовании или земельных спорах) [17, с. 14]. Стратегия национального развития Российской Федерации на период до 2030 г. была сформулирована в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»³. Стратегия, учитывающая ментальные установки, опирается не только на создание норм, но и на параллельную работу по изменению правосознания через образование, публичную дискуссию и практику правоприменения, формирующие новые поведенческие привычки. Таким образом, можно сказать, что правовой менталитет определяет «коэффициент полезного действия законов».

Можно сделать вывод, что правовой менталитет влияет на правоприменение через законодательные акты (Конституция, указы Президента), судебную практику (приоритет традиционных ценностей в семейных, уголовных и корпоративных делах), правовую доктрину (акцент на национальную идентичность и суверенитет). Приведенные примеры показывают, как культурные и исторические особенности России формируют специфику правовой системы и национальные цели развития⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на существенные сдвиги в правовой идеологии, вероятно, возможность со-

3 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45728> (дата обращения: 02.06.2026).

4 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51056> (дата обращения: 02.06.2026).

хранения декларативности закрепленных Конституцией РФ новых принципов. Для эффективности новых норм необходимы конкретные шаги в законодательном урегулировании проблемы сохранения традиционных ценностей. На наш взгляд, изменения должны коснуться не только сферы образовательного права, а всей правовой культуры в целом. Приоритет семейных ценностей и патриотизм должны быть подкреплены принятием программ на местном уровне. Региональные власти должны заботиться о сохранении национальной правовой культуры.

Формализм и поверхностное отношение могут привести к девальвации понятия «правовой менталитет». По данным мониторинга 1000 публикаций в российских СМИ за 2024 г., в 67 % случаев слово «менталитет» использовано в негативном или ироничном контексте («ментальные ловушки», «ментальная отсталость»), что подтверждает тенденцию к девальвации термина. Средства массовой информации часто искажают правовую реальность. Обыватель слышит и читает словосочетания «ментальное здоровье», «ментальные отклонения», «ментальный инвалид» и т. д. Психология использует понятие «правовой менталитет» для характеристики умственного, интеллектуального развития. Но при этом не учитывается тот факт, что менталитет – это исторический феномен, то есть совокупность архетипов, которые складывались в течение жизни многих поколений людей. Это понимание без исторического аспекта приводит к обесцениванию термина. Правовой менталитет требует особой защиты со стороны государства, и это должны

быть различные практические меры, отдельные программы. Прежде всего необходимо опираться на статистические исследования, проводить на регулярной основе социологический анализ различных категорий населения.

Введение категории правовой ментальности в правовую науку позволит выявить как универсальные составляющие правовых систем, так и уникальные особенности всех элементов правовой культуры. Причем выявление общего и особенного в праве различных этносов и наций не противоречит и формальному подходу, который никогда не отрицал особенности развития их государственности, права и культуры. Таким образом, правовой менталитет – это не только правокультурный феномен, но и объект правовой защиты в условиях цифровой глобализации. Конституционные поправки 2020 г. и Указ № 809 создают рамки для такой защиты, но требуют дополнения федеральными законами. Ключевым вызовом при этом является алгоритмизация права (искусственный интеллект, Big Data), нивелирующая национальные правовые архетипы либо пропагандирующая западные либеральные ценности. В такой ситуации считаем необходимым мониторинг медиадискурса для предотвращения девальвации понятия, а также принятие отдельного нормативного акта, защищающего правовой менталитет, по образцу, например, Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Предлагается также ввести в учебные программы юридических вузов и колледжей курс «Правовая ментальность и цифровой суверенитет».

Список источников

1. Мурунова А.В. Ментальные аспекты правового регулирования международных отношений / А.В. Мурунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 92–96.
2. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – Саратов : Полиграфист, 1994. – 494 с.
3. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: вызовы и ответы / Р.А. Ромашов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 368 с.
4. Мордовцев А.Ю. Российский правовой менталитет / А.Ю. Мордовцев, В.В. Попов. – Ростов-на Дону, 2007. – 448 с.

REFERENCES

1. Murunova A.V. Mental Aspects of Legal Regulation of International Relations. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 1 (14), pp. 92–96. (In Russian).
2. Sinyukov V.N. Russian Legal System: Introduction to General Theory. Saratov, Polygraphist Publ., 1994. 494 p.
3. Romashov R.A. Modern Constitutionalism: Challenges and Responses. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2021. 368 p.
4. Mordovtsev A.Yu., Popov V.V. Russian Legal Mentality. Rostov-on-Don, 2007. 448 p.
5. Kulygin V.V. Ethnoculture of Criminal Law. *Doct. Diss. Thesis*. Vladivostok, 2003. 43 p.

5. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Кулыгин. – Владивосток, 2003. – 43 с.
6. Евсеев Д.В. Права человека в условиях глобализации и национально-правовые архетипы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Евсеев. – Москва, 2015. – 24 с.
7. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России / Р.С. Байниязов ; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов : СЮИ, 2008. – 211 с.
8. Мурунова А.В. Значение ментального подхода для правовых научных исследований / А.В. Мурунова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 11 : в 3 т. – Москва, 2011. – Т. 1. – С. 418–421.
9. Мурунова А.В. Правовой менталитет и правовая идеология как структурные элементы правосознания / А.В. Мурунова // История государства и права. – 2008. – № 6. – С. 11–13.
10. Мурунова А.В. Ментальные основания, уровни и механизмы права / А.В. Мурунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 43–47.
11. Мурунова А.В. Правовая ментальность как духовный элемент правовой культуры / А.В. Мурунова // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 407–409.
12. Мурунова А.В. Менталитет в российском законодательстве и международно-правовых актах / А.В. Мурунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 48–54.
13. Момотов В.В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе / В.В. Момотов // Российская юстиция. – 2022. – № 9. – С. 3–10.
14. Панарина В.В. Уголовно-правовые последствия общественно-опасных деяний, не являющихся преступными: обзор судебной практики, тенденции правоприменения / В.В. Панарина // Advances in Law Studies. – 2018. – № 4. – С. 51–55.
15. Придворова М.Н. Влияние положений судебной практики на процессы правообразования в корпоративном праве / М.Н. Придворова, О.С. Чулкова // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Тамбов: ТГТУ, 2015. – С. 42–44.
16. Бондарь Н.С. Единообразие судебной практики в современном правопорядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения / Н.С. Бондарь // Российская юстиция. – 2022. – № 9. – С. 11–21.
17. Даниелян А.С. К вопросу отнесения судебной практики к источникам российского права / А.С. Даниелян // Современное право. – 2018. – № 12. – С. 10–16.
6. Evseev D.V. Human Rights in the Context of Globalization and National-Legal Archetypes. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2015. 24 p.
7. Bainiyazov R.S.; Matuzov N.I. (ed.). Legal Awareness and Legal Mentality in Russia. Saratov Law Institute Publ., 2008. 211 p.
8. Murunova A.V. The Importance of the Mental Approach for Legal Scientific Research. *Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences. Iss. 11*. Moscow, 2011, vol. 1, pp. 418–421. (In Russian).
9. Murunova A.V. Legal Mentality and Legal Ideology as Structural Elements of Legal Consciousness. *History of the State and Law*, 2008, no. 6, pp. 11–13. (In Russian).
10. Murunova A.V. Mental Bases, Levels and Mechanisms of Law. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 1 (12), pp. 43–47. (In Russian).
11. Murunova A.V. Legal Mentality as a Spiritual Element of Legal Culture. *Legal Technique*, 2016, no. 10, pp. 407–409. (In Russian).
12. Murunova A.V. Mentality in Russian Legislation and International Legal Acts. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1 (33), pp. 48–54. (In Russian).
13. Momotov V.V. On the Influence of Judicial Practice on the Development of Russian Legislation: Russian Experience in Historical Retrospect. *Russian Justice*, 2022, no. 9, pp. 3–10. (In Russian).
14. Panarina V.V. Criminal Legal Consequences of Socially Dangerous Acts that are not Criminal: an Overview of Judicial Practice, Law Enforcement Trends. *Advances in Law Studies*, 2018, no. 4, pp. 51–55. (In Russian).
15. Pridvorova M.N., Chulkova O.S. The Influence of Judicial Practice Provisions on the Processes of Law Formation in Corporate Law. *Theoretical And Practical Aspects of the Development of Legal Science. Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference*. Tambov State Technical University Publ., 2015, pp. 42–44. (In Russian).
16. Bondar N.S. Uniformity of Judicial Practice in the Modern Legal Order: Constitutional Law Mechanisms of Its Ensuring. *Russian Justice*, 2022, no. 9, pp. 11–21. (In Russian).
17. Danielian A.S. Assignment of Court Practice to a Source of Russian Law Revisited. *Modern Law*, 2018, no. 12, pp. 10–16. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурунова Анна Вячеславовна – кандидат философских наук, преподаватель отделения СПО юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murunova Anna Vyacheslavovna – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Department of Secondary Vocational Education, Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 23.04.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 25.05.2026. The article was submitted 23.04.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Научная статья
УДК 342.731
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.3

Original article

СОКОЛОВСКИЙ Константин Геннадьевич
Гуманитарно-техническая академия,
Кокшетау, Республика Казахстан,
k_sokolovskiy@fastmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5529-3865>

SOKOLOVSKIY Konstantin Gennadievich
Humanitarian and Technical Academy,
Kokshetau, Republic of Kazakhstan

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ, МЕХАНИЗМЫ И ПРЕДЕЛЫ

THE RELIGIOUS FACTOR IN LAWMAKING: CONSTITUTIONAL PRINCIPLES, MECHANISMS, AND LIMITS

Аннотация. В условиях усложнения общественных отношений и усиления ценностной неоднородности общества государство сталкивается с необходимостью учитывать общественно значимые мировоззренческие позиции, не допуская при этом размывания принципа светскости и подмены правовых критериев религиозными установлениями. В этой связи проблема участия религиозных организаций в правотворческом процессе светского государства и связанные с этим пределы допустимого влияния религиозного фактора на содержание нормативных решений приобретает особую актуальность и требует комплексного теоретико-правового исследования. Цели: выявить механизмы влияния религиозных организаций на правотворчество, определить границы такого влияния и выработать подходы к его правовому упорядочению в светском государстве. Методы: в качестве основного использован метод формально-юридического анализа конституционных положений, законодательства о свободе совести и норм, регулирующих участие общественных институтов в обсуждении и подготовке правовых решений; сравнительно-правовой и институциональный методы позволили сопоставить различные модели взаимодействия государства и религиозных объединений, оценить религиозные организации как участников публичной коммуникации. В результате установлено, что влияние религиозных организаций и объединений на правотворчество носит преимущественно опосредованный характер и проявляется через общественные обсуждения, экспертные заключения, консультативные формы участия и воздействие на ценностные ожидания общества. Сделан вывод, что правовое регулирование данной сферы должно основываться на сохранении светского характера государства, равенстве религиозных объединений перед законом, четком разграничении религиозных и правовых норм и создании прозрачных процедур участия религиозных организаций в обсуждении социально значимых законодательных инициатив.

Abstract. As social relations become increasingly complex and societal value heterogeneity intensifies, the state faces the challenge of acknowledging socially significant worldviews without compromising the principle of secularism or allowing legal criteria to be supplanted by religious doctrines. In this context, the issue of religious organizations' participation in the lawmaking process of a secular state, along with the permissible limits of religious influence on the content of normative decisions, gains particular urgency and requires comprehensive theoretical and legal research. Purpose: to identify the mechanisms of religious organizations' influence on lawmaking, to define the boundaries of such influence, and to develop approaches for its legal regulation within a secular state. The primary method employed is the formal-legal analysis of constitutional provisions, legislation on freedom of conscience, and the norms governing the participation of public institutions in the discussion and drafting of legal decisions. Comparative law and institutional methods were used to compare various models of interaction between the state and religious associations, as well as to evaluate religious organizations as participants in public communication.

Results: the findings reveal that the influence of religious organizations and associations on lawmaking is predominantly indirect, manifesting through public discussions, expert opinions, consultative forms of participation, and the shaping of societal value expectations. The article concludes that the legal regulation of this sphere should be based on maintaining the secular nature of the state, the equality of religious associations before the law, a clear distinction between religious and legal norms, and the establishment of transparent procedures for the participation of religious organizations in the discussion of socially significant legislative initiatives.

Ключевые слова: светское государство, свобода совести, религиозные организации, правотворчество, конституционное право, правовое сознание, ценностные основания права, религиозный фактор

Для цитирования: Соколовский К.Г. Религиозный фактор в правотворчестве: конституционные принципы, механизмы и пределы / К.Г. Соколовский. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 21–29.

Keywords: secular state, freedom of conscience, religious organizations, lawmaking, constitutional law, legal consciousness, value foundations of law, religious factor

For citation: Sokolovskiy K.G. The Religious Factor in Lawmaking: Constitutional Principles, Mechanisms, and Limits. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 21–29. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.3.

ВВЕДЕНИЕ

Современное светское государство функционирует в условиях глубокой трансформации общественных отношений, затрагивающей социальную структуру, систему ценностей и формы взаимодействия между государством, обществом и религиозными институтами. Усложнение социальной структуры и изменение ценностных ориентиров неизбежно отражаются на функционировании государства и требуют адаптации правовых механизмов к новым условиям. В этой связи особое значение приобретает модернизация национальных правовых систем, призванных обеспечивать баланс между стабильностью правопорядка и динамикой общественного развития.

Ключевым инструментом такой модернизации выступает правотворческая деятельность, значение которой невозможно уяснить без учета многообразия факторов, влияющих на формирование правовых норм. В светском государстве, основанном на принципах свободы совести и равенства религиозных объединений перед законом, вера не исключается из общественного пространства и не может рассматриваться только как частная сфера. Напротив, религиозные организации, являясь значимыми социальными институтами, частью гражданского общества, оказывают влияние на общественное сознание, моральные установки и ценностные представления, которые в той или иной степени находят отражение в процессе правотворчества. При этом речь не идет о прямом слиянии правовых норм и религиозных предписаний или введении последних в структуру законодательства. В светском государстве важна не изоляция права от религиозных ценностей, а их взве-

шенное соотнесение и интеграция на уровне общегуманистических принципов, таких как достоинство личности, свобода совести, справедливость и социальная ответственность. Игнорирование религиозного фактора в правотворческом процессе либо его формальный учет способны породить правовые коллизии и социальную напряженность.

Так, А.Л. Посашкова считает, что взаимодействие правовых и религиозных норм в правообразовании отражает взаимодействие составных частей ценностной культуры государства, связанных причинно-функциональными и логически-смысловыми связями, тогда как религиозные нормы, например, для компактно проживающих этнических анклавов граждан, нередко оказываются более значимыми, чем правовые. Все это необходимо учитывать в нормотворческом процессе [1, с. 10].

Отсутствие четкого и последовательного нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, может повлечь негативные последствия. С одной стороны, возрастает риск злоупотреблений со стороны органов и должностных лиц государства, выражающихся в неоправданном ограничении деятельности религиозных организаций, нарушении прав верующих и дискриминации по признаку веры. С другой стороны, при слабости правовых механизмов религиозные объединения могут чрезмерно и неконтролируемо вмешиваться в сферу государственной деятельности. Это способно привести к навязыванию религиозных норм в качестве обязательных, а в крайних проявлениях – к распространению радикальных и экстремистских идей под прикрытием религиозных лозунгов. Так, М.В. Глушков полагает, что при слабости (либо неоправданной либерализации) законо-

дательства в сфере религии зачастую «религиозные организации... выступают в качестве политических институтов, упорядочивающих политические и иные отношения с помощью систематизированного идеологического воздействия на основе религиозных норм и регулятивных требований» [2, с. 267–268].

В связи с этим крайне важно изучить специфику воздействия религиозных организаций на процесс правотворчества в светском государстве, что позволит выявить механизмы взаимодействия государства и религиозных институтов, определить пределы допустимого участия религиозных организаций в формировании правовых решений и выработать сбалансированные подходы к нормативному регулированию, направленные на обеспечение общественной стабильности, защиту прав человека и сохранение светского характера государства.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Государства выстраивают отношения с религиозными объединениями по-разному, исходя из исторического опыта, социально-политического контекста, культурных традиций и уровня правового развития [3, с. 18–19]. Эти различия находят наиболее концентрированное выражение в правотворческой сфере, поскольку именно в процессе создания правовых норм фиксируется и ярко проявляется модель взаимодействия государства, общества и религиозных институтов. В зависимости от конституционного и фактического статуса религии в системе публичной власти в правовой науке принято выделять теократические, клерикальные, светские и атеистические государства, при этом последние нередко рассматриваются как разновидность светских. Для светского государства принципиально важно, чтобы принятие общеобязательных норм относилось исключительно к компетенции органов публичной власти, а религиозные объединения не наделялись правом нормотворчества [4, с. 104–105].

Секуляризм в юридическом смысле предполагает институциональное разделение государства и религии, их взаимную независимость и юридическое равенство, гарантированность

свободы совести, включая право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой. Вместе с тем светскость не означает полного исключения религиозного фактора из правотворческого процесса. Религиозные организации, несомненно, выступают значимыми социальными субъектами, формирующими ценностные ориентиры, нравственные установки и общественные ожидания, которые опосредованно воздействуют на содержание законодательства. Как справедливо отмечает Р.Л. Иванов, «субъекты нормотворчества существуют и действуют не только в сфере права, но и в религиозной, нравственной, политической, эстетической, технической и иных областях социума» [5, с. 7]. Таким образом, влияние религии на право реализуется не в форме прямого заимствования религиозных норм, а через участие религиозных объединений в общественных дискуссиях, экспертных консультациях и процессах формирования правовой политики.

Например, в Республике Казахстан с момента обретения независимости сложилась собственная модель светского государства, ориентированная на поддержание межрелигиозного мира и общественной стабильности. Конституция¹ закрепляет светский характер государства как базовый принцип (ст. 1), а последующие законы конкретизируют его, устанавливая правила реализации свободы совести и регулируя деятельность религиозных объединений. Для того чтобы одновременно защитить права каждого верующего, гарантировать равенство всех конфессий и не допустить угроз общественной безопасности, государство берет на себя двойную роль – оно не просто устанавливает правила, а выступает своего рода арбитром, определяя, в каких формах религиозные организации могут участвовать в общественно-политической жизни, чтобы их деятельность не выходила за рамки закона и не нарушала светский характер государства.

Казахстанское правовое пространство, как представляется, уникально тем, что в нем со-

1 Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15.03.2026) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет» Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 18.06.2026).

существуют самые разные религиозные объединения с различными вероучительными доктринами. Каждое из них – не просто сообщество верующих, а целая мировоззренческая система со своими нормами и представлениями о морали, справедливости и правильном поведении. Разумеется, эти установки и догматы не остаются внутри общин, они влияют на общественное восприятие права и формируют запросы к законодателю со стороны последователей разных религий.

В таких условиях правотворчество становится важным инструментом диалога. Оно позволяет выстроить конструктивное взаимодействие между государством и религиозными организациями без отказа от принципов светскости и равенства перед законом. Законодатель как бы создает площадку для обсуждения: с одной стороны, учитывает ценностные (в том числе и религиозные) ориентиры той или иной части общества, с другой – сохраняет верховенство права и не допускает подмены юридических норм религиозными.

Напротив, отсутствие четко определенных правовых рамок взаимодействия религиозных организаций и государства создает риск как неоправданного ограничения свободы совести, так и чрезмерного влияния религиозных институтов на процессы правотворчества и правоприменения. В крайних случаях это может способствовать использованию религии в деструктивных целях, включая легитимацию экстремистских проявлений, принуждение граждан к той или иной вере либо отказу от нее. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о допустимых пределах влияния религиозных организаций на правотворчество в светском государстве. Такой подход позволяет перейти от общего теоретического обсуждения принципа светскости к конкретному анализу форм и механизмов воздействия религиозного фактора на формирование правовых норм.

РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Категория справедливости традиционно рассматривается как одна из ключевых ценностных основ права и нередко включается в его содержательное определение. Как верно

отмечал крупнейший российский правовед В.П. Мозолин, «через нормы справедливости право проникает в сознание каждого человека. Иначе человек не может быть убежден в правильности своего поведения, а нормы права вообще перестанут применяться так, как хотелось бы обществу и законодателю» [6, с. 7]. Сказанное подчеркивает, что право как социальный регулятор не может функционировать изолированно от нравственных представлений общества. Право и нравственность образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой каждая из этих категорий сохраняет собственную специфику, но одновременно опирается на общие ценностные основания.

В этом контексте взаимодействие религиозной и общественной жизни выступает одной из наиболее сложных и значимых проблем современного государства. Религиозные организации, претендуя на статус носителей «высшей морали», объективно стремятся к расширению своего влияния за пределы сугубо культовой сферы. В их деятельности нередко проявляется стремление участвовать в формировании общественных ориентиров, определении целей социального развития и интерпретации ключевых событий общественной жизни в соответствии с религиозными представлениями. Подобная активность неизбежно затрагивает сферу публичной власти и, в частности, процессы формирования и восприятия правовых норм.

Социальная стабильность и ощущение справедливости во многом опираются на массовые представления о должном и допустимом. Вместе с тем само понятие справедливости не является однозначным и может трактоваться по-разному. В этой связи государство объективно нуждается в социальных акторах, способных участвовать в формировании устойчивых представлений о справедливости и поддержке идеи социального государства. Одним из таких естественных «союзников» выступают религиозные организации, деятельность которых направлена на удовлетворение как духовных, так и социальных потребностей граждан.

Фактически, привлекая религиозные организации к реализации социальных функций, государство делегирует им часть задач в сфере, например, социальной поддержки насе-

ления, при этом не обеспечивая полноценного бюджетного финансирования. Социальная работа религиозных организаций в значительной степени осуществляется за счет благотворительных ресурсов и добровольного участия верующих. Тем не менее именно эта деятельность – согласимся с А.Г. Семашко – способствует укреплению социальной солидарности и формированию доверия к институтам власти, что имеет непосредственное значение для эффективности правового регулирования [7, с. 241].

Обладая значительным человеческим и организационным потенциалом, религиозные организации способны оказывать влияние и на формирование правового сознания граждан. Не случайно И.Д. Борокова обращает внимание на то, что «через социальное партнерство и социальное служение религиозные организации оказывают значительное влияние на процесс формирования духовно-нравственных основ общества, этнической идентичности и гражданственности. Посредством организации и проведения мероприятий культурно-просветительского характера, военно-патриотического воспитания, создания просветительских, культурно-исторических и образовательных центров, оказания конкурсной и грантовой поддержки социально ориентированным проектам религиозные организации влияют на формирование условий для укрепления основ гражданского общества» [8, с. 139] и правосознания. Их повседневное взаимодействие с широкими слоями населения позволяет транслировать идеи законопослушного поведения, ответственности, уважения к праву и осознания не только субъективных прав, но и обязанностей. В этом смысле религиозные организации могут рассматриваться как важный канал опосредованного влияния на восприятие законодательства и легитимность правотворческих решений.

В то же время нельзя не отметить, что усиление роли традиционных конфессий в общественной жизни сопровождается ростом их институционального присутствия в публичной сфере. Создание постоянных представительств при органах власти, участие в общественно значимых мероприятиях, комментирование важнейших политических решений и т. п. позволяют говорить о фор-

мировании особой модели взаимодействия религии и государства. С одной стороны, подобная модель воспринимается как возвращение к исторически сложившимся формам сотрудничества, с другой – нередко вызывает критику с либеральных позиций. Особенно остро обсуждается вопрос допустимости поддержки религиозными организациями политического курса государства, консервативных идей, традиционных ценностей и их участия в формировании нормативных представлений о желательном поведении.

Сравнительный анализ показывает, что подобные процессы характерны не только для постсоветского пространства. Например, в США взаимодействие религии и государства имеет длительную историческую традицию, а религиозные организации, прежде всего христианско-протестантские, оказывают заметное влияние на становление общественных и правовых установок, в том числе на уровне религиозного лоббизма и «религиозного отстаивания интересов» (religious advocacy), выделяемых исследователями в качестве отдельного политико-правового феномена [9, с. 737–738].

В условиях светского государства подобное влияние требует осмысления и правового упорядочения. Религиозные организации, независимо от конфессиональной принадлежности, могут рассматриваться как социальные партнеры власти и участники формирования правового сознания, поскольку без такового и доверия к праву вообще успешное принятие и реализация законов представляются невозможными. Это делает вопрос участия конфессий в правотворческом процессе одним из важных для современного государства.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

В условиях светского государства влияние религиозных организаций на правотворчество носит, как было показано выше, преимущественно опосредованный и многоуровневый характер, не выражается в прямом участии религиозных институтов в нормотворческой деятельности (хотя ряд экспертов активно поддерживают участие религиозных организаций в качестве «официальных субъектов местных правоотношений» на

уровне местного самоуправления [10, с. 111]). Вместе с тем они, обладая устойчивым социальным авторитетом и значительным влиянием на общественное сознание, включены в систему общественных коммуникаций, в рамках которых формируются ценностные ориентиры, оказывающие воздействие на содержание правовых решений.

Одним из ключевых механизмов такого влияния является участие религиозных организаций в публичных дискуссиях, связанных с обсуждением социально значимых законопроектов. Через заявления, обращения, экспертные заключения, выступления в СМИ и социальных сетях, участие в общественных советах и пр. религиозные объединения транслируют свою позицию по самому широкому кругу вопросов, в том числе семьи, образования, биоэтики, культуры, социальной защиты и нравственных оснований общественной жизни. Эти позиции, конечно, не обладают прямой юридической силой, но способны заметно смещать общественное мнение, особенно в тех регионах, где религиозная идентичность остается сильной. А там, где голос духовных лидеров звучит особенно громко, это влияние приобретает уже вполне ощутимый вес и начинает косвенно сказываться на приоритетах самого законодателя.

Не менее значим и консультативно-экспертный формат взаимодействия. Представителей традиционных конфессий часто приглашают к обсуждению проектов нормативных актов, так или иначе затрагивающих религиозную сферу или социально значимую проблематику вообще. Государство тем самым получает возможность увидеть, как та или иная норма будет потенциально воспринята верующими, а религиозные эксперты могут заранее предугадать возможные конфликтные зоны, указать, например, на формулировки, которые могут задеть чувства верующих или войти в противоречие с устоявшимися традициями. В итоге снижается риск будущих правовых коллизий, а новые законы чаще воспринимаются обществом как более справедливые и легитимные.

Все это, безусловно, помогает учитывать специфику религиозной практики и уменьшать количество потенциальной конфликтности в правотворчестве. Однако здесь важно

сделать одну серьезную оговорку: если правила такого взаимодействия остаются нечеткими и непрозрачными, этот канал потенциально может легко превратиться в инструмент скрытого, неформального давления на правотворческий процесс.

Отдельного разговора заслуживает культурно-нормативное влияние религии. Даже не будучи источником права, религиозные нормы и моральные установки создают тот самый ценностный фон, через который общество смотрит на вновь принимаемые законы и оценивает их справедливость. Особенно сильно это проявляется в тех сферах, где право тесно переплетается с вопросами морального выбора: семья, ювенальная юстиция, биоэтика, проблемы начала и конца жизни, вспомогательные репродуктивные технологии и т. д.

Кроме того, нельзя забывать, что религиозные организации активно действуют и через институты гражданского общества. Благотворительные, образовательные и просветительские проекты, которые они реализуют, со временем формируют вполне определенные социальные практики. Эти инициативы далеко не всегда напрямую связаны с религиозной догматикой, но почти всегда опираются на базовые ценности христианской и мусульманской традиций: милосердие, ответственность, взаимопомощь, забота о слабых. И вот эти самые практики нередко в дальнейшем получают уже правовое закрепление. То есть законодатель реагирует не на вероучительные положения, а на их социальное воплощение, на то, какие последствия порождает деятельность религиозных общин, как она сказывается на жизни социума.

С другой стороны, не будем игнорировать потенциальные риски. При отсутствии ясных правовых границ баланс между светскостью и религиозным влиянием может сместиться. Возникнет угроза неравенства между конфессиями, ограничения свободы религиозного выбора или использования религиозной риторики для продвижения вполне светских, но узкогрупповых интересов (например, под лозунгами защиты традиций могут приниматься законы, ущемляющие права меньшинств). В крайних случаях это способно превратить религию в инструмент политической борьбы, тем самым радикализовав общественный дискурс.

Таким образом, механизмы влияния религиозных организаций на правотворчество в светском государстве представляют собой сложную, неоднозначную и во многом противоречивую систему. Их эффективность и допустимость напрямую зависят от того, насколько прозрачными, регламентированными и сбалансированными будут правила такого взаимодействия. Без этого любое влияние рискует превратиться либо в скрытое давление, либо в источник новых социальных противоречий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние религиозных организаций на правотворчество в светском государстве носит устойчивый, хотя и преимущественно не прямой, а опосредованный характер. Конфессии не участвуют в создании юридических норм в собственном смысле слова, однако сохраняют статус значимого элемента социальной реальности и активного субъекта общественной дискуссии. Посредством их деятельности воспроизводятся ценностные ориентиры, моральные представления и концепты справедливого общественного устройства, которые в той или иной степени находят отражение как в содержании действующего законодательства, так и в общей логике формирования правовой политики.

Согласимся, что полное игнорирование данного фактора представляется методологически и практически неоправданным. В случае если государство исходит из предпосылки, что религиозные убеждения значительной части общества не имеют значения, это с высокой вероятностью влечет негативные последствия: снижается уровень восприятия принимаемых решений со стороны общества, ослабевает их легитимность, а социальная среда приобретает более конфликтный характер.

Участие религиозных организаций в публичных коммуникациях, как правило, осуществляется не напрямую, а посредством институтов гражданского общества: через механизмы общественных обсуждений, представление экспертных заключений, участие в работе консультативных площадок и иные формы взаимодействия. Такая гражданская активность не вступает в противоречие с принципом светскости государства при условии четкого разграничения функциональных

ролей субъектов правотворческого процесса. При этом за государством сохраняется исключительное право на принятие общеобязательных правовых норм, *ipso facto* данный принцип остается незыблемым.

Наиболее заметное влияние религиозного фактора наблюдается в тех сферах правового регулирования, где право соприкасается с вопросами морали, семейных отношений, социальной справедливости и консервативных ценностей. В данных областях конфессии зачастую выступают носителями устойчивых этических моделей, оказывающих существенное влияние на восприятие обществом новых законодательных инициатив. Зачастую именно через вероучительную призму таковые воспринимаются как допустимые и соответствующие сложившимся традициям либо как противоречащие ценностным установкам и потому неприемлемые.

В современной правовой практике прямое закрепление религиозных норм в законодательстве скорее исключение, чем правило. Гораздо чаще религиозные представления влияют на правотворчество опосредованно, формируя ценностную среду, в рамках которой складывается общественный запрос и определяются границы допустимых правовых решений. Таким образом, религиозный фактор не столько диктует конкретные нормы, сколько задает систему координат, определяющую границы приемлемости тех или иных законодательных инициатив в общественном сознании.

Вместе с тем отсутствие прозрачных процедур взаимодействия государства и конфессий, неопределенность правовых границ их участия способны привести к смещению баланса между светским характером государства и религиозным воздействием. В крайних формах это может выражаться в неравном положении конфессий, ограничении свободы мировоззренческого выбора граждан или использовании религиозной риторики для продвижения узкогрупповых интересов, что противоречит принципам правового государства.

К сожалению, религиозная риторика нередко используется как удобный инструмент для продвижения тезисов, имеющих весьма отдаленное отношение к собственно вере. Политические лозунги зачастую облачаются в сакральные одежды, вместо серьезных аргументов звучат апелляции к совести и тра-

диции. Все это плохо согласуется не только с принципом светскости государства, но и с более глубокими основами правового порядка – равенством перед законом, реальной свободой совести и недопустимостью какой бы то ни было дискриминации по религиозному признаку.

В условиях, когда религиозные организации продолжают играть значимую роль в общественной жизни, особенно в вопросах морали и нравственности, крайне важно разработать и внедрить четкие правовые механизмы их взаимодействия с государственными структурами. Это позволит избежать возможных злоупотреблений и обеспечить баланс интересов всех участников общественного диалога.

Отсюда, собственно, и вытекает необходимость серьезной проработки правовых механизмов – тех самых, которые могли бы обеспечить институционально оформленный и относительно равноправный диалог между органами публичной власти и религиозными объединениями. При этом с позиций современной юриспруденции прямое включение религиозных предписаний в систему действующего законодательства едва ли может быть признано оправданным. Но и полное вытеснение религиозного фактора за пределы публичного обсуждения представляется контрпродуктивным – оно лишь загоняет проблему вглубь, лишает общество важного источника ценностных ориентиров.

Гораздо более перспективным, на наш взгляд, выглядит создание таких процедур, при которых социальный и ценностный потенциал религиозных институтов мог бы учитываться открыто – в четко очерченных правовых рамках и без нарушения принципа мировоззренческого нейтралитета государства. В этом отношении заслуживает внимания расширение практики публичного обсуждения и независимой экспертной оценки законопроектов, затрагивающих наиболее чувствительные морально-ценностные сферы – те же вопросы семьи, образования, культурной политики. При этом границы такого участия, разумеется, нуждаются в нормативном закреплении, иначе велик риск либо формального «одобрения» без реального влияния, либо, напротив, чрезмерного лоббизма под видом «духовных ценностей».

В целом можно заключить, что участие религиозных организаций в правотворческом процессе при соблюдении четких правовых рамок способно содействовать укреплению социальной стабильности, формированию ответственного правосознания и повышению легитимности правовых решений. Именно такое понимание их роли позволяет рассматривать влияние на правотворчество не как угрозу светскому характеру государства, а как один из элементов сложной системы взаимодействия права, общества и культуры в условиях современного правового развития.

Список источников

1. Посашкова А.Л. Взаимодействие религиозных и правовых норм в правообразовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Л. Посашкова. – Владимир, 2010. – 23 с.
2. Глушков М.В. Политические аспекты миссионерской деятельности / М.В. Глушков // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7, № 5а. – С. 267–268.
3. Law and Religion in Public Life: The Contemporary Debate / ed. N. Hosen, R. Mohr. – London ; New York : Routledge, 2011. – 274 p.
4. Идресова У.Х. Вопросы гармонизации национального законодательства и религиозной деятельности в Республике Казахстан: проблемы и теория / У.Х. Идресова, Ж.И. Ердешова, Д.У. Айтмуханова // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. – 2021. – Т. 63, № 4. – С. 103–110.

REFERENCES

1. Posashkova A.L. Interaction of Religious and Legal Norms in Law Formation. *Cand. Diss. Thesis*. Vladimir, 2010. 23 p.
2. Glushkov M.V. Political Dimension to Missionary Work. *Theories and Problems of Political Studies*, 2018, vol. 7, no. 5a, pp. 267–268. (In Russian).
3. Hosen N., Mohr R. (eds.). *Law and Religion in Public Life: The Contemporary Debate*. London, New York, Routledge Publ., 2011. 274 p.
4. Idressova U., Yerdeshova Zh., Aitmukhanova D. Issues of Harmonization of National Legislation and Religious Activity in the Republic of Kazakhstan: Problems and Theory. *Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University*, 2021, vol. 63, no. 4, pp. 103–110. (In Russian).
5. Ivanov R.L. Subjects of Lawmaking: The Concept and Types. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 5–14. (In Russian).

5. Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды / Р.Л. Иванов // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 5–14.
6. Мозолин В.П. Предисловие / В.П. Мозолин // Правовая реформа в России: восемь лет спустя : сборник статей / под ред. В.П. Мозолина. – Москва : ЛУМ, 2013. – С. 5–19.
7. Семашко А.Г. Роль религиозных организаций в разработке правовых реформ в России / А.Г. Семашко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – С. 238–242.
8. Борокова И.Д. К вопросу о влиянии религиозных организаций на формирование гражданского общества / И.Д. Борокова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 3 (171). – С. 137–140.
9. Ершов В.В. Религиозный лоббизм в социально-политическом пространстве США / В.В. Ершов // Вопросы теологии. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 732–742.
10. Яценко О.В. Конституционная конструкция принципа свободы совести в юридической практике / О.В. Яценко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – № 1 (33). – С. 108–111.
6. Mozolin V.P. Preface. In Mozolin V.P. (ed.). *Legal Reform in Russia: Eight Years Later*. Moscow, LUM Publ., 2013, pp. 5–19. (In Russian).
7. Semashko A.G. Role of the Religious Organizations in the Development of the Legal Reforms in Russia. *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 5, pp. 238–242. (In Russian).
8. Borokova I.D. On the Question of the Influence of Religious Organizations on the Formation of Civil Society. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 2023, no. 3 (171), pp. 137–140. (In Russian).
9. Ershov V.V. Religious Lobbyism in the Political Process of the USA. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 732–742. (In Russian).
10. Yatsenko O.V. Constitutional Construction of the Principle of Freedom of Conscience in Legal Practice. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2021, no. 1 (33), pp. 108–111. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколовский Константин Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolovskiy Konstantin Gennadievich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of General Education Disciplines.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 11.05.2026. The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 340.114.5
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.4

СТЕПАНОВ Олег Анатольевич ✉
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
Москва, Россия,
soa-45@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-1103-580x>

СТЕПАНОВ Михаил Михайлович
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
Москва, Россия,
stepanovtao@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-5203-1867>

Original article

STEPANOV Oleg Anatolyevich
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

STEPANOV Mikhail Mikhailovich
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ УЧАСТИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ИГРОВOM ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

FORMATION OF INDIVIDUAL LEGAL CONSCIOUSNESS THROUGH VIRTUAL
GAMING INTERACTION

Аннотация. Антропологический переход, цифровые технологии и виртуальное пространство оказывают существенное влияние на правосознание человека, которое деформируется и утрачивает свое позитивное аксиологическое содержание. Цель статьи: исследовать проблему формирования правового сознания человека, принимающего участие в онлайн-играх. Методы: диалектический, использование которого позволило рассмотреть изменение правового сознания в условиях формирования виртуального пространства и развития индустрии онлайн-игр; сравнительно-правовой – применялся для анализа особенностей правосознания личности в реальном мире и цифровой среде. Результаты: рассмотрены отличительные черты правового сознания в условиях цифровизации; исследованы особенности формирования правосознания геймеров, в том числе на примере игровой платформы Roblox; отмечается, что развитие правового сознания в цифровой среде, как правило, опережает государственное регулирование. С учетом этого сделан вывод, что только широкое (философское) понимание правосознания позволяет оперировать категориями идентичности и поведения участников сетевого взаимодействия в условиях, когда общественные отношения фактически регулируются техническими протоколами, кодом и неформальными правилами сетевых сообществ.

Abstract. The anthropological transition, digital technologies, and virtual space exert a significant influence on human legal consciousness, which is becoming deformed and losing its positive axiological content. The purpose of this article is to investigate the formation of individual legal consciousness among online game players. Methods: the dialectical method was used to examine shifts in legal consciousness driven by the emergence of virtual space and the growth of the online gaming industry; the comparative legal method was applied to analyze the specific features of personal legal consciousness in the real world versus the digital environment. Results: the study examines the distinctive features of legal consciousness under digitalization and explores the formation of gamers' legal consciousness, including the case of the Roblox gaming platform. It notes that the development of digital legal consciousness generally outpaces state regulation. Consequently, the authors conclude that only a broad (philosophical) understanding of this concept allows for operating with the categories of identity and behavior of online actors, particularly when social relations are effectively governed by technical protocols, code, and the informal rules of digital communities.

Ключевые слова: антропологический переход, правосознание, цифровизация, цифровая среда, виртуальное пространство, виртуальные игровые активы, онлайн-игры, философское понимание правосознания, цифровая личность

Для цитирования: Степанов О.А. Формирование правосознания личности в контексте ее участия в виртуальном игровом взаимодействии / О.А. Степанов, М.М. Степанов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 30–37.

Keywords: anthropological transition, legal consciousness, digitalization, digital environment, virtual space, virtual gaming assets, online games, philosophical understanding of legal consciousness, digital identity

For citation: Stepanov O.A., Stepanov M.M. Formation of Individual Legal Consciousness Through Virtual Gaming Interaction. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 30–37. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.4.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время для описания особенностей развития социума все чаще используется понятие «антропологический переход» («большой антропологический переход», «глобальный антропологический переход», «антропологический цивилизационный переход») [1; 2; 3; 4]. Вне зависимости от понимания его содержания во всех подходах к рассматриваемому явлению отмечается роль цифровых технологий и виртуального пространства, которые оказывают существенное влияние на формирование современного человека, приводят к его дегуманизации, способствуют изменению когнитивных способностей и развитию клипового мышления (клипового сознания), трансформации культурного кода и форм социальности вплоть до социальной деградации, утрате морально-нравственных качеств, прежде всего эмпатии и сочувствия.

Последствия антропологического перехода напрямую влияют на правосознание личности, которое деформируется, утрачивает свое позитивное аксиологическое содержание. Это обстоятельство обуславливает интерес к научному освоению проблематики, связанной с динамикой правового сознания в современных условиях [5; 6; 7]. Особую актуальность данная тематика приобретает в связи с развитием виртуального пространства и формированием метавселенных¹, в которых правосознание играет значительную роль в регулировании поведения человека.

¹ Метавселенная – это постоянно действующее виртуальное пространство, объединяющее физическую и цифровую реальность, где пользователи взаимодействуют друг с другом и с цифровыми объектами посредством аватаров.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ

В настоящей работе исходя из широкого (философского) подхода под правосознанием понимается сложная структура, отражающая систему правовых взглядов, основанных на чувстве ответственности за результаты функционирования и развития человека в обществе [8]. По мнению авторов, данный подход наиболее точно характеризует современный этап развития правосознания и релевантно показывает его место в системе социальных регуляторов в Сети.

Оценка правового сознания как системы правовых взглядов, включающих ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, отражающих действия пользователей виртуального пространства, позволяет говорить, что составляющие правосознания (правовая идеология и правовая психология) включают в себя комплекс представлений, эмоций и чувств, непосредственно связанных с действующей в государстве системой права и передающих конкретные свойства юридической действительности [9].

Антропологический переход не просто влияет на правовое сознание, а определяет, какие принципы и процедуры будут считаться легитимными, какие формы ответственности и участия в правовой жизни будут востребованы и как правовые институты должны адаптироваться к новым реалиям. Это обусловлено изменением базовых представлений человека о себе, социальных связях, пределах власти и ответственности, ростом доверия к абстрактным правовым декларациям, стремлением к минимизации внешнего принуждения.

С правовой точки зрения антропологический переход, активная цифровизация социума и динамичное развитие технологий искусственного интеллекта приводят к деформации правовой культуры и правосознания личности. Даже в реальном мире утрачивают свое значение базовые нравственные, гуманистические заповеди и традиционные ценности, лежащие в основе отечественного права. И это притом, что соблюдение содержащих их юридических норм обеспечивается наличием установленной государством ответственности и деятельностью правоохранительных органов. В виртуальном же пространстве регулирование отношений осуществляется на основе мультистейкхолдеризма, нормы права регламентируют лишь небольшую их часть, способы принуждения субъектов к правомерному и адекватному поведению существенно ограничены [10].

Также необходимо учитывать, что развитие законодательства, которое по своей природе консервативно, отстает от динамично изменяющихся общественных отношений, в том числе и в Сети. При этом не вызывает сомнения, что совершенствование технологий – важный фактор, инициирующий развитие механизма правового регулирования [11; 12].

Следует констатировать, что существующая система социальных регуляторов, ядром которой является право, не справляется с задачами регламентации отношений, возникающих в виртуальном пространстве. Поведение субъекта в Сети в какой-то мере определяется его общей и правовой культурой, которая обуславливает законопослушный и адекватный образ действий. Однако основную роль здесь играет правосознание, непосредственно влияющее на выбор лицом того или иного варианта поведения.

Таким образом, современное состояние социума характеризуется наличием двух масштабных процессов. С одной стороны, в реальном мире наблюдается деформация правосознания, а с другой – в Сети возрастает значение правового сознания как наиболее эффективного и значимого регулятора поведения человека, поскольку какие-либо установленные социальные (социально-технические) нормы (законодательства, пользо-

вательских соглашений и пр.) не охватывают (и в принципе не могут охватить) все многообразие и весь объем складывающихся в виртуальном пространстве отношений.

При этом, как уже отмечалось выше, правовое сознание в современных условиях деформируется, в том числе в результате воздействия цифровизации. Такое искаженное правовое сознание отличается наличием неверных взглядов, идей, теорий, чувств о справедливом и несправедливом, законном и незаконном, правовом идеале [13, с. 43]. В его структуре измененная правовая психология доминирует над неразвитой правовой идеологией. В результате субъект нередко совершает в реальном мире правонарушения, связанные с виртуальным пространством, а в Сети – деяния, которые расцениваются в цифровой среде как отклонения от принятых там правил поведения.

Важно отметить, что в настоящее время правовое сознание формируется только в реальном мире, где действует право, имеются правоохранительные органы, осуществляется правовое воспитание и применяются другие способы воздействия на личность, формирующие ее правовую культуру. В виртуальном пространстве присутствие и роль права ограничены, основой регламентации отношений являются пользовательские соглашения и правила, сформулированные самим интернет-сообществом. Таким образом, инструменты и способы воздействия на личность в Сети с целью формирования ее правосознания весьма скудны, а результаты такого воздействия минимальны.

Также следует учитывать, что виртуальное пространство само по себе достаточно токсичная и стрессовая среда. В нем не происходит воспитание лучших человеческих качеств, определяющих общую и правовую культуру личности, влияющих на формирование позитивного правосознания. Наоборот, анонимность субъекта и сложность привлечения его к ответственности приводят к появлению негативных чувств, эмоций и состояний: зависти, вседозволенности, безнаказанности, эгоизма, агрессии и пр. Поэтому уровень развития правосознания субъекта – участника отношений в Сети определяется только степенью его зрелости в реальном мире.

С учетом этого особенности формирования правосознания личности в современных условиях обусловлены необходимостью:

- знания основных прав и обязанностей в цифровом пространстве (конфиденциальность, свобода информации, авторское право, защита данных, контент-правила платформ и др.);
- умения ориентироваться в политике конфиденциальности, условиях пользования сервисами и договорах-офертах;
- осознания риска передачи персональных данных, навыков настройки приватности и использования безопасных паролей, двухфакторной аутентификации;
- понимания последствий утечки данных и киберугроз;
- этичного поведения (недопустимость травли и дискриминации, уважение к виртуальной собственности);
- ответственности за распространение ложной информации и нарушение правил электронных площадок;
- понимания неотвратимости последствий за правонарушения в Сети.

При этом большое значение имеет установка на правовые ценности, связанные с базовыми представлениями пользователей о гуманности, справедливости и ответственности, допустимом и недопустимом поведении в сетевом пространстве.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ОНЛАЙН-ИГР

Одним из последствий развития виртуального пространства стало то, что значительный сегмент цифровой среды теперь занимают онлайн-игры, в которых есть своя экономика, культура, правила поведения и пр. В них есть даже свое игровое имущество², которое обладает реальной стоимостью и может конвертироваться в реальные деньги. При этом его правовая природа до сих пор не определена, несмотря на то что стоимость данного имущества и количество обладающих им лиц (геймеров и инвесторов) стремительно возрастает с каждым годом.

2 В юридической науке предлагается рассматривать данное имущество в качестве виртуальных игровых активов (ВИА) – нематериальных объектов, которые имеют электронную форму, обладают экономической ценностью, возникают и существуют в виртуальном пространстве онлайн-игр.

Так, в 2024 г. общее количество геймеров в мире достигло 3,42 млрд человек, увеличившись на 4,5 %. Прогнозируется дальнейший рост их количества до 3,76 млрд к 2027 г.³ Учитывая, что в конце 2024 г. население Земли составляло 8,126 млрд человек⁴, игроками являются чуть более 42 % жителей планеты.

Следует отметить, что существующая система социальных регуляторов, ядром которой является право, не в состоянии полной мере обеспечить регламентацию отношений между геймерами в виртуальном пространстве. В связи с этим сформированное ранее правосознание личности оказывает решающее влияние на выбор пользователем того или иного варианта поведения в отношении других участников цифрового взаимодействия.

Сложность формирования правосознания человека в контексте участия в онлайн-играх обуславливает целесообразность рассмотрения этого процесса через его связь с юридическим мышлением. Являясь неотъемлемой составляющей механизма действия права, правосознание личности отражает не только юридическую действительность, но и определяет ценностные ориентиры человека, которые призваны стать основой его поведения в рамках взаимодействия с другими участниками виртуального пространства.

С учетом этого вполне своевременной представляется постановка вопроса о необходимости адаптации социальных институтов к использованию виртуального пространства, где формируется своя – альтернативная – реальность, далеко не всегда позитивно влияющая на личность.

Например, серьезную опасность для несовершеннолетних представляет американская игровая платформа Roblox, позиционирующая себя как безопасный цифровой мир, созданный для творчества, общения и игр миллионов детей. В действительности же на этой платформе получили широкое распространение различные схемы мошенничества, нацеленные на детей, когда злоумышленники предлагали несовершеннолетним выполнить

3 Компьютерные и видеоигры (мировой рынок) [Электронный ресурс] // TAdviser. 2025. 29 октября. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 14.04.2026).

4 Население Земли // TAdviser. 2025. 5 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 14.04.2026).

задания за получение ВИА, в том числе игровой валюты, и таким образом получали доступ к банковским приложениям родителей. Так, более миллиона рублей смогли похитить мошенники в январе 2025 г., манипулируя маленьким геймером из Москвы. Чтобы получить внушительную сумму игровой валюты, 10-летний мальчик беспрекословно выполнял все требования аферистов⁵.

Особенность платформы Roblox состоит в том, что участник игры может изменять ее ход, ориентируясь на обратную связь от других геймеров. При этом для регистрации учетной записи игрока необходима лишь электронная почта, что существенно упрощает процесс использования платформы в злонамеренных целях педофилами, кибербуллерами и мошенниками, которые рассылают играющим сомнительные предложения и склоняют несовершеннолетних игроков к противоправным действиям. Поэтому на этой платформе труднее преследовать педофилов, чем на других онлайн-платформах⁶.

Роскомнадзор с 2019 г. уведомлял администрацию Roblox о необходимости удалить размещенные на игровой платформе запрещенные материалы, поскольку система внутренней модерации неэффективна и не обеспечивает должный контроль безопасности контента. 29 ноября 2025 г. он заявил, что мониторинг Roblox неоднократно подтверждал неспособность внутренней системы модерации обеспечить стопроцентную безопасность появляющихся на платформе материалов и что в игровом пространстве в большом количестве присутствует неподобающий контент, который может негативно повлиять на духовно-нравственное развитие детей. Наконец, 3 декабря 2025 г. Роскомнадзор заблокировал Roblox⁷ в связи с выявлением фактов массово-

го и неоднократного распространения материалов с пропагандой и оправданием экстремистской и террористической деятельности, а также легализацией идеи ЛГБТ⁸.

В официальном сообщении Роскомнадзора, опубликованном 17 декабря 2025 г. по поводу обращения руководства платформы Roblox после ограничения ее работы в России, отмечалось, что требования по обеспечению безопасности детей при использовании платформы ранее неоднократно направлялись в адрес Roblox. Эти требования, касающиеся онлайн-безопасности детей, существуют в большинстве стран мира и направлены на их защиту от информации, связанной с насилием, в том числе сексуальным, склонением к суициду, агрессии, с детской порнографией, распространением наркотиков, вовлечением в террористическую и экстремистскую деятельность. Поскольку платформа не реагировала на законные требования Роскомнадзора, ее работа в России была ограничена⁹. 12 января 2026 г. Роскомнадзор подтвердил, что основания для разблокировки игровой платформы Roblox отсутствуют¹⁰. Однако 10 июня 2026 г. Roblox стал снова доступен российским пользователям в связи с тем, что платформа полностью выполнила требования российского законодательства по обеспечению безопасности пользователей¹¹.

С учетом отмеченного выше необходимость осмысления теоретических и практических аспектов проблемы формирования правосознания личности в виртуальном пространстве представляется весьма актуальной. Учитывая специфику правил функционирования интернет-среды, где традиционные юридические институты не сформированы или неэффективны, следует отметить, что с точки зрения широкого (философского) понимания

5 Разорить семью за три часа: как аферисты обманывают детей через Roblox [Электронный ресурс] // РЕН ТВ. 2025. 20 января. URL: <https://ren.tv/longread/1300293-razorit-semiu-za-tri-chasa-kak-aferisty-obmanyvaiut-detei-cherez-roblox> (дата обращения: 14.04.2026).

6 «Ад, кишащий педофилами». Что на самом деле происходит в онлайн-игре Roblox, которая популярна у российских детей? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2025. 15 ноября. URL: <https://dzen.ru/a/aReY27oxJ2kJuh-I> (дата обращения: 14.04.2026).

7 Халикова К. В России заблокировали Roblox. Что это за платформа и чем она опасна для подростков? [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2025. 3 декабря. URL: https://www.gazeta.ru/tech/22125925/cto-takoe-roblox.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 14.04.2026).

8 Движение ЛГБТ признано в России экстремистским и запрещено.

9 Официальное сообщение Роскомнадзора [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74971.htm> (дата обращения: 14.04.2026).

10 Роскомнадзор не видит оснований для разблокировки Roblox [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2026. 12 января. URL: <https://ria.ru/20260112/roblox-2067344761.html> (дата обращения: 14.04.2026).

11 Официальное сообщение Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/official-position/roblox-snova-dostupen-rossijskim-polzovatelyam> (дата обращения: 03.07.2026).

правосознания оно существует до права, наравне с правом и после права [14].

«Предправовое» состояние правосознания обуславливается представлениями человека о справедливости, равенстве, порядке, которые впоследствии воплощаются в правовые нормы, и подразумевает, что до того как определенное правило поведения станет официальным законом, оно формируется в умах людей и сохраняется порой даже тогда, когда конкретный закон отменяется или само государство прекращает существование.

Поскольку правосознание в цифровой среде, как правило, опережает государственное регулирование, формируясь в виде стихийного (автономного) порядка внутри сообществ пользователей (при этом неформальные правила сетевого взаимодействия (нетикет) могут формулироваться жестче, чем формальные законы), то это состояние можно охарактеризовать через ряд ключевых особенностей, связанных:

- с формированием «цифровых обычаев», посредством которых пользователи виртуального пространства вырабатывают собственные неписанные правила сетевого этикета, обеспечивающие их продуктивное взаимодействие;

- с представлениями о справедливости и «цифровой чести», основанными на внутреннем ощущении пользователей, которые сами определяют границы допустимого поведения, основываясь на ценностях свободы слова, анонимности или, напротив, прозрачности взаимодействия;

- с техническим детерминизмом, в рамках которого правосознание пользователей обуславливается пониманием того, что технически возможно делать, а что – нет в рамках защиты своих ВИА;

- с формированием запроса на правовую защиту, когда геймеры, сталкиваясь с мошенничеством или кражей ВИА, начинают осознавать необходимость вмешательства внешнего арбитра (государства), то есть на легитимацию такого вмешательства;

- с трансграничностью и универсальностью, когда виртуальное взаимодействие не ограничено рамками одного государства, а правосознание пользователей объединяет людей разных правовых систем общими представлениями о том, как должны функционировать

сетевые ресурсы, какие поступки допустимы (недопустимы) в виртуальном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что только философское понимание правосознания позволяет оперировать категориями идентичности и поведения участников сетевого взаимодействия в условиях, когда общественные отношения фактически регулируются техническими протоколами, кодом и неформальными правилами сетевых сообществ. В их рамках правосознание формируется через обеспечение (восстановление) безопасности его участников техническими средствами (поскольку закон в его традиционном виде бессиле из-за трансграничного характера нарушений). С учетом этого реализация идеи правосознания «до права» для локализации злонамеренных действий в рамках функционирования конкретной игровой платформы, где традиционные юридические институты не сформированы или неэффективны, нацеливает:

- на понимание участниками виртуального игрового взаимодействия, что злонамеренные действия совершаются не в конкретной стране, а на конкретной игровой платформе, на которой находится злоумышленник;

- на необходимость технической неотвратимости наказания злоумышленника по признаку идентичности актора (блокировки дальнейшего участия в игре), если действия такого геймера нарушают запрещенный код или консенсус группы, с раскрытием его личности и вытеснением за пределы игрового пространства;

- на ориентацию разработчиков программного обеспечения и экспертов по безопасности платформы закладывать этические ограничения в код ее функционирования;

- на смещение фокуса при «конфликте» юрисдикций с физическими границами игрового пространства на функциональные и технологические аспекты совершения злонамеренных действий, когда локализация злоумышленника правоохранительными органами происходит через доказательную связь между его цифровым профилем и следами противоправных транзакций («цифровым следом»).

Установление «цифрового следа» вместо физического адреса фактически ведет к

необходимости осмысления проблематики «цифровой личности» [15; 16] в контексте привлечения участников онлайн-игр к юридической ответственности, обеспечивая переход от восприятия сетевого пространства как «пространства без правил» к осознанию его как среды, где действуют те же моральные и правовые императивы, что и в материальном мире, но реализуемые посредством

иных механизмов. Это нацеливает на необходимость разработки стандартов, которые учитывают разнообразие культур и индивидуальные различия сетевых пользователей, но при этом сохраняют общий правовой порядок, на усиление юридической грамотности участников отношений, поиск баланса между свободой личности и общественной безопасностью.

Список источников

1. Сомова И.Ю. Биоцифровая конвергенция как инструмент трансгуманизма: методы и цели антропологического перехода / И.Ю. Сомова, К.С. Ипатова, А.Я. Амелченко // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SCSK323.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Аршинов В.И. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2020. – № 4. – С. 40–51.
3. Киселев А.Ф. Образование в перспективе глобального антропологического перехода (педагогическая утопия для XXI века) / А.Ф. Киселев, А.В. Лубков, Н.Н. Пахомов // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 3. – С. 76–83.
4. Кашкин С.Ю. Право в условиях антропологического цивилизационного перехода в цифровое общество / С.Ю. Кашкин // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2024. – № 4. – С. 85–96.
5. Ишкильдина Г.Р. Злоупотребление правом как деформация правосознания / Г.Р. Ишкильдина // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3 (41). – С. 23–28.
6. Сисакьян А.К. К вопросу о формировании конституционного правосознания российского общества / А.К. Сисакьян // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 2 (48). – С. 113–116.
7. Тарасов А.А. Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 130–144.
8. Степанов О.А. Правосознание и новые правовые образы, связанные с виртуальным пространством / О.А. Степанов // Право и виртуальное пространство : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – Москва : Проспект, 2025. – С. 106–118.
9. Галиев Ф.Х. Правовая культура как составная часть культуры и права / Ф.Х. Галиев // Правовое государство: теория и практика. – 2010. – № 2 (20). – С. 10–14.
10. Степанов О.А. О правовом реагировании на последствия поведения личности в виртуальном пространстве / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 24–33.

REFERENCES

1. Somova I.Yu., Ipatova K.S., Amelchenko A.Ya. Bio-Digital Convergence as a Tool of Transhumanism: Methods and Goals of Anthropological Transition. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, vol. 14, no. 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SCSK323.pdf>.
2. Arshinov V.I., Budanov V.G. The Network Information Revolutions and the Great Anthropological Transition: An Evolutionary Aspect. *Complexity. Reason. Post-non-classics*, 2020, no. 4, pp. 40–51. (In Russian).
3. Kiselev A.F., Lubkov A.V., Pakhomov N.N. Education in the Prospects of Global Anthropological Transition (Pedagogical Utopia for the 21st Century). *Higher Education Today*, 2019, no. 3, pp. 76–83. (In Russian).
4. Kashkin S.Yu. Law In Conditions of Anthropological Civilizational Transition to a Digital Society. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*, 2024, no. 4, pp. 85–96. (In Russian).
5. Ishkildina G.R. Abuse of Law as a Deformation of Legal Consciousness. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 3 (41), pp. 23–28. (In Russian).
6. Sissakyan A.K. To the Issue of the Formation of Constitutional Legal Consciousness of the Russian Society. *Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2017, no. 2 (48), pp. 113–116. (In Russian).
7. Tarasov A.A. Stereotypes of Corporate Legal Awareness in the Context of Criminal Procedure Institutions. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 130–144. (In Russian).
8. Stepanov O.A. Legal Awareness and New Legal Images Associated with Virtual Space. In Tikhomirov Yu.A. (ed.). *Law and Virtual Space*. Moscow, Prospect Publ., 2025, pp. 106–118. (In Russian).
9. Galiev F.Kh. Legal Culture as an Integral Part of Culture and Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2010, no. 2 (20), pp. 10–14. (In Russian).
10. Stepanov O.A., Stepanov M.M. On the Legal Response to the Consequences of Personal Behavior in Virtual Space. *Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 24–33. (In Russian).
11. Khabrieva T.Ya. Law in the Realities of the Technological Revolution. Moscow, Norma; INFRA-M Publ., 2025. 168 p.
12. Khabrieva T.Ya. Legal Essays on the Technological Revolution. Moscow, Norma; Infra-M Publ., Russian Academy of Sciences Publ., 2025. 144 p.

11. Хабриева Т.Я. Право в реалиях технологической революции : монография / Т.Я. Хабриева. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2025. – 168 с.
12. Хабриева Т.Я. Правовые очерки технологической революции : монография / Т.Я. Хабриева. – Москва : Норма; Инфра-М ; Российская академия наук, 2025. – 144 с.
13. Бернацкий Г.Г. Деформированное правосознание: пути возникновения и преодоления / Г.Г. Бернацкий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 1 (60). – С. 43–51.
14. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура / Н.Л. Гранат, В.В. Панасюк // Юрист. – 1998. – № 11/12. – С. 2–8.
15. Степанов О.А. О цифровой идентичности человека в виртуальном пространстве / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Российская юстиция. – 2025. – № 10. – С. 30–35.
16. Степанов О.А. О цифровой идентификации действий личности / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 205–210.
13. Bernatskiy G.G. A Deformed Sense of Justice: Ways of Emergence and Overcoming. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2025, no. 1 (60), pp. 43–51. (In Russian).
14. Granat N.L., Panasyuk V.V. Legal Consciousness and Legal Culture. *Jurist*, 1998, no. 11/12, pp. 2–8. (In Russian).
15. Stepanov O.A., Stepanov M.M. On the Digital Identity of an Individual in Virtual Space. *Russian Justice*, 2025, no. 10, pp. 30–35. (In Russian).
16. Stepanov O.A., Stepanov M.M. On Digital Identification of Actions Personality. *Gosudarstvo i pravo*, 2024, no. 7, pp. 205–210. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанов Олег Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра судебного права;

Степанов Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanov Oleg Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Judicial Law;

Stepanov Mikhail Mikhailovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research of Legislation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 10.06.2026. The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 10.06.2026.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.33184/pravgos-2026.3.5

Original article

РОМАНОВСКАЯ Наталья Александровна

Центральный филиал Российского

государственного университета

правосудия имени В.М. Лебедева,

Воронеж, Россия,

Knyazhna-Nataly@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5706-6161>

ROMANOVSKAYA Natalya Aleksandrovna

Central Branch of the Russian State University

of Justice named after V.M. Lebedev,

Voronezh, Russia

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИЕЙ ТРУДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

PROTECTION OF LABOR RIGHTS BY THE STATE LABOR INSPECTORATE
AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В последние годы правовое регулирование деятельности Федеральной инспекции труда претерпело существенные изменения. Во-первых, акцент был смещен с контрольной (надзорной) деятельности на профилактическую; во-вторых, существенно ограничены основания проведения как плановых, так и внеплановых контрольных мероприятий. Цель исследования: рассмотреть действующее правовое регулирование деятельности Федеральной инспекции труда по защите трудовых прав работников и оценить эффективность и доступность такой защиты. Методы: при изучении нормативного материала применялся формально-юридический метод; сравнительно-правовой метод позволил сопоставить действующее правовое регулирование административной формы защиты трудовых прав работников с международными стандартами; при исследовании правоприменительной практики использовались общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, что позволило сформулировать авторские выводы и предложения. В результате проведенного исследования установлено, что изменения правового регулирования государственного контроля (надзора) в сфере труда существенно снизили эффективность защиты органами Федеральной инспекции труда трудовых прав работников. Сформулированы предложения о приведении действующего законодательства в части плановых контрольных мероприятий в соответствие с Конвенцией МОТ № 81 и о возвращении государственным инспекторам права на проведение контрольных мероприятий на основании обращений работников о нарушении их трудовых прав.

Abstract. In recent years, the legal regulation of the Federal Labor Inspectorate's activities has undergone significant changes. Firstly, the emphasis has shifted from control (supervisory) activities to preventive ones; secondly, the grounds for conducting both planned and unscheduled control measures have been substantially limited. The purpose of the research is to examine the current legal regulation of the Federal Labor Inspectorate's activities in protecting employees' labor rights and to assess the effectiveness and accessibility of such protection. Methods: the formal-legal method was applied in the study of statutory materials. The comparative legal method made it possible to compare the current legal regulation of the administrative form of protection of employees' labor rights with international standards. General scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction were applied to examine law enforcement practice, which enabled the formulation of original conclusions and proposals. The conducted research establishes that changes in the legal regulation of state control (supervision) in the sphere of labor have significantly reduced the effectiveness of the Federal Labor Inspectorate in protecting employees' labor rights. The paper formulates proposals to bring current legislation on scheduled inspections into compliance with ILO Convention No. 81 and to reinstate the right of state inspectors to conduct inspections based on employee complaints about labor rights violations.

Ключевые слова: защита прав, административная защита, государственный контроль (надзор), государственная инспекция труда, проверка, жалоба, предписание

Keywords: protection of rights, administrative protection, state control (supervision), state labor inspection, inspection, complaint, order

Для цитирования: Романовская Н.А. Защита трудовых прав работников государственной инспекцией труда на современном этапе / Н.А. Романовская. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 38–44.

For citation: Romanovskaya N.A. Protection of Labor Rights by the State Labor Inspectorate at the Present Stage. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 38–44. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.5.

ВВЕДЕНИЕ

Право каждого на защиту со стороны государства гарантировано ст. 45 Конституции РФ. В сфере труда приоритет защиты прав и законных интересов работников вытекает из социального назначения трудового права, целей и задач трудового законодательства, сформулированных в ст. 1 ТК РФ. Это обусловлено экономическим и организационным неравенством сторон трудовых правоотношений, которое должно сглаживаться путем предоставления работнику дополнительных юридических преимуществ [1, с. 73]. В нормах, гарантирующих право на защиту и устанавливающих ее порядок, выражается социальная сущность государства, поскольку они направлены на обеспечение достойного уровня жизни, что, в свою очередь, является конституционной обязанностью Российской Федерации как социального государства [2, с. 125].

Административная защита, реализуемая в деятельности Федеральной инспекции труда, занимает особое место среди форм защиты трудовых прав работников как форма, осуществляемая от имени государства, не требующая от работника юридических знаний и в идеале не создающая угрозы усугубления конфликта с работодателем. При этом немаловажно и то, что государственный контроль (надзор) является не только гарантированным государством способом защиты, но и одним из принципов трудового права.

В последние годы правовое регулирование контрольной (надзорной) деятельности, в том числе и Федеральной инспекции труда, претерпело существенные изменения: во-первых, был установлен приоритет профилактических мероприятий над контрольными (надзорными); во-вторых, ограничены полномочия инспекции при проведении плановых контрольных мероприятий; в-третьих, суще-

ственно сужен круг оснований для проведения внеплановых контрольных мероприятий; в-четвертых, сам перечень контрольных мероприятий расширен и теперь не ограничивается только проверками.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИМЫЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИЕЙ ТРУДА

Безусловно, предотвращать нарушения лучше, чем наказывать за их совершение. Однако все профилактические мероприятия, проводимые Федеральной инспекцией труда, по существу сводятся к доведению в разных формах до работодателей информации о содержании и сущности норм трудового права, последствиях их неисполнения и нарушения.

Так, Федеральная инспекция труда проводит следующие профилактические мероприятия: информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование и профилактический визит¹. Наиболее часто применяемым является предостережение: из 590 тыс. профилактических мероприятий, проведенных в 2024 г., 376 тыс. – предостережения². Как правило, они объявляются по результатам рассмотрения обращений работников о нарушении их трудовых прав.

Согласно ст. 49 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и

1 Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права : утв. постановлением Правительства РФ от 21.07.2021 № 1230 (в ред. от 28.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2024 г. С. 18. // Федеральная служба по труду и занятости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14167 (дата обращения: 28.10.2025).

муниципальном контроле в Российской Федерации»³ (далее – Закон о контроле) предостережение объявляется при наличии у контрольного (надзорного) органа сведений о готовящихся нарушениях или признаках нарушений обязательных требований и (или) в случае отсутствия подтвержденных данных о том, что нарушение причинило или создало угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым законом интересам. По своей сути предостережение представляет собой документ информационного характера, в котором содержатся сведения о нарушении и предложение о принятии мер по обеспечению соблюдения обязательных требований. При этом оно не может содержать ни требований о представлении сведений и документов, ни сроков совершения тех или иных действий.

Таким образом, предостережение никак не обеспечивает пресечение нарушений норм трудового права и восстановление нарушенных трудовых прав работников, поскольку при его получении у работодателя не возникает никаких юридических обязанностей, следовательно, работодатель имеет возможность просто игнорировать этот документ.

Мероприятием информационного характера является и профилактический визит. Роструд отмечает, что по сути это бесплатный аудит соблюдения трудового законодательства на конкретном предприятии, в ходе которого работодателям даются разъяснения по вопросам соблюдения трудового законодательства и рекомендации по снижению рисков возникновения нарушений⁴. Но в дальнейшем, как и в случае объявления предостережения, не выясняется, насколько работодателями соблюдены полученные рекомендации.

Однако причиной нарушений трудовых прав работников со стороны работодателя является отнюдь не недостаток знаний о содержании и объеме этих прав, а стремление снизить издержки на персонал, а также недостаток средств для перечисления всех причитающихся работникам выплат. Так, на основе анализа результатов надзорной деятельности

своих территориальных органов Роструд пришел к выводу, что причинами и условиями сохраняющейся массовости нарушений трудового законодательства являются: износ и старение основных производственных фондов, неполное финансирование работодателями мероприятий по охране труда, нестабильное финансовое состояние организаций, непринятие работодателями действенных мер воздействия к нарушителям требований трудового законодательства⁵. Таким образом, в основе нарушений трудового законодательства в подавляющем большинстве случаев лежит экономическая выгода. И в том числе эту выгоду поддерживают достаточно низкие размеры административных штрафов за нарушение трудового законодательства. Поэтому представляется, что мероприятия информационного характера едва ли могут обеспечить соблюдение работодателями норм трудового права.

Основная задача инспекции труда согласно Конвенции МОТ № 81⁶ – обеспечение применения положений законодательства в области условий труда и безопасности трудящихся, для чего инспекции должны обладать достаточными полномочиями. В связи с этим целей защиты по-прежнему можно достичь лишь посредством проведения контрольных (надзорных) мероприятий.

Однако, устанавливая приоритет профилактических мероприятий, законодатель существенно ограничил возможности Федеральной инспекции труда при проведении контрольных (надзорных) мероприятий, что противоречит положениям Конвенции МОТ № 81, относящейся к числу приоритетных.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПЛАНОВЫХ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Согласно ст. 16 Конвенции МОТ № 81 «предприятия инспектируются так часто и так тщательно, как это необходимо для обе-

3 О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

4 См.: Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2024 г. С. 19 // Федеральная служба по труду и занятости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14167 (дата обращения: 28.10.2025).

5 Программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на 2025 год : утв. Приказом Роструда от 09.12.2024 № 328 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

6 Об инспекции труда в промышленности и торговле : конвенция МОТ № 81 : принята в г. Женеве 11.07.1947 на 30-й сессии Генеральной конференции МОТ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 50, ст. 4650.

спечения эффективного применения соответствующих законодательных положений».

Этому положению прямо противоречат нормы, устанавливающие: 1) мораторий на проведение плановых проверок, который с 2016 г. неоднократно вводился в отношении малого и среднего бизнеса [3, с. 94], а с 2022 г. действует в отношении всех работодателей, кроме тех, которые отнесены к категории высокого риска⁷; 2) рискориентированный подход, в силу которого определяется периодичность проведения плановых проверок в зависимости от установленной работодателю категории риска, а работодатели, отнесенные к категории низкого риска, и вовсе исключены из сферы внимания Федеральной инспекции труда.

Такой подход привел к тому, что в отношении основной массы работодателей вообще не проводятся контрольные мероприятия. Так, согласно Отчету о деятельности Федеральной службы по труду и занятости в 2024 г. общее количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории России, составило более 9 672 000, а количество проведенных контрольных мероприятий – лишь 6680, выявлено более 47 000 нарушений трудового законодательства⁸.

Согласно ч. 1 ст. 12 Конвенции МОТ № 81 инспекторы труда имеют право беспрепятственного прохода без предварительного уведомления и в любое время суток на любое предприятие, охватываемое контролем инспекции. Этому положению прямо противоречат нормы, устанавливающие: 1) обязательную публикацию плана проверок и уведомление работодателя о проведении выездной проверки; 2) возможность проведения контрольных мероприятий только по согласованию с прокуратурой. Проводимые таким образом проверки позволяют недобросовестным работодателям привести условия труда в соответствие с требованиями лишь на период проведения проверки [4, с. 494].

⁷ Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства от 10.03.2022 № 336 (в ред. от 28.12.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2024 г. С. 25–26. // Федеральная служба по труду и занятости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14167 (дата обращения: 28.10.2025).

Также негативным фактором, ограничивающим возможности восстановления нарушенных прав работников, является введение проверочных листов, содержащих исчерпывающий перечень вопросов, ответы на которые определяют степень выполнения требований трудового законодательства⁹: работодатель заинтересован в соблюдении лишь требований, включенных в такие проверочные листы, а любое, даже самое грубое нарушение трудовых прав работников, которое окажется за пределами проверочных листов, будет оставлено контролирующими органами без внимания [4, с. 495].

Представляется, приведенные ограничения в плановой контрольной (надзорной) деятельности Федеральной инспекции труда противоречат самой сущности трудового права как права охраны труда в широком смысле [5, с. 8]. Работник находится в организационной и экономической зависимости от работодателя, и лишь государство посредством правового регулирования, ограничивая и вводя в правовые рамки работодательскую власть [6, с. 24–25], способно это неравенство сгладить. Но соблюдение норм трудового права для работодателя в подавляющем большинстве случаев экономически невыгодно, поэтому очевидно, что без риска выявления нарушений и привлечения к ответственности за них работодатели будут уклоняться от предоставления работникам закрепленных трудовым законодательством прав и гарантий. Любопытно, что исторически принятие первых правовых актов фабричного законодательства сопровождалось и установлением контроля за их соблюдением, а трудовая инспекция появилась практически одновременно с первыми фабричными законами [7, с. 91–104].

Таким образом, наличие сильной инспекции с широким кругом полномочий жизненно необходимо, поскольку именно контроль (надзор) является силой, обеспечивающей эффективность применения норм трудового права и, как следствие, создающей условия для обеспечения баланса прав и интересов сторон трудовых правоотношений.

⁹ Программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на 2025 год : утв. Приказом Роструда от 09.12.2024 № 328 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с изложенным полагаем необходимым снять ограничения на проведение Федеральной инспекцией труда плановых контрольных мероприятий и привести российское законодательство в соответствие с Конвенцией МОТ № 81.

ОГРАНИЧЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВНЕПЛАНОВЫХ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Ограничения также коснулись и внеплановых мероприятий, в том числе по обращениям работников. Жалоба в государственную инспекцию труда является одним из самых простых и доступных для работника правовых средств защиты. Тем более что в настоящее время обращение можно подать в электронной форме через сервис онлайн-инспекция.рф, где работник может заполнить форму жалобы, что исключает неуказание обязательных реквизитов.

Однако Федеральным законом от 28 июня 2021 г. № 220-ФЗ¹⁰ признана утратившей силу ст. 360 ТК РФ, устанавливавшая основания внеплановых проверок, в числе которых были и «обращения или заявления работника о нарушении работодателем его трудовых прав».

В настоящее время основания для проведения внеплановых контрольных мероприятий установлены нормами ст. 57 и 60 Закона о контроле. Согласно этим нормам по обращению работников Федеральная инспекция труда может провести внеплановую проверку, только если оно содержит информацию либо о причинении или непосредственной угрозе причинения вреда жизни или здоровью (п. 1 ч. 1 ст. 57, п. 1 ч. 1 ст. 60), либо о массовых (более 10 % среднесписочной численности или более 10 человек) нарушениях, связанных с полной или частичной невыплатой заработной платы свыше одного месяца (п. 4 ч. 2 ст. 60). На практике поступление отдельных заявлений от значительного количества (свыше 10 человек) работников не признается органами Федеральной инспекции труда основанием для проведения проверки, а все заявители получают разъяснение о праве на обращение за защитой в суд общей юрисдикции. По всей видимости, основанием для проведения внеплановой проверки в связи

с массовой невыплатой заработной платы будет являться лишь коллективное обращение, что представляется бесспорным.

Кроме того, даже в названных случаях внеплановая проверка может быть проведена только при условии согласования с органами прокуратуры, что в значительной мере усложняет процедуру и ограничивает возможности Федеральной инспекции труда.

Согласно отчетам о деятельности Федеральной службы по труду и занятости до изменения оснований проведения внеплановых проверок стабильно порядка 90 % проводимых государственной инспекцией труда проверок были внеплановыми¹¹. В 2024 г. в органы Федеральной инспекции труда поступило 244 000 обращений граждан по вопросам нарушения их трудовых прав, по результатам рассмотрения которых было проведено лишь 1724 проверки, а в большинстве случаев даны лишь разъяснения¹². Для сравнения: в докризисном 2019 г. было рассмотрено 397 000 обращений, по которым было проведено более 101 600 контрольных мероприятий¹³. То есть в 2019 г. проверки проводились по каждому 3–4 обращению, а в 2024 г. лишь по 1,5 % обращений. При этом в результате практически каждой проведенной проверки выявляются нарушения трудового законодательства.

Вопрос о праве государственного инспектора труда выдавать обязательные для исполнения предписания по результатам проведения внеплановой проверки по жалобе работника долгие годы был предметом научной дискуссии [8, с. 188–189]. Предпосылкой для нее стала сложившаяся судебная практика отмены предписаний государственных инспекторов труда в связи с превышением ими полномочий на том основании, что в силу абз. 2 ст. 356 и абз. 6 ч. 1 ст. 357 ТК РФ «при проведении проверок государственный инспектор труда вы-

11 Отчеты о деятельности Федеральной службы по труду и занятости // Федеральная служба по труду и занятости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14167 (дата обращения: 28.10.2025).

12 Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2024 г. С. 41. // Федеральная служба по труду и занятости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14167 (дата обращения: 28.10.2025).

13 Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2019 г. С. 73. // Федеральная служба по труду и занятости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14167 (дата обращения: 28.10.2025).

10 О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2021 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 1), ст. 5048.

дает обязательное для исполнения работодателем предписание только в случае очевидного нарушения трудового законодательства»¹⁴, а трудовые споры рассматриваются комиссией по трудовым спорам (далее – КТС) и судом. При этом в судебных постановлениях не раскрывалось, что следует понимать под «очевидными нарушениями трудового законодательства». Ввиду такой практики государственные инспекторы труда избегали вынесения предписаний по результатам рассмотрения жалоб работников и ограничивались разъяснениями права на обращение в суд.

Действующее правовое регулирование, как представляется, является закономерным следствием сложившейся ранее практики. Тем не менее полагаем, что оно, как и приведенная выше практика, противоречит как задачам Федеральной инспекции труда, необоснованно ограничивая ее полномочия, так и закрепленным в ст. 2 ТК РФ принципам трудового законодательства, да и вообще самому социальному назначению трудового права, предопределяющему приоритет защиты трудовых прав работников.

При этом представляется обоснованным сформулированный в литературе по трудовому праву вывод об отсутствии рисков смещения компетенции Федеральной инспекции труда и суда, поскольку законодатель придерживается процессуально-правовой концепции трудового спора, согласно которой трудовой спор возникает лишь с момента передачи разногласия в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, то есть в КТС или в суд, а до этого можно говорить лишь о разногласии, которое может быть урегулировано государственной инспекцией труда [9, с. 84–87].

Таким образом, полагаем целесообразным возвращение к прежнему варианту правового регулирования, когда обращение работника с заявлением, содержащим сведения о нарушении его трудовых прав, являлось основанием для проведения внепланового контрольного мероприятия. При этом предметом установления в ходе проведения контрольных мероприятий должны быть лишь вопросы права, а не факта. Например, при оспаривании дисциплинарного взыскания государственная инспекция труда должна проверять лишь соблюдение процедуры, но

не вопросы обоснованности совершения работником тех или иных действий.

Вместе с тем стоит признать и наличие некоторых положительных нововведений. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 57 Закона о контроле основаниями проведения контрольного мероприятия являются «выявление соответствия объекта контроля параметрам, утвержденным индикаторами риска нарушения обязательных требований, или отклонения объекта контроля от таких параметров». Перечень индикаторов риска нарушения норм трудового права утвержден Министерством труда и социальной защиты РФ в 2021 г.¹⁵ и постоянно расширяется. В настоящее время таких индикаторов 9. Анализ отчетов о деятельности Федеральной службы по труду и занятости позволяет прийти к выводу, что они реально применяются на практике. Вместе с тем представляется, что в целях повышения эффективности контроля при срабатывании индикаторов риска нуждаются в совершенствовании механизмы межведомственного взаимодействия, с тем чтобы органы Федеральной инспекции труда своевременно и в полном объеме получали необходимую информацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что изменения правового регулирования деятельности Федеральной инспекции труда негативно сказались на защищенности трудовых прав работников, существенно ухудшив их правовое положение.

Расширение полномочий Федеральной инспекции труда по информированию работодателей о содержании норм трудового права, с одной стороны, может способствовать повышению юридической грамотности и правовой культуры работодателей, а с другой – их реализация требует значительных трудовых затрат, что при неизменной численности государственных инспекторов труда неизбежно влечет снижение эффективности контрольной (надзорной) деятельности, которая, на наш взгляд, все же должна оставаться приоритетной.

¹⁴ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2014 № 47-КГ14-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права : утв. приказом Минтруда России от 30.11.2021 № 838н (в ред. от 08.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поскольку трудовая инспекция является силой, обеспечивающей соблюдение работодателями норм трудового права, что в конечном итоге создает условия для достижения баланса прав и интересов работников и работодателей, полагаем, следует наделить Федеральную инспекцию труда необходимыми для выполнения возложенных на нее задач полномочиями. В связи с этим нужно, во-первых, привести действующее законодательство в части плановых контрольных мероприятий в

соответствие с Конвенцией МОТ № 81; во-вторых, вернуть государственным инспекторам труда право на проведение контрольных мероприятий на основании обращений работников о нарушении их трудовых прав; в-третьих, совершенствовать механизмы межведомственного взаимодействия в целях получения органами Федеральной инспекции труда своевременной и полной информации, которая может послужить основанием для внепланового контрольного мероприятия.

Список источников

1. Нуртдинова А.Ф. Нравственные основы трудового права / А.Ф. Нуртдинова // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 71–83.
2. Буянова М.О. Защита прав и законных интересов работников как задача трудового права / М.О. Буянова // Российский юридический журнал. – 2023. – № 6. – С. 124–134.
3. Лютов Н.Л. Трудовые инспекции в постсоветских государствах: деградация ради мифа об экономической эффективности / Н.Л. Лютов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12. – С. 92–106.
4. Трудовое право: национальное и международное измерения : монография. Т. 2. Трансформация трудовых отношений и проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость / под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. – Москва : Норма, 2022. – 568 с.
5. Куренной А.М. Общая часть трудового кодекса РФ: декларация или руководство к действию? / А.М. Куренной // Трудовое право в России и за рубежом. – 2022. – № 4. – С. 7–11.
6. Трудовое право России : учебник / под ред. А.М. Куренного. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2024. – 720 с.
7. Лушников А.М. Курс трудового права : учебник : в 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : Статут, 2009. – 879 с.
8. Лушников А.М. Охрана труда и трудовое право: контроль (надзор) : научно-практическое пособие / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – Москва : Проспект, 2015. – 248 с.
9. Сафирова А.А. Защита трудовых прав работников федеральной инспекцией труда / А.А. Сафирова. – Москва : Проспект, 2016. – 144 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовская Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovskaya Natalya Aleksandrovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 10.06.2026. The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 10.06.2026.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья
УДК 347.463
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.6

Original article

КОЛОДУБ Григорий Вячеславович
Саратовская государственная
юридическая академия,
Саратов, Россия,
kolodub-ssla@yandex.ru

KOLODUB Grigory Vyacheslavovich
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

ДОСТУП К ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

ACCESS TO TRANSPORT INFRASTRUCTURE: ISSUES IN THE REGULATORY
FRAMEWORK AND CIVIL LAW QUALIFICATION

Аннотация. Правовая категория «доступ к транспортной инфраструктуре», имеющая значение для гражданско-правовой квалификации инфраструктурных отношений, не получила единого нормативного закрепления. В действующем регулировании доступ связывается с инфраструктурным объектом, условиями его использования, услугами, процедурами согласования, допуском и режимом правомерного использования инфраструктуры. Цель исследования состоит в выявлении правового содержания доступа к транспортной инфраструктуре и оснований для его соотношения с инфраструктурной услугой. Методы: формально-юридический метод использован при анализе федеральных законов, подзаконных актов и актов программного характера; системно-правовой применен для установления связи между доступом, допуском, режимом использования инфраструктуры и обеспечительными процедурами; сравнительно-правовой – для сопоставления различных нормативных способов закрепления доступа в транспортном, дорожном, антимонопольном и смежном инфраструктурном регулировании; методы анализа и синтеза позволили выделить общие квалификационные признаки доступа. Результаты: обосновано, что доступ к транспортной инфраструктуре не должен быть квалифицирован только как единичный юридический факт или как последствие заключения договора, поскольку его содержание формируется в пределах установленного порядка функционирования инфраструктуры

Abstract. The legal category of “access to transport infrastructure”, which is significant for the civil law qualification of infrastructure relations, lacks a unified regulatory definition. In current legislation, access is associated with the infrastructure facility, terms of its use, services, approval procedures, authorization, and the regime of lawful infrastructure utilization. The purpose of this study is to identify the legal content of access to transport infrastructure and the grounds for correlating it with infrastructure services. Methods: the formal-legal method was employed to analyze federal laws, bylaws, and policy documents. The systemic-legal method was used to establish the relationship between access, authorization, infrastructure usage regimes, and security procedures. The comparative legal method was applied to compare various regulatory approaches to defining in transport, road, antitrust, and related infrastructure regulations. The methods of analysis and synthesis enabled the identification of the general qualifying characteristics of access. Results: the study substantiates that access to transport infrastructure should not be qualified solely as a single legal fact or as a consequence of a contract, since its content is shaped within the established framework of infrastructure operation, taking into account technical, organizational, economic, and procedural requirements. It is concluded that access to transport infrastructure is an integral part of the infrastructure service, representing a legally secured

с учетом технических, организационных, экономических и процедурных требований; сделан вывод, что доступ к транспортной инфраструктуре входит в содержание инфраструктурной услуги как юридически обеспеченная возможность правомерного и технологически допустимого использования инфраструктуры.

Ключевые слова: доступ к транспортной инфраструктуре, транспортная инфраструктура, инфраструктурные отношения, использование инфраструктуры, правовое регулирование, гражданско-правовая квалификация, недискриминационный доступ, инфраструктурная процедура, инфраструктурная услуга

Для цитирования: Колодуб Г.В. Доступ к транспортной инфраструктуре: проблемы нормативного закрепления и гражданско-правовой квалификации / Г.В. Колодуб. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 45–54.

opportunity for the lawful and technologically feasible use of the infrastructure.

Keywords: access to transport infrastructure, transport infrastructure, infrastructure relations, use of infrastructure, legal regulation, civil law qualification, non-discriminatory access, infrastructure procedure, infrastructure service

For citation: Kolodub G.V. Access to Transport Infrastructure: Issues in the Regulatory Framework and Civil Law Qualification. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 45–54. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.6.

ВВЕДЕНИЕ

Категория «доступ» применительно к транспортной инфраструктуре в действующем праве закрепляется по-разному в зависимости от предмета и задач соответствующего нормативного акта. Это осложняет ее юридическую квалификацию и последующее применение. Кроме того, в нормативных актах данный термин используется фрагментарно и соотносится с различными видами отношений, складывающихся при использовании инфраструктуры.

В ряде случаев термин «доступ» прямо не используется, однако законодатель регулирует близкие по содержанию связи посредством норм о порядке обращения заинтересованного лица, согласовании условий использования инфраструктуры, заключении договора, технических параметрах эксплуатации и распределении обязанностей между участниками. Именно такие нормы определяют, при каких условиях заинтересованное лицо может использовать инфраструктуру и в каких пределах такое использование является правомерным. Поэтому возможность использования инфраструктуры зависит не только от формального допуска, но и от установленных

эксплуатационных требований, пропускной способности, технических условий и процедур согласования¹.

Иной аспект регулирования возникает тогда, когда заинтересованное лицо уже допущено к использованию инфраструктуры, но объем использования определяется параметрами функционирования инфраструктуры. К числу таких параметров относятся пропускная способность, порядок эксплуатации, технические условия взаимодействия участников и ограничения, связанные с фактической возможностью инфраструктуры принять дополнительную нагрузку. В этой ситуации правовое значение имеет не сам факт допуска, а пределы допустимого использования инфраструктуры. Допуск к инфраструктуре не гарантирует использование инфраструктуры в полном объеме, поскольку объем использования зависит от установленных технических и эксплуатационных параметров. Это видно, в частности, на примере практики ОАО «РЖД» по выделению направле-

¹ См., например: Иршенко С. Во Владивостоке ограничат движение большегрузов из-за жары [Электронный ресурс]. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/686dd4a29a7947d87370cb98> (дата обращения: 16.04.2026).

ний с ограниченной пропускной и провозной способностью².

Особую группу образуют нормы процедурного характера, определяющие порядок заключения договоров и согласования действий участников. Так, в авиационной сфере использование аэропортовой инфраструктуры связано с получением и подтверждением слотов в пределах пропускной способности аэропорта, включая его аэродромную составляющую. Пропускная способность определяется с учетом технических параметров функционирования аэродрома, а также возможностей иных элементов аэропортовой инфраструктуры. При дефиците пропускной способности решение о предоставлении слота фактически определяет пределы допуска к использованию аэропортовой инфраструктуры. Распределение слотов прямо не квалифицируется как самостоятельная инфраструктурная процедура, однако используется для согласования действий перевозчика, оператора аэропорта и иных участников авиационной деятельности. Поэтому правовое значение распределения слотов может оцениваться по-разному – как элемент допуска к использованию инфраструктуры либо как способ организационного согласования действий участников.

Отсутствие единого понятийного и содержательного оформления доступа к транспортной инфраструктуре приводит к смешению понятий допуска к инфраструктуре, режима ее использования и процедур согласования действий участников. Это затрудняет квалификацию отношений и может приводить к неточному определению объема прав и обязанностей участников транспортных отношений. Сам факт допуска нередко воспринимается как правовая возможность использования инфраструктуры в полном объеме, хотя в действительности объем такого использования ограничен параметрами функционирования инфраструктуры. Разграничение указанных понятий и соответствующих им правовых режимов позволяет точнее

определить содержание соответствующих отношений и повысить предсказуемость правоприменительной практики.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОСТУПА К ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ

В настоящем исследовании анализ доступа к инфраструктуре строится не на абстрактном конструировании указанной категории, а на обращении к положениям действующего законодательства. Данный подход основан на понимании права как феномена, призванного внести в общественную жизнь устойчивые нормативные начала и обладающего для этого соответствующим юридическим инструментарием [1, с. 3]. В связи с этим исследовательское внимание переносится с дефиниций на способы юридического регулирования соответствующих связей, в которых и раскрывается практически значимое содержание доступа к инфраструктуре.

Нормативную и организационно-правовую основу анализа составляют федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства РФ, ведомственные акты и методические документы, регулирующие отношения, связанные с доступом к транспортной и дорожной инфраструктуре, а также к сопоставимым объектам смежной инфраструктуры, включая инфраструктуру железнодорожного транспорта общего пользования. Обращение к указанному нормативному материалу позволяет выявить общие способы юридического оформления доступа, а его анализ – зафиксировать не только способы прямого или косвенного упоминания доступа, но и те элементы регулирования, посредством которых фактически обеспечивается возможность использования инфраструктуры соответствующими субъектами. При этом внимание сосредоточено на нормативных средствах юридического оформления отношений, складывающихся при использовании инфраструктуры, а не на терминологической стороне вопроса.

Выявление смысловых связей между нормами требует такого уровня анализа, при котором нормативный материал рассматривается не как совокупность разрозненных предпри-

² См., например: РЖД опубликовали перечень направлений с ограниченной пропускной способностью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/rzhd-opublikovali-perechen-napravleniy-s-ogranichennoy-propusknoy-sposobnostyu/> (дата обращения: 16.04.2026).

саний, а как взаимосвязанная система, формирующая правовое регулирование использования инфраструктуры. Так, теория систем имеет универсальный характер и применима к различным системам, включая правовые [2, с. 166], что позволяет рассматривать нормативный материал как единое целое, в котором отдельные предписания соотносятся между собой и образуют согласованный порядок регулирования использования инфраструктуры. Такой подход предполагает применение к праву системных методов исследования, изучение его отдельных элементов и их взаимодействия как целостного объекта [3, с. 76], что исключает возможность обособленного рассмотрения отдельных правовых предписаний вне их взаимосвязи. В теории систем подчеркивается, что система представляет собой комплекс элементов, находящихся во взаимодействии [4, с. 105]; применительно к праву это обуславливает необходимость учета не только содержания отдельных норм, но и характера их взаимосвязей, то есть рассмотрения законодательства как системного объекта [5, с. 205].

Отдельные законодательные положения при таком подходе оцениваются не только по их собственному содержанию, но и по месту в более сложном правовом образовании, взаимодействие элементов которого обеспечивает согласованное регулирование отношений. Необходимо учитывать не только содержание норм, но и их функциональное назначение, характер связей с иными нормами, участвующими в регулировании. Учет свойств системы в целом позволяет более точно воздействовать на нее «извне» [6, с. 301], в том числе средствами нормативного регулирования. Поэтому обращение к совокупности таких связей позволяет выявить внутреннюю упорядоченность нормативного материала и определить, каким образом отдельные элементы включаются в общий порядок регулирования использования инфраструктуры. В результате анализ ориентируется на выявление устойчивых характеристик исследуемой категории, формирующихся на уровне взаимодействия соответствующих нормативных предписаний.

ПОДХОДЫ К НОРМАТИВНОМУ ЗАКРЕПЛЕНИЮ ДОСТУПА К ИНФРАСТРУКТУРЕ

В отраслевых и смежных актах неоднородность закрепления доступа проявляется в нескольких нормативных вариантах, каждый из которых связан с задачами конкретного регулирования. На уровне базового отраслевого закона доступ фиксируется как элемент функционирования инфраструктуры железнодорожного транспорта, сопряженный с обязанностью обеспечения недискриминационных условий³. Однако в том же нормативном контексте он фактически не отделяется от оказания услуг по использованию инфраструктуры, вследствие чего различие между допуском и эксплуатацией не проводится.

Подобная двойственность сохраняется и в подзаконном регулировании, где соответствующие предписания конкретизируются без устранения исходной неоднородности. Так, в Правилах недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре⁴, утвержденных Правительством РФ, доступ одновременно связывается и с инфраструктурой, и с услугами по перевозке⁴. Отмеченное нормативное решение не уточняет содержание категории, а, напротив, усиливает неопределенность ее двойственной направленности, поскольку она применяется и для обозначения возможности использования инфраструктуры, и как элемент оказания соответствующих услуг.

Указанная неопределенность имеет не только терминологическое значение. Отсутствие устойчивого понимания доступа непосредственно влияет на квалификацию складывающихся отношений, поскольку не позволяет определить, идет ли речь о возникновении обязательства, о реализации уже существующего права либо о включении в особый порядок использования инфраструктуры.

3 О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2, ст. 169.

4 Об утверждении Правил недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре железнодорожного транспорта общего пользования, грузоотправителей к услуге по перевозке грузов железнодорожным транспортом общего пользования : постановление Правительства РФ от 25.11.2003 № 710 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 48, ст. 4680.

В смежных сферах регулирования, не относящихся непосредственно к транспортному законодательству, но предметно затрагивающих доступ к инфраструктуре, прослеживается иная линия – попытка придать категории предметную определенность посредством указания на инфраструктурный объект. Обращение к таким актам оправдано тем, что они позволяют выявить юридические приемы оформления доступа, значимые и для анализа транспортной инфраструктуры. Так, доступ определяется через предоставление объектов инфраструктуры во временное пользование для размещения сетей электросвязи⁵. Однако и в этом случае содержание доступа не раскрывается непосредственно, а выводится через условия его предоставления, требования равенства и порядок взаимодействия сторон.

В законодательстве используется и иной способ фиксации, при котором исследуемая категория прямо не обозначается, однако соответствующие отношения получают нормативное оформление и регулирование. Так, устанавливается запрет действий, препятствующих доступу на товарный рынок, что ориентирует регулирование на поведенческий аспект и соответствует логике антимонопольного воздействия⁶. Такой подход охватывает ситуации, в которых возможность участия в обороте обусловлена использованием инфраструктурных ресурсов. При этом сама инфраструктура не становится объектом прямого регулирования, что еще более затрудняет выявление содержания доступа.

Использование категории «доступ к инфраструктуре» в актах программного характера дополнительно показывает различие способов ее закрепления. Доступ фиксируется как целевой ориентир развития транспортной системы, включая повышение доступности услуг и обеспечение недискриминационного доступа к инфраструктуре. В таком контексте категория «доступ» не определяет непосредственно

права и обязанности участников соответствующих отношений, а обозначает направление последующей нормативной конкретизации. Поэтому использование категории «доступ к инфраструктуре» в документах стратегического планирования не устраняет неопределенность ее содержания, а подтверждает, что законодатель рассматривает данный термин одновременно как целевой ориентир правового регулирования и как возможный элемент специального правового режима.

Модель нормативного оформления доступа прослеживается в регулировании доступа к дорожной инфраструктуре⁷. Так, доступ не определяется как субъективное право и не сводится к предоставлению инфраструктурного объекта во временное пользование. Он описывается как результат прохождения согласовательных, градостроительных, земельных и разрешительных процедур, необходимых для создания или изменения технической связи с автомобильной дорогой, в том числе посредством строительства либо реконструкции примыкания. Такой подход показывает процедурную природу доступа, возникающего не в момент заявления интереса инвестора, а после выполнения комплекса юридически значимых действий. Вместе с тем данный акт не раскрывает гражданско-правовое содержание доступа и имеет рекомендательный характер, поэтому фиксирует скорее алгоритм обеспечения технической связи с инфраструктурой, чем определение доступа как правовой категории.

Сопоставление приведенных актов позволяет перейти от фиксации различий к их квалификационному следствию. Требования недискриминационного характера, тарифные параметры, необходимость соблюдения установленного порядка действий, заключение договоров – это не совокупность обязательных признаков доступа, а различные способы его нормативного описания. Именно поэтому содержание доступа определяется не заранее заданной общей моделью, а тем юридиче-

5 О порядке недискриминационного доступа к инфраструктуре для размещения сетей электросвязи (вместе с Правилами недискриминационного доступа к инфраструктуре для размещения сетей электросвязи) : постановление Правительства РФ от 22.11.2022 № 2106 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 48, ст. 8479.

6 О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3434.

7 Об утверждении примерного алгоритма действий инвестора по обеспечению доступа к дорожной инфраструктуре путем строительства или реконструкции пересечений и (или) примыканий к автомобильным дорогам : приказ Минэкономразвития России № 178, Минтранса России № 80 от 15.03.2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ским способом, который закрепляет условия обращения заинтересованного лица к соответствующей инфраструктуре.

Правовое значение доступа к инфраструктуре определяется не самим фактом предоставления такой возможности, а тем, на каких условиях и в каком порядке используется инфраструктура. Иными словами, категория доступа раскрывается во взаимосвязи с более широким порядком, регулирующим эксплуатацию инфраструктурных объектов и взаимодействие участников соответствующей деятельности.

ОБЪЕКТ И СОДЕРЖАНИЕ ДОСТУПА К ИНФРАСТРУКТУРЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Необходимо определить, с чем законодатель связывает объект отношений, возникающих по поводу предоставления доступа к инфраструктуре. В одних нормативных актах таким объектом выступает инфраструктурный элемент или его часть, в других – деятельность по использованию инфраструктуры, в третьих – юридически оформленная возможность создания технической связи с инфраструктурой.

В регулировании, ориентированном на специальные режимы взаимодействия, объект фиксируется посредством указания на инфраструктуру и ее составные части. Доступ в таких случаях описывается как возможность использования объектов либо их отдельных элементов, предоставляемых во временное пользование. Подобный подход воспроизводится и при регламентации раскрытия информации, где объект конкретизируется посредством перечней инфраструктурных элементов и сведений о них⁸.

Иная конструкция используется в законодательстве о железнодорожном транспорте, где доступ не отделяется от оказания услуг по использованию инфраструктуры, вследствие чего объект регулирования смещается от ин-

фраструктурного объекта к деятельности по обеспечению его использования. В результате доступ охватывает не только саму возможность обращения к инфраструктуре, но и процессы ее эксплуатации.

В сфере дорожной деятельности объект доступа формируется иначе. Значение приобретает не предоставляемый инфраструктурный элемент, а возможность создания примыкания к автомобильной дороге, возникающая после прохождения установленной последовательности процедур. Поэтому объект доступа здесь выражается не столько в существующей вещи, сколько в юридически оформленной возможности технического соединения с дорожной инфраструктурой.

При таком подходе становится менее определенным предмет возникающих обязательств. Если доступ связывается то с инфраструктурным объектом, то с деятельностью по его использованию, становится затруднительным определить, какие именно действия составляют содержание обязанностей сторон и в чем выражается подлежащее исполнению поведение.

В актах стратегического и антимонопольного характера объект доступа обозначен менее определенно. Он выводится либо из целей повышения доступности услуг и инфраструктуры, либо из запрета создания препятствий участию в товарном рынке. Такие конструкции подтверждают, что доступ не всегда связывается с конкретным объектом инфраструктуры, а может описывать более широкий порядок участия в соответствующих отношениях.

В результате содержание доступа складывается не по единой нормативной модели. Оно может выражаться в возможности использования инфраструктурного элемента, в условиях осуществления такого использования либо в процедуре, обеспечивающей возникновение соответствующей возможности. Это предопределяет зависимость доступа от общего порядка функционирования инфраструктуры.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФРАСТРУКТУРЕ

Различия в объекте доступа отражаются на условиях его осуществления. Законо-

⁸ Об утверждении рекомендуемых форм раскрытия информации, предусмотренной Правилами недискриминационного доступа к инфраструктуре для размещения сетей электросвязи, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2022 г. № 2106, а также рекомендаций по заполнению указанных форм : приказ Федеральной антимонопольной службы России от 06.10.2023 № 705/23 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дательство не ограничивается фиксацией возможности использования инфраструктуры, а связывает ее реализацию с соблюдением требований, определяющих допустимое поведение участников.

В числе устойчиво воспроизводимых требований выступает недискриминационность. Она задает пределы поведения владельца инфраструктуры и исключает произвольное различие в положении пользователей, находящихся в сопоставимых условиях. Однако данное требование не раскрывает содержание доступа, а определяет стандарт его предоставления.

Экономические параметры также влияют на возможность использования инфраструктуры. Тарифы, порядок их формирования и требования сопоставимости цен в аналогичных условиях определяют имущественные пределы участия в соответствующих отношениях⁹. В таком виде доступ зависит не только от технической возможности использования инфраструктуры, но и от экономических условий допуска к установленному порядку.

Технические и организационные требования не всегда формулируются непосредственно, однако вытекают из структуры регулирования. Возможность использования конкретных инфраструктурных элементов предполагает соответствие установленным характеристикам и ограничениям эксплуатации. В совокупности эти элементы не образуют иерархии, в рамках которой один из них выступал бы определяющим, а действуют одновременно.

Процедурная сторона имеет значение. Возможность использования инфраструктуры обычно возникает после совершения определенных действий: раскрытия информации, подачи заявления, согласования условий, заключения договора, подготовки документации, получения разрешений и ввода объекта в эксплуатацию. В таких случаях доступ не сводится к единичному юридическому факту, а формируется как результат последовательного юридически значимого поведения.

В итоге можно констатировать, что формирующиеся связи не исчерпываются рамка-

ми отдельных обязательств и приобретают организационный характер, поскольку выражаются в социальных связях, направленных на упорядочение действий их участников [7, с. 163]. При этом следует учитывать, что «не существует организационных правоотношений самих по себе. Они всегда "сопровождают" организуемые отношения и повторяют структуру системы общественных отношений. В этом смысле они не могут быть противопоставлены имущественным, личным неимущественным либо корпоративным правоотношениям» [8, с. 720–721]. Из этого следует, что применительно к доступу к инфраструктуре речь идет не только об исполнении единичного обязательства, но и о согласовании поведения участников в рамках установленного порядка использования инфраструктуры.

Именно сочетание условий и процедур позволяет уточнить характер нормативного воздействия. Регулирование носит преимущественно императивный характер: закрепляются обязательные требования к поведению участников, включая недискриминационность, порядок предоставления доступа, правила раскрытия информации и формирования тарифов. При таких условиях договорное оформление функционирует в пределах заранее заданных нормативных предписаний и не определяет содержание доступа.

В рассматриваемом нормативном материале доступ выступает объектом правового регулирования, однако его содержание не закрепляется напрямую. Оно складывается из совокупности условий и процедур, в рамках которых осуществляется использование инфраструктуры. Именно через эти элементы формируются реальные параметры участия в отношениях, складывающихся при использовании инфраструктуры, что указывает на тесную связь доступа с установленным порядком функционирования инфраструктуры.

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОСТУПА К ИНФРАСТРУКТУРЕ

Выявление устойчивых характеристик доступа требует сопоставления разнородных нормативных решений, поскольку соответствующие признаки не закреплены в праве

⁹ Об утверждении Методических рекомендаций по установлению цен (тарифов) на предоставление доступа к инфраструктуре для размещения сетей электросвязи : приказ Федеральной антимонопольной службы России от 18.05.2023 № 289/23 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в виде единого перечня и проявляются лишь через их сочетание. При таком сопоставлении обнаруживается повторяемость отдельных элементов, которые воспроизводятся в различных сегментах регулирования, хотя и не формируют самостоятельной конструкции.

Прежде всего доступ предполагает наличие субъекта, контролирующего инфраструктурный ресурс и определяющего условия его использования. Во всех рассмотренных случаях возможность использования инфраструктуры обусловлена волей такого субъекта и реализуется при соблюдении установленных им требований. Эта зависимость отчетливо проявляется как в железнодорожном регулировании, где соответствующие функции сосредоточены у владельца инфраструктуры, так и в иных сферах, включая регулирование инфраструктуры связи и дорожной деятельности.

Не менее устойчивым является то обстоятельство, что доступ не носит безусловного характера. Возможность использования инфраструктуры неизменно обусловлена совокупностью требований – технических, организационных и экономических. Эти требования проявляются через тарифное регулирование, обязательность раскрытия информации, соблюдение установленного порядка действий, включая подачу заявлений и заключение договоров. В таком виде доступ предстает не как непосредственное правомочие, а как юридически обусловленная возможность, реализуемая при соблюдении установленного порядка.

Требование недискриминационности устойчиво воспроизводится в нормативных актах и задает пределы осуществления доступа. Вместе с тем его значение не сводится к раскрытию содержания соответствующей категории. Оно фиксирует допустимые границы поведения участников, не затрагивая внутреннюю структуру возникающих связей.

Существенной оказывается и иная характеристика. Реализация доступа связана с необходимостью совершения определенных действий – обращения заинтересованного лица, согласования условий, соблюдения установленных требований. В отдельных случаях речь идет не об одном действии, а о последовательности взаимосвязанных этапов, каждый из которых имеет свое значение.

При таком построении доступ не может быть соотнесен с единичным юридическим фактом.

Связь доступа с договорным оформлением также не является однозначной. Заключение договора нередко выступает условием включения в соответствующий порядок использования инфраструктуры. Однако его функция не исчерпывает содержания складывающихся отношений: договор фиксирует взаимодействие сторон, но не охватывает всей совокупности элементов, определяющих возможность такого использования.

Указанные характеристики не могут быть сведены к одному признаку, поскольку каждая из них фиксирует лишь отдельную сторону более сложного явления, не получающего в нормативном регулировании целостного выражения. Их сочетание позволяет выявить зависимость: доступ формируется в пределах установленного порядка использования инфраструктуры, определяется его условиями и реализуется через предусмотренные процедуры, вне которых не приобретает определенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория «доступ к инфраструктуре» в действующем законодательстве не получила развернутого и завершенного нормативного выражения. Ее содержание не закрепляется через единое определение, а складывается из совокупности разнородных элементов: условий предоставления, процедур включения, требований недискриминационного характера и параметров использования инфраструктуры. При этом акценты в различных актах смещаются, однако во всех случаях доступ оказывается производным от установленного порядка функционирования инфраструктуры и раскрывается через него.

В таких условиях доступ не формируется как автономная категория с собственным нормативно заданным содержанием. Он проявляется внутри режима использования инфраструктуры и фиксирует возможность включения в него при соблюдении установленных требований. Тем самым доступ не предопределяет структуру регулирования, а выступает формой его проявления на уровне допуска к соответствующим процессам.

Такая конструкция показывает не недостаточность категории доступа, а пределы ее юридического значения. Она концентрируется на фиксации условий и предпосылок использования инфраструктуры, однако не охватывает в полном объеме организацию такого использования и согласование деятельности участников. Категория «доступ» фиксирует лишь часть соответствующих связей, а именно условия включения в инфраструктурный режим, предпосылки использования объекта и отдельные процедуры согласования. Содержание организованного использования инфраструктуры остается шире.

Вместе с тем именно такая форма нормативного выражения указывает на наличие более сложного уровня регулирования, в рамках которого соединяются действия участников, условия их взаимодействия и юридические формы их оформления. Это позволяет рассматривать категорию «доступ» как исходную для дальнейшего теоретического обобщения. Ее анализ выявляет необходимость обращения к конструкции, способной охватить не только момент допуска, но и совокупность процедур и действий, обеспечивающих

функционирование инфраструктуры. Такой конструкцией является инфраструктурная услуга, позволяющая рассматривать соответствующие отношения как целостный процесс организационного обеспечения использования инфраструктуры.

Выявленная неоднородность имеет квалификационное значение. Использование категории «доступ» варьируется: она соотносится с инфраструктурными объектами, деятельностью по их использованию и более широкими условиями участия в хозяйственном обороте. Разграничение между доступом и использованием проводится непоследовательно, а формы закрепления не образуют согласованной системы.

Указанные особенности свидетельствуют не столько о дефектах правового регулирования, сколько о том, что соответствующее явление не укладывается в рамки одной нормативной конструкции. Содержание доступа раскрывается в установленном порядке организации использования инфраструктуры, поэтому данная категория должна рассматриваться в системе организационных связей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Москва : БЕК, 1995. – 320 с.
2. Морозов С.Ю. Методология определения ролей правовых средств при исследовании цивилистических механизмов / С.Ю. Морозов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2024. – № 6. – С. 164–181.
3. Кузнецова О.А. Специализация правовых норм как результат системности гражданского права / О.А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2007. – Вып. 8 (13). – С. 76–85.
4. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – Москва : Наука, 1974. – 280 с.
5. Рузанова В.Д. Проблемы формирования информационного законодательства в аспекте теории систем / В.Д. Рузанова // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2020. – № 8. – С. 204–208.
6. Виниченко Ю.В. О юридически значимых свойствах гражданского оборота как системы / Ю.В. Виниченко // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 300–310.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Theory of Law. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.
2. Morozov S.Yu. Methodology for Determining the Role of Legal Means in the Study of Civility Mechanisms. *Methodological Problems of The Civil Law Research*, 2024, no. 6, pp. 164–181. (In Russian).
3. Kuznetsova O.A. Specialization of the Legal Regulations as a Result of the Systematic Character of the Civil Law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2007, iss. 8 (13), pp. 76–85. (In Russian).
4. Sadovsky V.N. Foundations of the General Theory of Systems. Logical and Methodological Analysis. Moscow, Nauka Publ., 1974. 280 p.
5. Ruzanova V.D. Problems of the Formation of the Information Legislation in the Aspect of the Systems Theory. *BarSU Herald. Series: Historical Sciences and Archaeology. Economics. Law*, 2020, no. 8, pp. 204–208. (In Russian).
6. Vinichenko Yu.V. On the Legally Significant Properties of Civil Circulation as Systems. *Perm Legal Almanac*, 2020, no. 3, pp. 300–310. (In Russian).

7. Красавчиков О.А. Организационные гражданско-правовые отношения / О.А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 50–57.

8. Морозов С.Ю. Виды гражданско-правовых организационных отношений и договоров / С.Ю. Морозов // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности : сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н.М. Коршунова (Москва, 5 июня 2015 г.) / отв. ред. Ю.С. Харитонов. – Москва : Московская академия экономики и права, 2015. – С. 719–727.

7. Krasavchikov O.A. Organizational Civil Law Relations. *Soviet State and Law*, 1966, no. 10, pp. 50–57. (In Russian).

8. Morozov S. Yu. Types of Civil Law Organizational Relations and Contracts. In Yu.S. Kharitonov (ed.). *Law and Business: Convergence of Private and Public Law in Regulating Entrepreneurial Activity. Collection of Articles by Participants in the 4th Annual International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor N.M. Korshunov (Moscow, June 5, 2015)*. Moscow Academy of Economics and Law Publ., 2015, pp. 719–727. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колодуб Григорий Вячеславович – кандидат юридических наук, доцент, директор Института правотворчества и правового прогнозирования.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolodub Grigory Vyacheslavovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Lawmaking and Legal Forecasting.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 18.06.2026. The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 347.78
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.7

Original article

ЛЕСКОВА Юлия Геннадьевна ✉
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
leskova-yg@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3238-4654>

LESKOVA Yulia Gennadyevna
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

ВАНИН Виталий Владимирович
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
vanin-vv@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7301-0838>

VANIN Vitaly Vladimirovich
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ТВОРЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛОГЕРА

CHALLENGES IN PROTECTING THE COPYRIGHT OF BLOGGER-GENERATED CONTENT

Аннотация. В условиях активной социализации цифровых сетевых технологий блогинг приобрел качество самостоятельного вида профессиональной творческой и экономической деятельности, результаты которой, выраженные в размещенных в социальных сетях информационных материалах, де-факто стали значимыми объектами гражданского оборота, однако специального правового регулирования таких объектов в действующем российском законодательстве не предусмотрено. Цель: выявление основных направлений совершенствования правового механизма защиты авторских прав на результаты блогерской деятельности. В работе использованы общенаучные методы: анализа и синтеза – для выявления проблем отдельных составляющих системы правовой защиты блогеров и объединения полученных результатов в общие выводы; посредством системного подхода блогерская деятельность была рассмотрена как элемент системы авторских правоотношений во взаимосвязи материально-правовых, процессуальных и информационно-правовых механизмов регулирования. Также использованы частноправовые методы: формально-юридический – при толковании действующего законодательства для выявления правового режима блогерского контента; сравнительно-правовой – при исследовании зарубежных доктрин и нормативных актов; методы анализа и обобщения судебной практики позволили типизировать споры в сфере блогерской деятельности и выявить сформированные при их разрешении пра-

Abstract. In the context of the rapid integration of digital network technologies, blogging has evolved into an independent form of professional creative and economic activity. The outputs of this activity, manifested in content posted on social media, have de facto become significant assets in civil circulation; however, current Russian legislation provides no specific legal regulation for such assets. The purpose of this study is to identify the main strategies for improving the legal mechanism protecting bloggers' copyrights. The research employs general scientific methods: analysis and synthesis were used to identify challenges within individual components of the blogger legal protection system and to integrate the findings into general conclusions. Through a systemic approach, blogging was examined as an element of the copyright legal framework, considering the interplay between substantive, procedural, and information-law regulation mechanisms. Furthermore, specific legal methods were applied: the formal-legal method was used to interpret current legislation and determine the legal status of blogger content, while the comparative legal method was utilized to examine foreign doctrines and regulations. Finally, the analysis and generalization of judicial practice allowed for the categorization of disputes in the blogging sphere and the identification of established legal precedents. Results: the study provides substantiated proposals for improving substantive and procedural legal regulation,

вовые позиции. Результаты: обоснованы предложения по совершенствованию материально-правового и процессуально-правового регулирования, включая уточнение пределов свободного использования произведений и нормативное закрепление обязанностей информационных посредников.

Финансирование. Исследование подготовлено в рамках государственного задания НИР № 9.6.-2006-1 «Совершенствование законодательной модели блогосферы в условиях развития информационного пространства».

Ключевые слова: авторское право, блогер, компенсация, информационный посредник, информационная система, исключительные права, свободное использование, ответственность

Для цитирования: Лескова Ю.Г. Проблемы защиты авторских прав на творческий результат деятельности блогера / Ю.Г. Лескова, В.В. Ванин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 55–61.

including clarifying the limits of free use of works and the statutory consolidation of the obligations of information intermediaries.

Financing. The study was supported by State Assignment No. 9.6.-2006-1 "Improving the Legislative Model of the Blogosphere in the Context of Information Space Development".

Keywords: copyright, blogger, statutory damages, information intermediary, information system, exclusive rights, free use, liability

For citation: Leskova Yu.G., Vanin V.V. Challenges in Protecting the Copyright of Blogger-Generated Content. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 55–61. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.7.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительной трансформацией структуры творческой деятельности в цифровую эпоху. Блогерская деятельность из формы досугового самовыражения превратилась в самостоятельный сегмент креативной экономики, демонстрируя устойчивую тенденцию к росту¹. Результаты блогерской деятельности – тексты, фотографии, видеоролики, аудиоподкасты, инфографика, стримы – представляют собой имеющие экономическую стоимость нематериальные активы, которые, однако, оказываются в зоне повышенного риска неправомерного использования – копирования, переработки, «зеркалирования» каналов, присвоения авторства и коммерческой эксплуатации без согласия правообладателя.

Главная проблема правового регулирования блогерской деятельности состоит в том, что блогер, будучи автором в смысле ст. 1257 ГК РФ, одновременно является весьма уязвимым субъектом системы авторских правоотношений:

специальное законодательное регулирование блогерской деятельности в России не детализировано, а доказывание авторства и факта нарушения в цифровой среде сопряжено со значительными издержками; трансграничный характер платформ затрудняет эффективную юрисдикционную защиту.

РЕЗУЛЬТАТЫ БЛОГЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ

В российском авторском законодательстве отсутствуют правовые понятия «блог», «блогер», «контент». Охрана результатов блогерской деятельности осуществляется посредством общего гражданско-правового режима произведений, основанного на ст. 1259 ГК РФ: перечень объектов авторских прав является открытым, а критериями охраноспособности выступают творческий характер произведения и объективная форма выражения. Пункт 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»² (далее – постановление Пленума ВС РФ № 10) закрепил презумпцию творческого характера: пока не доказано иное, результат

1 Магомедов П. Некуда «переселяться»: как российский рынок переизобретает инфлюенс-маркетинг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/564718-nekuda-pereselat-sa-kak-rossijskij-gynok-pereizobretaet-influens-marketing?ysclid=mrj3hq2x4375787353> (дата обращения: 23.06.2026).

2 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

интеллектуальной деятельности предполагается созданным творческим трудом, при этом само по себе отсутствие новизны или оригинальности не свидетельствует об отсутствии творчества. Данная презумпция благоприятна для блогеров, поскольку переносит бремя доказывания «нетворческого» характера поста или ролика на лицо, которое заимствовало созданный и размещенный блогером пост.

Вместе с тем верификация поста в социальной сети в качестве объекта авторского права не всегда возможна. Во-первых, короткие формы (текстовые сообщения в микроблогах, заголовки, мемы, комментарии) могут не достигать «порога творчества», ибо охране подлежит не всякий текст, а лишь тот, в котором проявлена индивидуальность автора [1, с. 108]. Во-вторых, не охраняются идеи, концепции и методы (п. 5 ст. 1259 ГК РФ), вследствие чего «формат» блога, рубрикатор, стилистика подачи и контент-план остаются вне авторско-правовой охраны. В-третьих, дискуссионным остается режим прямых трансляций (стримов): несмотря на отсутствие в российском законодательстве критерия «воспроизводимости» произведения, отсутствие его фиксации в объективной форме *de facto* лишает незаписанный стрим эффективной охраны, что сближает положение стримера с положением артиста-исполнителя и позволяет ставить вопрос о применении по аналогии правовых форм охраны смежных прав [2, с. 64].

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ БЛОГЕРОВ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Первая группа проблем связана с доказыванием авторства и факта нарушения. Статья 1257 ГК РФ устанавливает презумпцию авторства лица, указанного в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения; п. 110 постановления Пленума ВС РФ № 10 распространил ее на указание автора в сети Интернет. Эффективному применению этой презумпции в блогосфере препятствуют псевдонимность блогеров (использование никнеймов) и техническая возможность удаления и подделки цифровых следов. Практика выработала некоторые способы юридически значимой фиксации факта использования произведений в цифровых сетях (нотариальный осмотр интернет-страницы в порядке

обеспечения доказательств³, представление исходных файлов с метаданными, скриншоты, которые суды признают допустимыми доказательствами при указании адреса страницы и времени фиксации⁴), однако издержки, связанные с фиксацией нарушений для блогера, чей контент копируется массово и ежедневно, остаются запретительно высокими, что в литературе характеризуется как «асимметрия издержек защиты» [3].

Вторая группа проблем обнаруживается в области идентификации нарушителя. Статья 1253.1 ГК РФ освобождает провайдера хостинга и владельца платформы от ответственности при отсутствии знания о нарушении и своевременном принятии мер по заявлению правообладателя. При определении необходимых и достаточных мер может быть принята во внимание позиция Конституционного Суда РФ об «очевидности» нарушения для владельца платформы: имел ли он возможность с учетом практики работы аналогичных площадок, затратив разумные усилия, обеспечить обнаружение нарушений и т. д.⁵ Для блогера юридическое значение заключается в том, что реальный нарушитель (к примеру, анонимный администратор «зеркального» канала) часто недостижим, а платформа будет нести ответственность лишь при непринятии мер после получения уведомления от правообладателя.

Третья группа проблем касается мер ответственности. Статьей 1301 ГК РФ предусмотрена компенсация за нарушение исключительных прав, которая представляет собой упрощенный способ защиты, освобождающий правообладателя от доказывания размера убытков. Вместе с тем Конституционным Судом РФ была сформирована и активно применяется арбитражными судами правовая пози-

3 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утв. Верховным Судом РФ 11.02.1993 № 4462-1 (статьи 102–103) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

4 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.06.2026 № С01-425/2026 по делу № А41-42841/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2026 № 88-1256/2026, 88-33898/2025 (УИД 50RS0001-01-2025-001965-29) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби»: постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2026 № 39-П // Собрание законодательства РФ. 2026. № 25, ст. 3436.

ция о допустимости снижения компенсации ниже установленного ГК РФ нижнего предела: при множественности нарушений⁶, при многократном превышении суммы компенсации над величиной убытков при наличии ряда условий (правонарушение совершено впервые, использование объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью предпринимательской деятельности нарушителя и не носило грубый характер)⁷. С другой стороны, имеет место и обратное явление, выраженное в злоупотреблении правом на компенсацию путем массовой скупки прав на фотографии и предъявления шаблонных исков к блогерам и средствам массовой информации, получившее название «фототроллинг»⁸, которое может быть преодолено применением ст. 10 ГК РФ.

Четвертая группа проблем связана с пределами свободного использования чужих произведений самими блогерами. Блогерская деятельность предполагает активное использование чужого контента. Статья 1274 ГК РФ допускает цитирование в информационных, полемических, критических и учебных целях в оправданном целью цитирования объеме или создание пародии или карикатуры без согласия автора оригинала; при этом цитироваться могут не только тексты, но и фотографии. Данная правовая позиция, закрепленная в п. 98 постановления Пленума ВС РФ № 10, имеет неоднозначное значение для блогосферы, ибо, с одной стороны, защищает добросовестных «обозревателей», а с другой – сужает возможности фотоблогеров по контролю за использованием сделанных ими фотографий.

6 По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края : постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

7 По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

8 «Юридический рэкет» под маской авторского права. Анализ судебных поражений и список фототроллей [Электронный ресурс]. URL: <https://bim-portal.ru/stati/porazheniya-fototrolley/?ysclid=mrn70zx517302706137> (дата обращения: 01.07.2026) ; Слишком дорогая фотография. Растет число исков о нарушении прав на изображения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7923653?ysclid=mrn73uktuf727061198> (дата обращения: 01.07.2026).

РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ НА БЛОГЕРСКИЙ КОНТЕНТ

Исследование судебной практики позволяет выявить типичные споры, возникающие в связи с защитой прав на блогерский контент. Широко распространены иски блогеров к средствам массовой информации и коммерческим интернет-сайтам о защите авторских прав от неправомерного использования фотографических произведений, по которым Верховным Судом РФ был сформирован подход о допустимости цитирования и свободного использования изображений⁹. Вторая группа дел – споры, возникающие в связи с жанром видеобзора. В 2019 г. получило известность дело по иску кинокомпании к видеоблогеру о взыскании компенсации за использование фрагментов фильма в критическом обзоре¹⁰. Этот спор не только актуализировал доктринальную дискуссию о том, распространяется ли действие ст. 1274 ГК РФ на жанр критического видеобзора в полном объеме, но и обозначил проблему отсутствия ясных и определенных законодательно установленных пределов допустимого объема цитирования [4, с. 56; 5, с. 59]. Третья группа дел связана с применением «антипиратских» механизмов, закрепленных в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 15.2, 15.6, 15.6-1): применение по заявлениям блогеров-правообладателей предварительных обеспечительных мер, блокировки сайтов, неправомерно распространяющих их видеоконтент, блокировки так называемых «зеркальных» сайтов. Четвертая группа дел связана с применением мер ответственности к владельцам социальной сети или видеохостинга. Судебная практика последовательно реализует подход, в рамках которого информационный посредник, не иницирующий передачу контента и оперативно реагирующий на жалобы, не несет ответственности (применение ст. 1253.1 ГК РФ), что, в свою очередь, стимулирует развитие внутриплатформенных процедур рассмотрения жалоб, хотя лежащая в их основе

9 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2017 № 305-ЭС16-18302 по делу № А40-142345/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 Блогер BadComedian сообщил об иске на 1 млн руб. из-за видеобзора [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cf56f0b9a79477831305a31> (дата обращения: 06.07.2026).

модель notice-and-takedown критикуется в современной литературе в пользу превентивной фильтрации контента [6, с. 88].

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В США защита прав блогеров на охраняемый авторским правом контент базируется на двух доктринальных моделях: добросовестного использования (fair use) и механизме «заметили-убрали» (notice-and-takedown). Первая, закрепленная в § 107 Закона США «Об авторском праве» 1976 г.¹¹, предполагает комплексную оценку четырех факторов: цель и характер использования (включая трансформативность), природа произведения, объем заимствования, влияние на рынок оригинала. Одним из четырех факторов, подлежащим рассмотрению при определении того, является ли использование произведения в конкретном случае добросовестным, считается количество и существенность части, используемой по отношению к защищенному авторским правом произведению в целом [7, с. 21]. Классическая формула трансформативности восходит к решению Верховного суда США по делу *Campbell v. Acuff-Rose Music*¹², в котором коммерческая пародия была квалифицирована как добросовестное использование произведения, поскольку факт создания музыкальной пародии не повлияет на рынок оригинального произведения. Вместе с тем оценочная природа fair use, как отмечается в литературе, оборачивается непредсказуемостью результата спора [8, с. 89], вследствие чего блогер не может ex ante достоверно оценить правомерность заимствования, а издержки судебной проверки высоки и влекут немалые правовые риски.

Механизм notice-and-takedown по § 512 Закона США об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA, 1998) основан на иммунитете оператора информационной платформы от ответственности, если он оперативно удаляет контент по заявлению правообладателя [9, с. 43]. Для блогеров этот механизм работает двояко: с одной стороны, он позволяет быстро пресекать копирование их произведений, с другой – порождает риск злоупотреблений в форме необоснованных жалоб, ведущих к удалению правомерного контента. Дополни-

тельным фактическим регулятором выступают алгоритмические системы фильтрации, в отношении которых высказывается критика за «избыточное удаление», что ведет к ограничению свободы выражения и сдерживает инновации в цифровой культуре [6, с. 87].

Право Европейского союза эволюционировало от Директивы 2001/29 «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе»¹³ с закрытым и факультативным перечнем исключений до Директивы 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке»¹⁴. Статья 17 последней существенно изменила правовое положение платформ обмена контентом: они признаются субъектами, осуществляющими доведение произведения до всеобщего сведения, и обязаны получать лицензии от правообладателей либо прилагать «максимальные усилия» для предотвращения размещения материалов с нарушением исключительных прав. Статья 17(7) Директивы 2019/790 допускает свободное цитирование, критику, обзор, карикатуру, пародию и стилизацию, что создает для блогеров – авторов пользовательского контента значительные привилегии. Германия имплементировала эти положения в национальное законодательство (UrhDaG, 2021)¹⁵, закрепив понятие «предположительно разрешенное использование» с количественными порогами незначительных заимствований. В целом европейская модель смещает бремя контроля с автора на платформу, что оценивается как средство обеспечения баланса в условиях разрыва между доходами платформ и вознаграждением создателей контента¹⁶.

13 О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе : Директива № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза. Принята в г. Брюсселе 22.05.2001 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14 Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы № 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС : Директива № 2019/790 Европейского парламента и Совета Европейского союза. Принята в г. Страсбурге 17.04.2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15 Act on the Copyright Liability of Online Content Sharing Service Providers (UrhDaG) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cesarights.de/en/urhdag> (дата обращения: 11.07.2026).

16 Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: трансформация концепции, экономических аспектов и правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://psystars.ru/referat/intellektualnaya-sobstvennost-v-tsifrovoy-ekonomike-transformatsiya-kontseptsii-ekonomicheskikh-aspektov-i-pravovogo-regulirovaniya/> (дата обращения: 11.07.2026).

11 United States Copyright Act 1976. Chapter 1. Section 107 (Закон об авторском праве США 1976. Глава 1. Раздел 107).

12 *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*, 510 U.S. 569 (1994) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/510/569/> (дата обращения: 10.07.2026).

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ НА БЛОГЕРСКИЙ КОНТЕНТ

Совершенствование правового режима гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав на блогерский контент предполагает дифференциацию компенсации с сохранением ее штрафной функции против коммерческих «пиратов» при эффективном ограничении «копироллинга» посредством применения ст. 10 ГК РФ.

В части свободного использования произведений необходима детализация ст. 1274 ГК РФ применительно к цифровым жанрам: легальное определение пародии и стилизации, критерии «оправданного объема» цитирования аудиовизуальных произведений в обзорах (опыт германского регулирования с количественными порогами), что снизило бы правовую неопределенность. Представляется целесообразным развитие организационно-правовых форм коллективного управления правами блогеров, что может быть реализовано на базе саморегулируемых организаций.

В процессуально-правовом аспекте необходимо совершенствование института доказывания, направленное на внедрение в гражданскую процессуальную форму элементов, отражающих специфику цифровой среды, в которой существует блогерская деятельность. Перспективным видится развитие институтов факультативного депонирования и фиксации прав с использованием технологии распределенных реестров. Российская практика уже признает такие доказательства (депонирование создает опровержимую презумпцию обладания экземпляром на дату депонирования), а п. 55 постановления Пленума ВС РФ № 10 легализовал доказательственное значение скриншотов, создав тем самым «доступную» альтернативу дорогостоящему нотариальному осмотру. Вместе с тем само по себе признание такой информации в качестве допустимого судебного доказательства еще не разрешает вопрос о ее достоверности, ибо таковая обеспечивается в том числе правовой регламентацией процессуальной формы их исследования. В связи с изложенным представляется целесообразным законодательное закрепление в АПК РФ и ГПК РФ требований, обеспечивающих достоверность содержащихся в ме-

таданных и записях распределенных реестров сведений (требования к форме представления соответствующей информации, раскрытию ее источника, способам судебного исследования).

Применительно к информационным посредникам необходимо нормативное закрепление обязательных прозрачных процедур рассмотрения жалоб и возражений пользователя, предусматривающих юридическую ответственность за убытки, причиненные заведомо необоснованными жалобами, а также установление требований к алгоритмическим системам фильтрации с целью исключения блокировки правомерных цитат и пародий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты блогерской деятельности охватываются авторским правом как в России, так и за рубежом; специфика проблемы лежит не в плоскости охраноспособности (которая обеспечивается презумпцией творческого характера), а в плоскости эффективности защиты: анонимность нарушителей, трансграничность платформ, массовость и дешевизна копирования создают асимметрию между издержками нарушения и издержками защиты.

Блогер занимает двойственное правовое положение правообладателя и пользователя чужого контента одновременно, поэтому правовой режим блогерской деятельности должен обеспечивать баланс интересов сторон посредством эффективной защиты исключительных прав (депонирование, блокировка, компенсация, ответственность платформ) и конкретизации свободного использования (цитирование, обзор, пародия, стилизация).

Баланс защиты в современных условиях смещается от индивидуального правоприменения к платформенному – процедуры notice-and-takedown, алгоритмическая фильтрация и внесудебное внутриплатформенное разрешение споров являются необходимыми элементами правового механизма защиты блогерского контента. Задача законодателя заключается в обеспечении этих частных механизмов публично-правовыми гарантиями: прозрачности, состязательности, ответственности за злоупотребления, что позволит создать сбалансированную систему защиты авторских прав в блогосфере, отвечающую потребностям цифровой креативной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 75–119.
2. Ситдикова Р.И. Потокковая видеозапись (стриминг) как объект интеллектуальной собственности / Р.И. Ситдикова, Э.Э. Васильев // Юрист. – 2021. – № 9. – С. 59–64.
3. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. – Москва : Юриспруденция, 2013. – 547 с.
4. Микулич Е.В. Вновь о правомерном цитировании в сети Интернет // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права / Е.В. Микулич. – 2020. – № 2. – С. 51–58.
5. Татаринова Е.П. Либерализация цифровых прав авторов: благо или бремя? / Е.П. Татаринова, И.А. Пчелин // Российская юстиция. – 2020. – № 4. – С. 57–60.
6. Чеботарь Т.И. Пользовательский контент и ответственность платформ / Т.И. Чеботарь // ИС. Авторское право и смежные права. – 2026. – № 1. – С. 84–89.
7. Витко В.С. О правомерном объеме цитирования произведений науки, литературы и искусства / В.С. Витко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 5. – С. 19–31.
8. Медведев А.А. Эволюция подходов к свободному использованию музыкальных произведений в правовой системе США / А.А. Медведев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2025. – № 4. – С. 82–91.
9. Покровская А.В. Пользовательский контент и риски нарушения авторских прав на платформах электронной коммерции / А.В. Покровская // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 6. – С. 41–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лескова Юлия Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности;

Ванин Виталий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-экспертного центра Института права и национальной безопасности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leskova Yulia Gennadyevna – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Entrepreneurial, Labor and Corporate Law, Institute of Law and National Security;

Vanin Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Scientific and Expert Center, Institute of Law and National Security.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 20.07.2026. The article was submitted 06.07.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

REFERENCES

1. Kashanin A.V. Creative Character as a Condition of Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright. *Bulletin of Civil Law*, 2007, no. 2, pp. 75–119. (In Russian).
2. Sitdikova R.I., Vasilyev E.E. Streaming as an Intellectual Property Item. *Jurist*, 2021, no. 9, pp. 59–64. (In Russian).
3. Voynikanis E.A. Intellectual Property Law in the Digital Age: A Paradigm of Balance and Flexibility. Moscow, Jurisprudence Publ., 2013. 547 p.
4. Mikulich E.V. On Legitimate Quoting on the Internet. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2020, no. 2, pp. 51–58. (In Russian).
5. Tatarinova E.P., Pchelin I.A. Liberalizing Digital Authors Rights: A Benefit or a Burden? *Russian Justice*, 2020, no. 4, pp. 57–60. (In Russian).
6. Chebotar T.I. User-generated Content and Platform Liability. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2026, no. 1, pp. 84–89. (In Russian).
7. Vitko V.S. On Legitimate Amount of Quoting Works of Science, Literature and Art. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2022, no. 5, pp. 19–31. (In Russian).
8. Medvedev A.A. Evolution of Approaches to the Free Use of Musical Works in the US Legal System. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2025, no. 4, pp. 82–91. (In Russian).
9. Pokrovskaya A.V. User Content and the Risks of Copyright Infringement on E-Commerce Platforms. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2024, no. 6, pp. 41–49. (In Russian).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.8

Original article

ГАМБАРЯН Артур Сиреканович
Российско-Армянский
(Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения,
artur.ghambaryan@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6322-4664>

GAMBARYAN Artur Sirekhanovich
Russian-Armenian (Slavic) University,
Yerevan, Republic of Armenia

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич ✉
Южно-Уральский
государственный университет,
Челябинск, Россия,
spiridonov.ms@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-2715-8912>

SPIRIDONOV Mikhail Sergeevich
South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROCEDURAL SANCTIONS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Правовые системы Республики Армения и Российской Федерации, имеющие общие корни, прошли достаточно длительный путь самостоятельного развития и накопили собственный опыт организации уголовного судопроизводства. Изучение этого опыта в компаративном плане представляет научный интерес, так как позволяет определить преимущества и недостатки каждой национальной юрисдикции, тенденции развития законодательства и перспективы заимствования положительного опыта ближайших соседей. Исследование формирования того или иного процессуального института лучше всего осуществлять через анализ иностранного опыта. Кроме того, сравнительно-правовое исследование позволяет выявить глубинный смысл правовых норм. Цель: компаративное исследование института процессуальных санкций в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения и Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляет единство всеобщего, общенаучных и специально-юридических методов правовой науки, что обеспечило комплексный и

Abstract. The legal systems of the Republic of Armenia and the Russian Federation, while sharing common roots, have undergone a long period of independent development and have accumulated their own experience in organizing criminal proceedings. A comparative study of this experience is of scientific interest, as it allows for the identification of the advantages and disadvantages of each national jurisdiction, trends in legislative development, and the prospects for adopting the best practices of immediate neighbors. The formation of a particular procedural institution is best examined through the analysis of foreign experience. Furthermore, comparative legal research enables the identification of the underlying meaning of legal norms. Purpose: to conduct a comparative study of the institution of procedural sanctions in the criminal procedure legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. The methodological framework of the study is based on an integrated combination of universal, general scientific, and specific legal methods of jurisprudence, ensuring a comprehensive and multi-level approach to the research problem. The universal dialectical method made it possible to

© Гамбарян А.С., Спиридонов М.С., 2026

многоуровневый подход к анализу проблематики. Всеобщий диалектический метод позволил рассмотреть процессуальную ответственность и санкции в динамике, выявить противоречия и закономерности их развития, учесть взаимосвязь данных правовых явлений с иными социальными и правовыми процессами; абстрактно-логический применялся для построения теоретических конструкций, выведения общих понятий и категорий, формулирования дефиниций и выявления существенных признаков исследуемых правовых феноменов; структурно-функциональный метод позволил раскрыть внутреннее строение института процессуальной ответственности и санкций, выделить их элементы и определить их назначение, оценить, как данный институт выполняет свои функции в системе уголовного процесса и взаимодействует с другими его частями; сравнительно-правовой использовался для сопоставления норм УПК Армении и России, подходов в данных юрисдикциях, что позволило выявить общие тенденции и возможные направления совершенствования законодательства; формально-юридический применялся для анализа текстов нормативных актов, толкования правовых норм, выявления их элементов (гипотезы, диспозиции, санкции), а также для определения места и роли норм в системе права с опорой на юридическую технику и устоявшуюся доктрину. Результаты: проанализированы подходы к построению системы процессуальных санкций и определению их содержания в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения и Российской Федерации. Выявлены существенные различия между данными правовыми порядками, заключающиеся в отсутствии в УПК РФ понятия «злоупотребление правом» и общих норм о процессуальных санкциях. Проведен сравнительный анализ содержания шести процессуальных санкций, предусмотренных уголовно-процессуальным законом Республики Армения, с аналогичными санкциями в законодательстве России. Обоснован вывод, что законодательство Армении более последовательно и детализировано, лучше отвечает задаче защиты участников процесса от необоснованного применения к ним санкций и способствует достижению цели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: процессуальная санкция, процессуальная ответственность, меры процессуального принуждения, процессуальное правонарушение, основания ответственности, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Гамбарян А.С. Процессуальные санкции по уголовно-процессуальному законодательству Республики Армения и Российской Федерации / А.С. Гамбарян, М.С. Спиридонов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 62–72.

examine procedural liability and sanctions in their dynamics, identify contradictions and patterns in their development, and consider the interconnection between these legal phenomena and other social and legal processes. The abstract-logical method was employed to construct theoretical frameworks, derive general concepts and categories, formulate definitions, and identify the essential features of the legal phenomena under study. The structural-functional method served to uncover the internal structure of the institution of procedural liability and sanctions, identify their elements and objectives, and assess how this institution performs its functions within the criminal procedure system and interacts with its other components. The comparative legal method was used to contrast the provisions of the Criminal Procedure Codes of Armenia and Russia and the approaches adopted in these jurisdictions, which helped identify general trends and potential avenues for legislative improvement. Finally, the formal-legal method was applied to analyze the texts of normative acts, interpret legal norms, identify their structural elements (hypotheses, dispositions, and sanctions), and determine the place and role of these norms within the legal system, relying on legal technique and established doctrine. Results: the article analyzes the approaches to structuring the system of procedural sanctions and defining their content within the criminal procedure legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. Significant differences between the two legal systems are identified, primarily the absence of the concept of “abuse of right” and general provisions on procedural sanctions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. A comparative analysis of six procedural sanctions provided for by the criminal procedure law of the Republic of Armenia and their counterparts in Russian legislation is conducted. The article concludes that the Armenian legislation is more consistent and detailed, thereby better addressing the need to protect participants in criminal proceedings from the unjustified application of sanctions and contributing more effectively to achieving the goals of criminal justice.

Keywords: procedural sanction, procedural liability, measures of procedural coercion, procedural offense, grounds for liability, criminal proceedings

For citation: Gambaryan A.S., Spiridonov M.S. Procedural Sanctions under the Criminal Procedure Legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 62–72. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.8.

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства является ведущим направлением научных исследований последних десятилетий. Подавляющее большинство научных работ содержат либо критику действующего уголовно-процессуального законодательства, либо конкретные предложения по его изменению. Неудовлетворенность действующими правовыми нормами регулярно высказывается и в юридической публицистике. При этом и представители науки, и практические работники солидарны в том, что попытка переустройства отечественного уголовного процесса на основе состязательности и разделения процессуальных функций оказалась не совсем удачной и до конца не завершена.

По мнению авторов настоящей статьи, разработка предложений по совершенствованию процессуального закона должна непременно основываться на изучении законодательства соседних государств. Особенно это касается тех стран, с которыми у России есть общая история и крепкие связи.

В 2021 г. в Армении был принят новый уголовно-процессуальный закон. Полагаем, что содержание этого нормативно-правового акта и опыт его применения представляют интерес для российских ученых и практиков. В частности, примечательно появление в этом законе отдельного раздела, касающегося процессуальных санкций, а также норм, регулирующих реализацию процессуальной ответственности.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

В уголовном судопроизводстве Армении процессуальные санкции представляют собой самостоятельные меры процессуального принуждения, регламентированные гл. 17 УПК Республики Армения¹ (далее – УПК РА).

Прежде чем перейти к видам процессуальных санкций, следует отметить, что в законодательстве Армении наряду с понятием

«процессуальная санкция» используется понятие «судебная санкция». Процессуальные санкции закреплены в гл. 17 УПК РА («Процессуальные санкции»), а судебные санкции – также в гл. 10 Конституционного закона «Судебный кодекс Республики Армения» («Судебные санкции»)². Судебную санкцию применяет суд в ходе судебного производства, в то время как понятие «процессуальная санкция» является более широким и охватывает меры воздействия, применяемые следователем в досудебном производстве.

В настоящее время коллизий (противоречий) между нормами Судебного кодекса и УПК РА, регулируемыми санкциями, не существует. Если они возникнут, что будет свидетельствовать о нарушении законодателем ч. 2 ст. 103 Конституции РА (нормативное регулирование конституционным законом не должно выходить за рамки его предмета), то предпочтение должно отдаваться положениям УПК РА.

Общим основанием применения процессуальных санкций служит норма ст. 29 УПК РА «Запрет неправомерного поведения». В ч. 3 этой статьи указано, что в предусмотренных УПК РА случаях к лицу, допустившему злоупотребление правами или злостно не исполнившему обязанности, может быть применена соразмерная его поведению процессуальная санкция, если ее неприменение может поставить под угрозу нормальный ход производства.

Частью 2 ст. 141 УПК РА предусмотрены следующие виды процессуальных санкций: замечание; ограничение в осуществлении права; удаление из зала судебного заседания; принудительный привод в орган, осуществляющий производство; судебный штраф; отстранение от производства. Их перечень является исчерпывающим.

Процессуальные санкции можно условно разделить на две группы: применяемые в досудебном производстве и применяемые в судебном производстве. Отдельные процессуальные санкции, такие, например, как удаление из зала судебного заседания или судебный штраф, могут применяться исключительно в ходе судебного производства и только судом.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 28.07.2021 № ЗР-306-Н [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения : сайт. URL: <https://www.arlis.am> (дата обращения: 15.05.2026).

² Судебный кодекс Республики Армения от 07.02.2018 № НО-95-Н [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения : сайт. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/130486> (дата обращения: 15.05.2026).

В уголовно-процессуальном законодательстве, помимо процессуальных санкций, предусмотрены и иные меры процессуальной ответственности, подлежащие применению в случае процессуальных нарушений. Например, отстранение следователя от производства в случае грубого нарушения закона является мерой процессуальной ответственности, однако эта мера не закреплена в гл. 17 УПК РФ, посвященной процессуальным санкциям. Следовательно, с формально-правовой точки зрения она не считается видом процессуальной санкции, хотя в доктринальном смысле отстранение следователя от производства, несомненно, рассматривается как мера процессуальной ответственности [1, с. 108; 2, с. 47; 3]. В гл. 17 УПК РФ предусмотрены лишь вышеперечисленные меры процессуальной ответственности.

При этом общие положения, предусмотренные гл. 17 УПК РФ, например, положения ч. 4 ст. 141, в соответствии с которыми применение процессуальной санкции должно быть направлено на достижение целей обеспечения нормального хода производства, а примененная к лицу санкция должна быть соразмерна характеру и последствиям его поведения, относятся исключительно к процессуальным санкциям. Эти общие положения не могут быть распространены на меры процессуальной ответственности, не предусмотренные гл. 17 УПК РФ.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Существенным отличием российского уголовного судопроизводства от судопроизводства Республики Армения является разрыв между доктриной и нормативно-правовым регулированием в вопросе об уголовно-процессуальных санкциях и ответственности. В частности, это проявляется в отсутствии в российском уголовно-процессуальном законодательстве такого важного для института процессуальной ответственности понятия, как запрет злоупотребления правом. Если в УПК РФ так же, например, как в УПК Швейцарии [4, с. 186–188], прямо закреплён указанный принцип (ст. 29), то в УПК РФ нет прямо-

го аналога этой правовой нормы. Что касается ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу», то в ней упоминаются только участники уголовного судопроизводства, наделённые властными полномочиями. Нормы о запрете неправомерного поведения других участников процесса в УПК РФ нет, как нет и специального раздела, посвящённого процессуальным (судебным) санкциям. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит положений, регулирующих основания и порядок применения процессуальных санкций и иных мер уголовно-процессуальной ответственности. В исторической ретроспективе таких норм в российском уголовно-процессуальном законодательстве тоже не существовало.

Отсутствие нормативного закрепления принципа запрета злоупотребления правом отчасти компенсируется использованием в судебной практике термина «явно недобросовестное использование участником процесса своих правомочий в ущерб интересам других участников процесса», введенного в оборот Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 18 постановления от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»³ (далее – постановление № 29).

В доктрине российского уголовного процесса проблематика процессуальных санкций и ответственности имеет относительно давнюю историю. Так, вопросам уголовно-процессуальных правонарушений, ответственности и судебных санкций посвящены работы З.Ф. Ковриги [2; 5], Г.Н. Ветровой [6], П.С. Элькинд [7; 8], Т.Г. Морщаковой [9], опубликованные еще в советский период. Позже этой проблематике касались В.Н. Протасов [10], Б.Б. Булатов [11], С.Г. Ольков [12], В.С. Вепрев [13] и др.

Важно отметить, что санкции и ответственность в доктрине уголовного процесса рассматриваются как самостоятельные понятия. Так, например, З.Ф. Коврига считала их, наряду с принуждением, отдельными способами принудительного обеспечения уголовно-процессуальных норм, при этом ответственность представляет собой реализацию санкции [5, с. 30, 38]. Г.Н. Ветрова так же по-

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

лагает, что санкция – это правовое средство обеспечения выполнения юридических обязанностей и охраны субъективных прав от возможных нарушений, а актом применения процессуальной санкции реализуется процессуальная ответственность за правонарушение [6, с. 47, 156]. Поскольку данный подход вполне согласуется с нормой ч. 4 ст. 141 УПК РА, то можно говорить, что армянский и российский уголовные процессы одинаково трактуют понятие процессуальной санкции как одного из средств обеспечения нормального хода судопроизводства.

В негативном аспекте под уголовно-процессуальной ответственностью понимается: обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения, правонарушения [2, с. 54]; ясно выраженное в той или иной форме (акте применения санкции) порицание противоправного поведения обязанного субъекта правоотношения [6, с. 157]; карательные меры, возложение на нарушителя дополнительной обязанности, лишение его тех или иных процессуальных прав [8, с. 101].

Если сравнить перечень процессуальных санкций, предусмотренных УПК РА, с содержанием российского уголовно-процессуального закона, то можно привести следующие примеры аналогичных норм:

1) предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании (ч. 1 ст. 258 УПК РФ);

2) ограничение в ознакомлении с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ);

3) удаление из зала судебного заседания либо отключение от видео-конференц-связи (ч. 1 ст. 258 УПК РФ);

4) привод (ст. 113 УПК РФ);

5) денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ);

6) отстранение дознавателя или следователя от производства расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37, п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), отстранение государственного обвинителя или защитника от участия в деле (ч. 2 ст. 258 УПК РФ), отстранение присяжного от участия в рассмотрении дела (ч. 4 ст. 333 УПК РФ), отстранение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) или потерпевшего от участия в деле (ч. 2.2 ст. 45, ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ).

Отметим, что с точки зрения российской доктрины уголовного процесса вопрос об отнесении к мерам уголовно-процессуальной ответственности отстранения следователя и государственного обвинителя от участия в деле носит дискуссионный характер. Учитывая компаративистский характер настоящего исследования и его формат, подробный анализ этой дискуссии остается за его рамками.

Поскольку единого и, что более важно, закрытого перечня процессуальных санкций в УПК РФ нет, они распределены по разным структурным единицам закона. Сравнение приведенных выше видов санкций с перечнем санкций, предусмотренных ч. 2 ст. 141 УПК РА, показывает наличие между ними явного сходства. Отличие состоит в том, что в УПК РА названия видов процессуальных санкций сформулированы обобщенно. Так, например, предусмотренное ч. 3 ст. 217 УПК РФ ограничение стороны защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела представляет собой одну из разновидностей ограничения в осуществлении права (п. 2 ч. 2 ст. 141 УПК РА).

Кроме того, приведенный нами перечень примеров санкций по УПК РФ, безусловно, не является исчерпывающим. Как уже было сказано, он сформирован авторами путем сопоставления с нормами гл. 17 УПК РА. Поэтому такие, например, санкции, как отмена процессуального решения или признание доказательства недопустимым, в настоящем исследовании подробно не рассматриваются.

Сравнительный анализ показывает, что система процессуальных санкций реализована в УПК РА последовательно и однозначно, что выражается в наличии отдельной гл. 17, которая выступает аналогом Общей части уголовного закона, где приведена система процессуальных санкций, раскрыто содержание каждой санкции, основания и порядок их применения. Такое построение закона позволяет избежать необходимости указывать в нем отдельные составы процессуальных правонарушений, которые влекут применение той или иной санкции. Также это предоставляет участникам процесса гарантии против произвольного применения к ним данных мер процессуальной ответственности. Подобное правовое регулирование вполне допустимо применить и в УПК РФ, где в настоящее время нет общих

норм о санкциях, а имеются лишь разрозненные нормы об их применении за отдельные составы процессуальных правонарушений.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ САНКЦИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РОССИИ

Замечание (предупреждение). Согласно ст. 142 УПК РА замечание является предписанием, обращенным к участнику производства или иному лицу во время совершения конкретного процессуального действия или в ходе судебного заседания, о надлежащем поведении или подчинении распоряжениям уполномоченного лица. В досудебном производстве замечание делается в письменной форме, а в судебном производстве – в устной с занесением в протокол судебного заседания.

Невыполнение требований замечания может повлечь применение иной санкции, предусмотренной УПК РА. О возможности этого, а также о последствиях применения более строгой санкции орган, осуществляющий производство, в каждом случае замечания надлежащим образом уведомляет соответствующее лицо.

УПК РФ не раскрывает содержание такой санкции, как «предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании». По смыслу ч. 2 ст. 243 и ч. 1 ст. 258 предупреждение применяется только в ходе судебного производства и только судом. Его форма – устная с занесением в протокол судебного заседания. Основанием применения предупреждения является нарушение порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава.

Хотя в ч. 1 ст. 258 УПК РФ прямо не говорится, что предупреждение является наименее строгой санкцией и при продолжении неподобающего поведения к участнику процесса применяется более строгая санкция, судебная практика сложилась именно таким образом. Так, например, подсудимый И. в Воткинском районном суде Удмуртской Республики неоднократно нарушал порядок в судебном заседании, пререкался с председательствующим и не подчинялся его распоряжениям, в связи с чем председательствующий делал ему за-

мечания и предупреждал о недопустимости подобного поведения. В результате суд применил к И. санкцию в виде отключения от видео-конференц-связи. Суд кассационной инстанции признал решение суда законным⁴.

Ограничение в осуществлении права. Согласно ст. 143 УПК РА ограничение в осуществлении права заключается в установлении временных или количественных условий для реализации определенных прав участника производства или свидетеля путем вынесения соответствующего постановления в случае систематического злоупотребления ими этими правами. Даная процессуальная санкция может быть применена только в случае систематического злоупотребления следующими правами:

- 1) заявление ходатайств;
- 2) заявление отводов;
- 3) представление доказательств для приобщения и исследования в материалах производства;
- 4) ознакомление с материалами производства и выписывание из них любых сведений;
- 5) выступление со вступительной речью, заключительным словом или заключительным заявлением;
- 6) отказ от защитника;
- 7) прекращение полномочий защитника.

Ограничение в осуществлении права может быть применено и в случае явки на конкретное процессуальное действие нескольких защитников, уполномоченных представителей или адвокатов одного и того же лица. В этом случае ограничение в осуществлении права проявляется в предоставлении возможности участвовать в данном процессуальном действии не всем защитникам, уполномоченным представителям или адвокатам. Применение процессуальной санкции, предусмотренной настоящей статьей, не должно исключать саму реализацию соответствующего права (ст. 143 УПК РА).

Как видно, армянский законодатель достаточно подробно раскрыл содержание данной санкции, при этом не только обозначил обязательное условие ее применения – систематическое злоупотребление правами, но и указал перечень таких прав.

⁴ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2026 № 77-830/2026 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как отмечено выше, ограничение в осуществлении права как процессуальная санкция УПК РФ предусмотрена, но, в отличие от УПК РА, регламентирована не единой нормой, а целым рядом норм об ограничении в осуществлении отдельных процессуальных прав. В частности, положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ предусматривают правомочие суда ограничить сторону защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела в случае явного затягивания ознакомления. Определенные ограничения на участие в прениях могут быть применены судом в силу ч. 5 ст. 292, ч. 2, 3 ст. 336 УПК РФ. Аналогичное правомочие предоставлено суду и при последнем слове подсудимого – ч. 2 ст. 293 УПК РФ. На основании ч. 7, 8 ст. 335 УПК РФ суд может ограничить право сторон на представление и исследование доказательств при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Кроме того, в судебной практике сложился подход, согласно которому неоднократное заявление отвода по одним и тем же основаниям является неуважением к суду, такой отвод подлежит оставлению без рассмотрения⁵.

Как видно, приведенные нормы УПК РФ не содержат такого условия для применения данной процессуальной санкции, как систематическое злоупотребление правами. В то же время в них предусмотрены иные критерии, которые также показывают, что злоупотребление является основанием для применения данной санкции.

Удаление из зала судебного заседания (отключение от видео-конференц-связи). Согласно ст. 144 УПК РА в случае невыполнения требований замечания, сделанного в ходе судебного заседания, суд может удалить участника судебного производства (за исключением прокурора или адвоката, участвующего в качестве защитника или уполномоченного представителя, а также свидетеля, дающего в данный момент показания) или иное лицо из зала судебного заседания до окончания данного заседания или судебных слушаний. Постановление об удалении лица из зала су-

дебного заседания заносится в протокол судебного заседания. Если продолжение судебного заседания в отсутствие удаленного участника производства невозможно, суд откладывает слушания.

В случае первого и второго удаления обвиняемого из зала судебного заседания слушания откладываются. При последующем наличии основания для удаления обвиняемого из зала судебного заседания суд удаляет его из зала судебного заседания, продолжая данное судебное заседание.

Суд предоставляет удаленному из зала судебного заседания обвиняемому возможность выступить с заключительным словом и сделать заключительное заявление, а содержащемуся под стражей обвиняемому – участвовать в оглашении вердикта или приговора. При последующем наличии основания суд вправе вновь удалить обвиняемого из зала судебного заседания и продолжить данное заседание.

В случае немедленного и добровольного неисполнения постановления об удалении из зала судебного заседания оно исполняется принудительно с помощью судебных приставов (ст. 144 УПК РА).

В целом аналогичная норма содержится в ч. 3 ст. 258 УПК РФ, хотя степень ее детализации, безусловно, несравнимо меньше. Существенным отличием российского уголовно-процессуального закона и практики его применения является то, что судебное заседание при удалении подсудимого не откладывается, даже если это произошло в первый или второй раз. Кроме того, по смыслу ст. 258 УПК РФ возвращение подсудимого в зал судебного заседания после его удаления не предполагает повторения судебных действий, совершенных в его отсутствие, участия в которых он себя лишил в результате ненадлежащего поведения, что не может расцениваться как нарушение его права на защиту⁶.

Помимо этого, закон не предусматривает обязанность суда уведомлять обвиняемого по возвращении в зал судебного заседания о содержании проведенных в его отсутствие судебных действий и исследованных доказательств. При наличии просьбы обвиняемого о получении такой информации суд дает ему

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.03.2026 № 51-УДП26-3-А5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.03.2025 № 89-УД25-1СП-А2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.

время для обращения за помощью к своему адвокату (абз. 3 п. 8 постановления № 29).

Как видно, данная санкция в УПК РФ имеет более строгий характер в сравнении с санкцией УПК РА. Стоит отметить, что ее применение, как правило, вызвано таким поведением подсудимого, которое явно выходит за рамки допустимого. При этом суд определяет продолжительность удаления с учетом характера совершенного подсудимым нарушения порядка в судебном заседании.

Принудительный привод. Согласно ст. 145 УПК РА в случае злостного уклонения частного участника производства (за исключением адвоката), а также свидетеля, эксперта или переводчика от исполнения обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, орган, осуществляющий производство, в целях обеспечения их исполнения вправе вынести постановление о принудительном приводе лица. В постановлении указываются год, месяц, день его вынесения, данные лица, подлежащего принудительному приводу, уполномоченный орган, которому поручается осуществление привода, его основание и причины.

До привода лицу под расписку вручается копия постановления о принудительном приводе. Лишение свободы осуществляется непосредственно после вручения копии постановления. Факт принудительного привода фиксируется органом, осуществляющим производство, соответствующим протоколом, копия которого (а в случае суда – выписка из него) вручается лицу. В протоколе указываются: имя, фамилия, отчество лица, год, месяц, день, час, минута, место, условия и основания фактического лишения свободы, его заявления, имя, фамилия, должность, звание уполномоченного лица, осуществившего привод, а также год, месяц, день, час и минута доставления лица в орган, осуществляющий производство, и составления протокола. Протокол или выписка подписываются принудительно доставленным лицом, доставившим его уполномоченным лицом, а также органом, осуществляющим производство.

Лишение свободы не может длиться дольше, чем необходимо для исполнения той обязанности, для обеспечения которой оно было применено, но во всех случаях не более 12 часов. В случае отпадения необходимости в ли-

шении свободы или истечения установленного настоящей частью максимального срока лицо немедленно освобождается. Этот факт, а также основание, год, месяц, день, час и минута освобождения лица указываются в соответствующем протоколе, копия или выписка из которого вручается лицу (ст. 145 УПК РА).

Норма ст. 113 УПК РФ, в сравнении с приведенной выше нормой, намного менее детализирована. Это компенсируется тем, что порядок осуществления привода более подробно регламентируется подзаконными актами⁷.

С одной стороны, в Армении привод применяется к более широкому кругу лиц, именуемых в законе «частный участник производства», куда входят эксперт и переводчик. В России традиционно привод применяется только к обвиняемому, потерпевшему и свидетелю, а с недавнего времени также и к лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (по сути, он тоже является обвиняемым, но по выделенному уголовному делу). В этом отношении можно говорить, что эта санкция в российском уголовном процессе мягче. С другой стороны, в УПК РА четко установлено предельное время ограничения свободы лица, повергнутого приводу, – 12 часов, тогда как ни в УПК РФ, ни в указанных подзаконных нормативных актах такого ограничения нет. Опыт Республики Армения в этом вопросе представляется чрезвычайно важным.

Судебный штраф (денежное взыскание). Согласно ст. 146 УПК РА в случае невыполнения требований замечания, сделанного председательствующим, суд вправе наложить штраф на участника судебного производства. Размер его не может превышать 100 000 драм. Судебный штраф налагается отдельным постановлением, выносимым в том же судебном заседании, копия постановления в тот же день направляется оштрафованному лицу. Постановление о наложении судебного штрафа может быть обжаловано в порядке особого производства, установленном УПК РА.

⁷ Порядок осуществления привода судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов (утв. приказом Минюста России от 13.07.2016 № 164) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 33 ; Инструкция о порядке осуществления привода (утв. приказом МВД России от 21.06.2003 № 438, в ред. от 01.02.2012) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 47.

В случае добровольного неисполнения постановления о наложении судебного штрафа оно подлежит принудительному исполнению в порядке, установленном Законом «О принудительном исполнении судебных актов». Назначенный судебный штраф подлежит зачислению в государственный бюджет (ст. 146 УПК РА).

Существенным отличием предусмотренного ст. 117 УПК РФ денежного взыскания является основание применения данной санкции – неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей или нарушение ими порядка в судебном заседании. Получается, в Армении данная санкция применяется при усилении ответственности, когда замечание не возымело должного действия на участника процесса.

Также стоит обратить внимание на то, что размер денежного взыскания по УПК РФ почти в десять раз меньше размера судебного штрафа по УПК РА (с учетом конвертации валют). При этом ч. 5 ст. 118 УПК РФ позволяет отсрочить или рассрочить уплату этого взыскания. С точки зрения эффективности действия данной санкции можно говорить, что российский уголовно-процессуальный закон существенно уступает закону Армении.

Отстранение от производства (отстранение от участия в деле). Согласно ст. 147 УПК РА участвующий в производстве адвокат или уполномоченный представитель, или законный представитель, а также публичный обвинитель по мотивированному постановлению органа, осуществляющего производство, могут быть отстранены от производства, если они дважды без уважительной причины не явились в судебное заседание на совершение обязательного для них процессуального действия или после трехкратного применения к ним процессуальной санкции в порядке, установленном гл. 17 УПК РА, продолжают злостно не исполнять свои обязанности. Постановление следователя об отстранении адвоката, уполномоченного представителя или законного представителя подлежит утверждению прокурором, осуществляющим надзор. Постановление следователя об отстранении от производства может быть обжаловано вышестоящему прокурору в семидневный срок с момента его получения, а в

случае неудовлетворения им жалобы – в суд. Постановление суда об отстранении от производства может быть обжаловано в порядке, установленном УПК РА (ст. 147).

Российским уголовно-процессуальным законом предусмотрены следующие разновидности данной санкции:

- отстранение дознавателя или следователя от производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37, п. 6 ч. 1 ст. 39);

- отстранение государственного обвинителя или защитника от участия в деле при неподчинении распоряжениям председательствующего (ч. 2 ст. 258);

- отстранение присяжного от участия в рассмотрении дела в случае нарушения следующих запретов: отлучаться из зала судебного заседания во время слушания уголовного дела; высказывать свое мнение по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта; общаться с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств рассматриваемого уголовного дела; собирать сведения по уголовному делу вне судебного заседания; нарушать тайну совещания и голосования присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам (ч. 4 ст. 333);

- отстранение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) или потерпевшего от участия в деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), потерпевшего (ч. 2.2 ст. 45, ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428).

Общим моментом является то, что данная санкция применяется только при совершении участником процесса процессуального правонарушения. Поэтому, например, отстранение защитника от участия в деле, если интересы одного из представляемых им подозреваемых (обвиняемых) противоречат интересам другого (ч. 6 ст. 49 УПК РФ), не может рассматриваться в качестве процессуальной санкции.

В то же время можно выделить ряд отличий. Первое существенное различие между армянским и российским законодательством состоит в круге лиц, к которым применяется данная санкция: в России он шире, поскольку

включает также должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и присяжных заседателей.

Второе отличие – основание применения данной санкции. В Армении таким основанием выступает двукратная неявка или продолжающееся, несмотря на трехкратное применение менее строгой санкции, уклонение от исполнения обязанности. То есть налицо «процессуальная опасность» данных действий, что также указывает на место данной санкции в их иерархии, поскольку она применяется только после безуспешного применения менее строгих санкций. В России же для каждого участника процесса, к которому может быть применена данная санкция, предусмотрено отдельное основание – отдельный состав процессуального правонарушения. Причем их «процессуальная опасность» не объединена каким-то единым критерием. Так, из содержания п. 10 ч. 2 ст. 37 и п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ следует, что дознаватель и следователь могут быть отстранены от участия в деле при любом нарушении требований УПК РФ, что является довольно широким основанием. К государственному обвинителю и защитнику данная санкция может быть применена только при неподчинении распоряжениям председательствующего. Относительно узкое основание применения санкции предусмотрено и для законных представителей – нанесение ущерба интересам представляемого несовершеннолетнего.

Третье отличие состоит в субъекте, уполномоченном применять данную санкцию. В Армении таким субъектом является следователь (на досудебной стадии), чье решение утверждается надзирающим прокурором и может быть обжаловано в суд, а на стадии судебного производства – суд, чье решение может быть обжаловано в вышестоящую судебную инстанцию. В России данная санкция применяется прокурором – в отношении дознавателя, руководителем следственного органа – в отношении следователя, следователем или дознавателем – в отношении законного представителя несовершеннолетнего (на стадии досудебного производства), а на ста-

дии судебного производства – только судом в отношении государственного обвинителя, защитника, присяжного заседателя, законного представителя несовершеннолетнего.

Таким образом, в российском уголовно-процессуальном законе в сравнении с УПК РА регулирование отстранения от участия в деле в качестве процессуальной санкции является более сложным и непоследовательным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор закрепленных в гл. 17 УПК РА процессуальных санкций позволяет говорить о существовании в уголовном процессе Армении сформировавшегося самостоятельного института процессуальной ответственности, который обладает уникальной правовой природой. Система процессуальных санкций, основания и порядок их применения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения характеризуются значительной детализацией и последовательностью нормативного регулирования. Это следует оценить положительно, ведь тем самым не только исключается произвольное применение санкций к участникам процесса, но и повышается эффективность всей уголовно-процессуальной деятельности, поскольку наличие механизма защиты от злоупотребления правами со стороны участников процесса в конечном счете способствует достижению цели уголовного судопроизводства.

В то же время сравнительный анализ законодательства двух стран показал, что применительно к УПК РФ аналогичная высокая оценка не может быть дана. В первую очередь это связано с отсутствием в нем общих норм о процессуальных санкциях и таком общем основании их применения, как злоупотребление правом. При этом имеют место разрозненные нормы о применении санкций за отдельные составы процессуальных правонарушений.

В компаративном плане опыт армянского законодательства представляет значительный интерес для целей совершенствования российского уголовно-процессуального закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России : монография / В.М. Быков. – Москва, 2014. – 333 с.
2. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 25–123.
3. Гамбарян А.С. Отстранение следователя от производства: ответственность или прокурорская «расправа»? / А.С. Гамбарян // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 4 (22). – С. 79–92.
4. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии / А.А. Трефилов. – Москва, 2016. – 1019 с.
5. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж, 1975. – 175 с.
6. Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве / Г.Н. Ветрова. – Москва, 1991. – 160 с.
7. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Ленинград, 1963. – 172 с.
8. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград, 1976. – 143 с.
9. Морщакова Т.Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин. – Москва, 1987. – 238 с.
10. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В.Н. Протасов. – Москва, 1991. – 143 с.
11. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
12. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1996. – 266 с.
13. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.С. Вепрев. – Челябинск, 2006. – 265 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гамбарян Артур Сиреканович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права, заслуженный юрист Республики Армения;

Спирidonov Михаил Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gambaryan Artur Sirekhanovich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Honored Lawyer of the Republic of Armenia;

Spiridonov Mikhail Sergeevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 19.04.2026. The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 19.04.2026.

REFERENCES

1. Bykov V.M. Investigator in Criminal Procedure in Russia. Moscow, 2014. 333 p.
2. Kovriga Z.F. Criminal Procedural Liability. *Judicial Authority and Criminal Procedure*, 2016, no. 2, pp. 25–123. (In Russian).
3. Ghambaryan A.S. Suspension of the Investigator from Production: Responsibility or Prosecutorial “Reprisal”? *Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2018, no. 4 (22), pp. 79–92. (In Russian).
4. Trefilov A.A. Criminal Procedure of Foreign Countries. Moscow, 2016. Vol. 1. 1019 p.
5. Kovriga Z.F. Criminal Procedure Coercion. Voronezh, 1975. 175 p.
6. Vetrova G.N. Sanctions in Judicial Law. Moscow, 1991. 160 p.
7. Elkind P.S. The Essence of Soviet Criminal Procedure Law. Leningrad, 1963. 172 p.
8. Elkind P.S. Goals and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedural Law. Leningrad, 1976. 143 p.
9. Morshchakova T.G., Petruhin I.L. Assessing the Quality of Trial (in Criminal Cases). Moscow, 1987. 238 p.
10. Protasov V.N. Fundamentals of General Legal Procedural Theory. Moscow, 1991. 143 p.
11. Bulatov B.B. State Coercion in Criminal Proceedings. Omsk, 2003. 320 p.
12. Olkov S.G. Criminal Procedure Offenses. Tyumen, 1996. 266 p.
13. Veprev V.S. Grounds for Criminal Procedural Liability. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2006. 265 p.

Научная статья
УДК 343.131
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.9

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия,
iliadikarev@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОДНОСТОРОННИХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ON THE ADVERSARIAL NATURE OF EX PARTE PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Проблематика состязательности основательно изучена в доктрине уголовно-процессуального права. Критерии, которым должна соответствовать судебная процедура, чтобы рассматриваться в качестве состязательной, хорошо известны: независимый и беспристрастный суд, равноправные стороны. Однако под такие критерии не подходят односторонние судебные процедуры, в которых лицу, обратившемуся в суд с определенным требованием, не противостоит другая сторона. Цель: на основе анализа уголовно-процессуальных правоотношений разрешить вопрос, соответствуют ли принципу состязательности односторонние судебные процедуры. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. На основе системного подхода уголовный процесс рассматривается как единое целое, в основе которого лежат правоотношения. Структурно-логический анализ позволил выделить ряд производств, отличающихся структурой правоотношений. Методом сравнения проведено сопоставление особенностей правоотношений, лежащих в основе судебного разбирательства, односторонних судебных производств и предварительного расследования. Логико-юридический метод позволил показать существенные различия структурно сходных правоотношений, характерных для предварительного расследования и односторонних судебных производств, обосновать состязательную природу последних. Результаты: сделан вывод, что односторонние судебные процедуры являются состязательными, поскольку для них характерно уголовно-процессуальное правоотношение подсудности, в котором заявителю, обратившемуся с тем или иным требованием, «оппонирует» независимый и беспристрастный суд. Относительный характер данного правоотношения, а также объем полномочий суда, обладающего компетенцией разрешить соответствующее юридическое дело, отличают процессуальную конструкцию односторонних судебных процедур от предварительного расследования, не являющегося по своей процессуальной организации состязательным.

Abstract. The adversarial principle has been thoroughly examined in the doctrine of criminal procedure law. The criteria that a judicial procedure must meet to be considered adversarial are well-established: an independent and impartial court, and equality of arms. However, ex parte proceedings, where the party petitioning the court faces no opposing party, do not fit these criteria. Purpose: to analyze criminal procedural relations to determine whether ex parte proceedings are consistent with the adversarial principle. The methodological framework of this study is grounded in the dialectical method. Using a systemic approach, criminal proceedings were viewed as a cohesive whole built upon legal relations. Structural and logical analysis enabled the categorization of various proceedings based on the configuration of these relations. The comparative method was employed to contrast the specific features of legal relations underlying full judicial trials, ex parte proceedings, and preliminary investigations. Finally, the formal-legal method allowed for demonstrating the essential differences between structurally similar relations in preliminary investigations and ex parte proceedings, while substantiating the adversarial nature of the latter. Results: the study concludes that ex parte proceedings are adversarial in nature, as they are characterized by a criminal procedural relationship of jurisdiction, wherein the applicant filing a petition is “opposed” by an independent and impartial court. The relative nature of this legal relationship, along with the scope of the court’s authority to resolve the respective legal case, distinguishes the procedural structure of ex parte proceedings from a preliminary investigation, which is not adversarial in its procedural organization.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03252, <https://rscf.ru/project/25-28-03252/>.

Ключевые слова: состязательность, равноправие сторон, особое производство, исполнение приговора, подсудность, судебный контроль

Для цитирования: Дикарев И.С. О состязательности односторонних судебных производств в уголовном процессе / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 73–81.

Financing. The study was funded by grant No. 25-28-03252 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-03252/>.

Keywords: adversarial principle, equality of arms, special proceedings, execution of sentence, jurisdiction, judicial review

For citation: Dikarev I.S. On the Adversarial Nature of Ex Parte Proceedings in Criminal Procedure. The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2026, no. 3, pp. 73–81. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.9.

ВВЕДЕНИЕ

Статус состязательности и равноправия сторон как принципа уголовного процесса сегодня, кажется, никем не оспаривается. Предельно понятны и требования, которым должна соответствовать та или иная процедура, чтобы считаться состязательной. Так, говоря о необходимости построения уголовного процесса «на началах подлинной состязательности», авторы Концепции судебной реформы в РСФСР имели в виду разделение и персонализацию функций обвинения, защиты и разрешения дела, равноправие сторон обвинения и защиты, «предоставление им... равных возможностей по воздействию на окончательное решение суда»¹. Именно эти критерии были заложены законодателем в нормативной формуле рассматриваемого принципа, изложенной в ст. 15 УПК РФ. На ее основе четко проступают контуры организации судопроизводства, обладающего структурой, которую схематично можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Рис. 1. Организация судопроизводства

Данная схема представляет собой модель, приложение которой к тому или иному процессуальному производству позволяет оце-

нить его с точки зрения соответствия принципу состязательности и равноправия сторон.

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Изложенная в законе нормативная формула принципа состязательности сторон безусловно применима только к разбирательству по уголовному делу в судах первой и апелляционной инстанции. Такой вывод следует из буквального толкования ст. 15 УПК РФ, в которой говорится о функциях обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Некоторые ученые еще более конкретизируют содержание принципа состязательности сторон, отмечая, что предметом спора должно быть непременно обвинение лица в совершении преступления [1, с. 44].

Конечно, законодатель вполне сознательно изложил принцип состязательности сторон так, чтобы ни у кого не вызывало сомнений распространение его действия именно на судебное разбирательство, ведь этот этап составляет сердцевину уголовного судопроизводства, а значит, требует абсолютной определенности в вопросе его процессуальной организации. Однако оборотной стороной подобной регламентации стали сомнения некоторых ученых относительно того, распространяется ли принцип состязательности сторон на другие судебные производства, в которых нет ни обвинения в совершении преступления, ни функций уголовного преследования и защиты. Речь идет о производствах, в рамках которых осуществляется

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М. : Республика, 1992. С. 85.

судебный контроль в досудебном производстве, разрешаются вопросы, связанные с исполнением приговора и реабилитацией.

В литературе перечисленные производства часто именуют особыми [2, с. 70; 3; 4]. По нашему мнению, уместнее употреблять термин «периферийные». Во-первых, он более информативный и удачно подходит для обозначения производств хоть и связанных с уголовным делом, но реализующихся за его «рамками» (параллельно или по его завершении) и направленных на решение вопросов, которые в уголовном процессе не могут считаться основными. Во-вторых, главным плюсом использования этого термина является возможность избежать смешения производств, которые сейчас именуются особыми, с порядком судопроизводства, предусмотренным гл. 40 и 40.1 УПК РФ.

К некоторым из периферийных производств нормативная формула состязательности сторон, изложенная в ст. 15 УПК РФ, вполне применима. Например, стороны обвинения и защиты могут участвовать в рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Но если, например, с жалобой на действия следователя в порядке ст. 125 УПК РФ обращается потерпевший, то в положении спорящих оказываются представители одной стороны – обвинения. Если же говорить о судебно-исполнительных производствах, то там сторон обвинения и защиты нет в принципе. Это дает основание специалистам, занимающимся вопросами исполнения приговора, говорить о специфике или даже ставить под сомнение действие принципа состязательности сторон при разрешении судом вопросов, указанных в гл. 47 УПК РФ.

Так, например, В.И. Качалов отмечает специфическое действие идей состязательности в процессе реализации различных видов исполнения итоговых судебных решений. По его мнению, этот принцип действует на стадии исполнения приговора «в значительно трансформированном виде»: функции обвинения и защиты преобразуются в функции правозащитного характера различной направленности, а процессуальное равенство сторон отсутствует [5, с. 20, 84–85].

В.В. Николук и Л.А. Пупышева вообще отрицают действие принципа состязательности в судебно-исполнительных производствах, обосновывая свою позицию полным отсутствием в них атрибутов состязательности (нет сторон обвинения и защиты, соответственно, отпадает вопрос об их равноправии; отсутствует предмет судебного спора в виде уголовного обвинения) [6, с. 171].

Такая позиция представляется излишне категоричной. Думается, формулу принципа состязательности сторон следует толковать не буквально, а расширительно: любая судебная процедура, в рамках которой равноправные стороны спорят перед независимым судом по тому или иному предмету (вовсе не обязательно по поводу обвинения), вполне укладывается в состязательную конструкцию судопроизводства. Как уже было сказано, нормативная формула принципа, изложенная в ст. 15 УПК РФ, намеренно ориентирована законодателем на стадию судебного разбирательства, однако это не исключает необходимости ее расширительного толкования.

В периферийных производствах предмет спора, с одной стороны, как правило, не связан с обвинением, что исключает именование сторон обвинением и защитой, а с другой – может иметь так много вариаций, что для обозначения процессуальных функций спорящих сторон приходилось бы каждый раз отыскивать новые названия. Но независимо от того, какие требования подлежат разрешению в рамках той или иной процедуры, между сторонами сохраняется спор, а значит, и процессуальное противоборство (в противном случае требование их равноправия утрачивает всякий смысл). В связи с этим модель состязательного судопроизводства следует излагать без конкретизации процессуальной функции сторон (см. рис. 2).

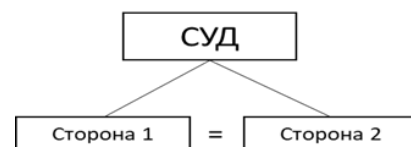

Рис. 2. Модель состязательного судопроизводства

Использование такой модели для обозначения состязательной организации судебных

процедур снимает вопросы по поводу соответствия судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств, в которых участвуют спорящие между собой стороны, принципу состязательности и равноправия сторон.

ПРОБЛЕМА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОДНОСТОРОННИХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Действительно представляет серьезную теоретическую проблему вопрос о том, действует ли принцип состязательности в односторонних судебных производствах, когда имеется заявитель, но нет второй стороны. В качестве примера можно привести судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия. Согласно ч. 3 ст. 165 УПК РФ в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о производстве следственного действия вправе присутствовать только следователь или дознаватель, заявившие данное ходатайство, и прокурор. Сторона защиты даже не извещается о проведении судебного заседания. Имеются примеры односторонних судебно-исполнительных производств. В частности, ходатайство о снятии судимости рассматривается при обязательном участии только самого осужденного, тогда как участие прокурора носит факультативный характер (ст. 400 УПК РФ).

В цивилистическом процессе односторонний характер носит особое производство, в котором устанавливаются факты или некоторые обстоятельства, влияющие на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав. В связи с отсутствием в делах особого производства сторон одни ученые-процессуалисты приходят к выводу, что принцип состязательности проявляется там не в полной мере [7, с. 64], а другие полностью отрицают его наличие [8, с. 337]. Встречается также точка зрения, согласно которой элемент состязательности привносится в дела особого производства участием прокурора [9, с. 184], однако данная позиция выглядит неубедительной. В односторонних судебных производствах, как уголовно-процессуальных, так и цивилистических, прокурор не выступает в качестве стороны спора. В гражданском процессуальном законодательстве этот момент

оттеняется даже в терминологии: прокурор, вступающий в процесс для дачи заключения, относится не к сторонам, а к лицам, участвующим в деле.

Односторонний характер могут приобретать и судебно-контрольные процедуры, предназначенные для проверки правосудности вступивших в законную силу судебных решений. В судах кассационной и надзорной инстанции предмет судебного разбирательства составляет проверка законности вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда. Здесь *a priori* нет процессуальных функций уголовного преследования и защиты, поскольку обвинительный тезис был разрешен на предыдущих стадиях уголовного процесса судами первой или апелляционной инстанции. Конечно, сторона защиты на всех этапах судопроизводства направляет свои усилия к тому, чтобы добиться признания обвиняемого невиновным или смягчения наказания, но в судах кассационной и надзорной инстанции этот интерес может быть удовлетворен только в рамках спора о законности обжалуемого решения. Для прокурора же функциональный интерес всегда определяется исключительно оценкой законности судебного акта. Прокурор добивается пересмотра незаконного судебного акта или отстаивает необходимость сохранения законной силы обжалованного другой стороной правосудного приговора без какой-либо заинтересованности в исходе дела. Никакого продолжения линии государственного обвинения в кассационном и надзорном производстве нет [10, с. 30–31]. Соответственно, противоборство сторон здесь носит ситуационный характер: если сторона защиты настаивает на пересмотре приговора, который прокурором оценивается как законный, спор возникнет. Но если участники уголовного процесса единодушно оценивают приговор как незаконный, то в вышестоящем суде они выступают на одной «стороне». В последнем случае мы снова сталкиваемся с односторонним производством, модель которого не укладывается в общепринятую схему состязательного правосудия: в этой модели нет противоборствующих сторон, так что отпадают основания именовать субъекта, обращающегося к суду

с тем или иным требованием, стороной. Уместнее назвать его заявителем (см. рис. 3).

Рис. 3. Модель одностороннего производства

Наверное, было бы проще всего завершить исследование данного вопроса выводом, что несоответствие процессуальной организации той или иной процедуры модели состязательности, предусматривающей наличие суда и двух противоборствующих и равноправных сторон, свидетельствует о том, что в односторонних судебных производствах рассматриваемый принцип уголовного процесса не реализуется. Но такое заключение прямо противоречит положению ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, недвусмысленно указывающему на распространение состязательности и равноправия сторон на все судопроизводство, то есть на все судебные процедуры разрешения юридических дел, реализуемые в рамках как основных, так и периферийных производств как в судах первой и апелляционной инстанции, так и в производствах, назначение которых состоит в проверке правосудности вступивших в законную силу судебных актов.

Такая ситуация требует изменения исследовательской задачи, актуализируя необходимость поиска иных индикаторов состязательности судопроизводства, не включающих в свое содержание в качестве обязательного признака наличие в процессе двух противоборствующих сторон.

Сложность доказывания этой гипотезы обусловлена лексическим значением слова «состязаться», которое в русском языке устойчиво ассоциируется с соревновательностью, стремлением превзойти кого-либо², вследствие чего состязание представляется невыполнимым в отсутствие соперника.

Однако в отличие от спорта или иных областей общественной жизни, где победа определяется превосходством над соперником, в юридической практике и в отсутствие про-

цессуального оппонента получение искомого результата в том или ином юридическом деле, как правило, рассматривается как «победа». Например, такой «победой» для следователя будет вынесение судьей постановления о разрешении производства следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ, а отказ в производстве следственного действия – «поражением». То же самое можно сказать о вынесении судом постановления о снятии судимости: даже в отсутствие процессуальных оппонентов в судебном заседании для лица, отбывшего наказание, такой результат является юридической победой.

Состязательность данным судебным производствам придает то обстоятельство, что обращение субъекта в суд с тем или иным требованием предполагает доказывание наличия предусмотренных законом оснований для его удовлетворения, а решение суда зависит от того, справится с этой задачей заявитель или нет. Видимо, именно это имеет в виду В.В. Аргунов, когда пишет, что в делах особого производства на первое место по значимости выступает «сотрудничество заявителя и суда... вплоть до того, что суд вместо "независимого арбитра" становится на место "ответчика", достигая тем самым максимума в выяснении материальной правды» [11, с. 9]. Конечно, приведенную цитату нельзя понимать буквально (не случайно автор взял слово «ответчик» в кавычки), но принципиально верно то, что суд в односторонних производствах не только не выступает на стороне заявителя, но и может вынести решение, прямо противоречащее отстаиваемому субъектом интересу. В этом смысле суд, не будучи непосредственным оппонентом заявителю (поскольку он не имеет в деле своего интереса), тем не менее противостоит субъекту, вынужденному доказывать перед ним свою правоту и обоснованность требования. Таким образом, в модели односторонних судебных процедур проступают важные черты принципа состязательности – независимость и беспристрастность суда, отделение его процессуальной функции от функции заявителя. «Принцип состязательности, – пишет Ю.А. Ляхов, – означает, прежде всего, такое построение уголовного судопроизводства, при котором суд... является самостоятельным, независимым от каких-либо лиц и органов...» [12, с. 57].

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗЪ, 1995. С. 740.

Таким образом, состязательный характер односторонних судебных производств не может оцениваться путем приложения к нему общей модели состязательной организации, характерной для процедур с участием двух спорящих сторон. Требование равноправия сторон, обеспечивающее справедливость судебных процедур, в которых сталкиваются интересы противоборствующих сторон, также применительно к односторонним процедурам теряет всякий смысл.

В этой связи нуждается в ревизии доктринальная позиция, согласно которой состязательность и равноправие сторон являются единым принципом процесса [13, с. 97]. Применительно к процессуальной организации односторонних судебных производств, где стороне, заявляющей то или иное требование, противостоит независимый и беспристрастный суд, следует говорить о принципе состязательности. Равноправие же сторон как принцип процесса приложимо только к той модели судопроизводства, где в судебном состязании участвуют две стороны.

ПРАВООТНОШЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Допущение, что состязательной может быть процедура, в которой взаимодействуют только субъект, отстаивающий определенный процессуальный интерес, и орган, ведущий уголовный процесс, ставит вопрос о том, не является ли в таком случае состязательным и предварительное расследование, где основное правоотношение складывается между органом расследования и стороной защиты. Схематично модели таких правоотношений выглядят схоже (см. рис. 4).

Рис. 4. Модели одностороннего производства и предварительного расследования

Такая постановка вопроса вполне допустима, если учесть высказываемое в юридической литературе мнение, что следователя нельзя относить к какой-либо стороне судопроизводства.

В частности, С.А. Соловьев в подтверждение такой позиции ссылается на наличие у следователя полномочия принимать окончательное решение по существу уголовно-правового спора и на этом основании делает вывод о реализации следователем функции разрешения уголовного дела [14, с. 113].

Аргументировать отсутствие состязательности и равноправия сторон в досудебном производстве можно с разных позиций. Однако в контексте проводимого исследования традиционные аргументы неприемлемы ввиду того, что предварительное расследование сопоставляется не с судебным разбирательством, характеризующимся наличием и независимого суда, и двух равноправных сторон спора, а с односторонними судебными процедурами. Единственным вариантом решения данной проблемы видится анализ характера правоотношений, складывающихся между властным субъектом судопроизводства и единственной стороной.

Любое процессуальное обращение, подлежащее рассмотрению в рамках одностороннего производства, направляется заявителем в суд с целью добиться разрешения того или иного юридического дела (например, разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права личности). В соответствии с принятой в теории права классификацией правоотношение, возникающее в случае принятия судом такого процессуального обращения к рассмотрению, является относительным, поскольку его субъектный состав конкретно определен: обязанной стороной выступает суд, который должен разрешить предъявленное требование, а управомоченной – заявитель.

С точки зрения определения правильного субъектного состава рассматриваемого правоотношения решающую роль приобретают признаки подсудности, выступая необходимыми элементами порождающего это правоотношение юридического (фактического) состава. При определении подсудности подлежит учету также компетенция суда, выражающаяся в наличии у него полномочий рассматривать определенный круг дел. Сопоставление признаков дела с компетенцией конкретного судебного органа, собственно говоря, и позволяет правильно определить подсудность уголовного дела.

В теории процессуального права не выработано единого подхода к пониманию подсудности. Ее рассматривают и как «признаки уголовного дела, определяющие его принадлежность к ведению конкретного суда» [15, с. 8], и как «компетенцию суда применительно к разрешению конкретного дела» [16, с. 4], и как правовой институт [17, с. 12–13]. Однако если принять во внимание, что правила, относящиеся к подсудности, имеют своим единственным назначением определение субъектного состава рассматриваемого правоотношения, то можно сделать вывод, что подсудность и является этим правоотношением. При таком подходе все разрозненные точки зрения относительно сущности подсудности укладываются в единую концепцию: признаки дела составляют часть юридического (фактического) состава, порождающего правоотношение, а компетенция суда выступает его предпосылкой.

Именно наличие правовой связи, в рамках которой заявитель и суд оказываются «по разные стороны» правоотношения, приобретая при этом корреспондирующие права и обязанности, связанные с разрешением предъявленного требования, и придает односторонним судебным производствам состязательный характер. Суд в такой системе никак не может оказаться на стороне заявителя: в правоотношении подсудности он ему «оппонирует», что обеспечивает объективность и беспристрастность суда при разрешении соответствующего юридического дела.

Принципиально иная ситуация складывается в ходе предварительного расследования. Следователь возбуждает и расследует уголовное дело не потому, что кто-то из участников процесса обратился к нему с определенным требованием, нуждающимся в разрешении. В юридической литературе принято говорить, что он действует в данном случае по долгу службы, *ex officio*. Это означает, что свои процессуальные обязанности следователь реализует в рамках не относительных, то есть корреспондирующих праву обратившегося к нему лица, а общерегулятивных правоотношений. В таких правоотношениях, именуемых также статусными, следователь действует как субъект, обязанный по отношению к государству, возлагающему на долж-

ностное лицо органа расследования такие обязанности ради удовлетворения социально значимого интереса [18, с. 366–367].

Соответственно, и правоотношения, складывающиеся между следователем и участниками уголовного процесса, включая тех, кто заинтересован в быстром, полном и всестороннем расследовании дела (например, потерпевшим), приобретают совершенно иной характер, не имеющий ничего общего с правоотношениями между судом и заявителем в односторонних судебных производствах. Как правило, следователь сам инициирует возникновение правоотношений с участниками расследования, вынося постановления о привлечении в качестве обвиняемого, признании потерпевшим и др., с которыми закон связывает приобретение процессуального статуса лицами, вовлекаемыми в расследование. Другими словами, известное латинское правило *nemo iudex sine actore* («нет судьи без истца»), имманентно присущее любому судебному производству, к предварительному расследованию неприменимо. Следователь возбуждает и расследует уголовное дело не потому, что к нему обращается за разрешением определенного требования какая-то сторона, а потому, что этого требует от него служебный долг, обязанность, которую следователь несет перед государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение организации предварительного расследования с односторонними судебными процедурами показывает, что ключевым отличием последних является наличие правоотношения подсудности. Такое правоотношение возникает только в связи с предъявлением лицом определенного требования, адресуемого властному субъекту (суду), что порождает у него обязанность разрешить данное требование. Занимая в этом правоотношении положение стороны, суд дистанцируется от заявителя, которому принадлежит корреспондирующее право на разрешение предъявленного им требования, что обеспечивает объективность и беспристрастность судебной деятельности.

Следователь, как было сказано выше, сам инициирует предварительное расследование,

возбуждая и расследуя уголовное дело *ex officio*. При этом он не обладает полномочием разрешить уголовное дело. О наличии такой функции говорить можно лишь тогда, когда у властного субъекта имеются полномочия вынести решение по существу юридического вопроса, являющегося предметом рассмотрения. Так, суд в ходе разбирательства может не только прекратить производство по уголовному делу, но и вынести обвинительный приговор. Избирая меру пресечения по ходатайству органа расследования, суд вправе как отказать в удовлетворении ходатайства, так и удовлетворить его. Следовательно, прекращая производство по делу, уголовно-правовой спор не

разрешает. Предварительное расследование является лишь досудебной подготовкой стороны обвинения к судебному разбирательству, в ходе которой накапливается доказательственный материал, на основании этого материала в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель будет добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности [19, с. 84]. Прекращая производство по уголовному делу, следователь лишь прекращает такую подготовку вследствие обнаружения предусмотренных в законе оснований, указывающих на безосновательность или бесперспективность дальнейшего уголовного преследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зажицкий В.И. Состязательность в уголовном процессе / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2014. – № 8. – С. 39–50.
2. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова ; под ред. М.С. Свиридова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. – 300 с.
3. Татьяна Л.Г. Виды особых производств в уголовном процессе России / Л.Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2016. – Т. 26, вып. 2. – С. 123–126.
4. Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Пупышева. – Омск, 2022. – 458 с.
5. Качалов В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : монография / В.И. Качалов. – Москва : Юстиция, 2017. – 298 с.
6. Пупышева Л.А. Судебно-исполнительные производства (глава 47 УПК РФ) и принцип состязательности в уголовном процессе / Л.А. Пупышева, В.В. Николюк // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : сборник материалов научной конференции (Москва, 24–25 октября 2019 г.). – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. – С. 166–171.
7. Никитенко А.В. К вопросу становления особого производства как самостоятельного гражданского производства в суде / А.В. Никитенко // Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 64–69.

REFERENCES

1. Zazhitsky V.I. Controversy in the Criminal Process. *State and Law*, 2014, no. 8, pp. 39–50. (In Russian).
2. Yakimovich Yu.K., Lensky A.V., Trubnikova T.V.; Sviridov M.S. (ed.). *Differentiation of Criminal Procedure*. Tomsk University Publ., 2001. 300 p.
3. Tatyana L.G. Types of Special Productions in Criminal Trial of Russia. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2016, vol. 26, iss. 2, pp. 123–126. (In Russian).
4. Pupysheva L.A. Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues Related to the Execution of a Sentence in the Criminal Procedure System. *Cand. Diss.* Omsk, 2022. 458 p.
5. Kachalov V.I. *Criminal Procedure Regulation of the Execution of Final Court Decisions in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, Yustitsiya Publ., 2017. 298 p.
6. Pupysheva L.A., Nikolyuk V.V. Judicial Enforcement Proceedings (Chapter 47 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the Adversarial Principle in Criminal Proceedings. *The nature of Russian Criminal Proceedings and the Adversarial Principle: On the 125th Anniversary of the birth of M.S. Strogovich. Proceedings of the Scientific Conference (Moscow, October 24–25, 2019)*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2020, pp. 166–171. (In Russian).
7. Nikitenko A.V. On the Issue of Establishing Special Proceedings as Independent Civil Proceedings in Court. In Voytovich L.V. (ed.). *Special Proceedings in Civilistic Process: Problems of Doctrine, Legislation, and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West Branch of the Russian State University of Justice, June 23, 2022)*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 64–69. (In Russian).

8. Демченко С.С. Сущность суда в особом производстве в России и зарубежных странах / С.С. Демченко // Особое производство в гражданском процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 329–337.

9. Горелик А.М. Целесообразность участия прокурора в особых производствах гражданского и арбитражного процессов / А.М. Горелик // Особое производство в гражданском процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 183–187.

10. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций / И.С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 2. – С. 28–32.

11. Аргунов В.В. Общие положения особого производства / В.В. Аргунов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 7. – С. 8–13.

12. Ляхов Ю.А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности / Ю.А. Ляхов // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 57–59.

13. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты : монография / Т.Ю. Вилкова. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2018. – 192 с.

14. Соловьев С.А. Институциональная и процессуально-правовая недопустимость отнесения следователя к стороне в уголовном судопроизводстве России / С.А. Соловьев // Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 108–116.

15. Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Б. Порцева. – Ижевск, 2004. – 23 с.

16. Некрасов С.В. Судебные стадии и особое производство в российском уголовном процессе / С.В. Некрасов. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 176 с.

17. Бехало С.В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / С.В. Бехало. – Москва, 2024. – 246 с.

18. Дикарев И.С. Правоотношения в уголовном процессе: дискуссионные вопросы структуры и содержания / И.С. Дикарев, М.Л. Давыдова // Правоведение. – 2024. – № 68 (3). – С. 360–372.

19. Дикарев И.С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 75–88.

8. Demchenko S.S. The Essence of the Court in Special Proceedings in Russia and Foreign Countries. In Voytovich L.V. (ed.). *Special Proceedings in Civil Procedure: Problems of Doctrine, Legislation and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West branch of the Russian State University of Justice, June 23, 2022)*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 329–337. (In Russian).

9. Gorelik A.M. Expediency of the Prosecutor's Participation in Special Proceedings of Civil and Arbitration Procedure. In Voytovich L.V. (ed.). *Special Proceedings in Civil Procedure: Problems of Doctrine, Legislation, and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West Branch of the Russian State University of Justice, June 23, 2022)*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 183–187. (In Russian).

10. Dikarev I.S. The Prosecutor's Criminal Procedure Function in the Cassation and Supervisory Court. *Criminal Judicial Proceeding*, 2022, no. 2, pp. 28–32. (In Russian).

11. Argunov V.V. General Provisions of Special Production. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2011, no. 7, pp. 8–13. (In Russian).

12. Lyakhov Yu.A. The Constitutional Principle of the Adversarial System of Criminal Justice and Individual Rights. *Russian Justice*, 2014, no. 3, pp. 57–59. (In Russian).

13. Vilkova T.Yu. Principles of Criminal Proceedings in the System of Principles of National Law: General Legal and Interdisciplinary Aspects. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2018. 192 p.

14. Soloviev S.A. Institutional and Procedural Law Inadmissibility of Classifying an Investigator as a Party in Criminal Proceedings in Russia. *State and Law*, 2025, no. 4, pp. 108–116. (In Russian).

15. Portseva O.B. Jurisdiction of Criminal Cases. *Cand. Diss. Thesis*. Izhevsk, 2004. 23 p.

16. Nekrasov S.V. Trial Stages and Special Proceedings in Russian Criminal Procedure. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 176 p.

17. Bekhalo S.V. Jurisdiction in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2024. 246 p.

18. Dikarev I.S., Davydova M.L. Legal Relations in Criminal Proceedings: Controversial Issues of Structure and Content. *Pravovedenie*, 2024, no. 68 (3), pp. 360–372. (In Russian).

19. Dikarev I.S. Designation of Preliminary Investigation in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 75–88. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, доцент, директор Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 07.07.2026; принята к публикации 07.07.2026. The article was submitted 24.06.2026; approved after reviewing 07.07.2026; accepted for publication 07.07.2026.

ЛАЗАРЕВА Валентина Александровна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
v.a.lazareva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

LAZAREVA Valentina Aleksandrovna
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

ИСТИНА¹ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

TRUTH AND ADVERSARIALISM IN CRIMINAL PROCEEDINGS: INTEGRATION CHALLENGES

Аннотация. Совместимость принципа состязательности уголовного судопроизводства с целью установления объективной истины является предметом постоянной научной дискуссии и причиной противоречивости актуального уголовно-процессуального законодательства. Попытка разрешения этих противоречий на основе теории интеграции публичности и состязательности уголовного процесса, разработанной в докторской диссертации Н.В. Ткачевой, являясь новым словом в науке, не могла не привлечь внимания. Цель: доказать, что состязательность уголовного судопроизводства не является препятствием установлению истины, не состоит с ней в дихотомическом противоречии, а представляет собой основной процедурный механизм ее установления путем столкновения противоположных позиций, взаимной критики доводов и возможности проверки аргументов независимым от сторон объективным и беспристрастным судом. Состязательность обеспечивает более надежное установление обстоятельств преступления по сравнению с односторонним собиранием и исследованием сведений о нем при условии рассмотрения уголовного процесса как совокупности двух взаимосвязанных, но самостоятельных производств – досудебного и судебного. Методология исследования опирается на диалектическое понимание истины как соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела и концептуальные основы теории юридического процесса. В качестве методологической рамки исследования используется логико-доказательственный подход: уголовно-процессуальное доказывание понимается как логическое обоснова-

Abstract. The compatibility of the adversarial principle in criminal proceedings with the goal of establishing objective truth remains a subject of ongoing scholarly debate and a source of contradictions within current criminal procedure legislation. The attempt to resolve these contradictions based on the theory of integrating the public interest and adversarial principles in criminal procedure, developed in N.V. Tkacheva's doctoral thesis, represents a novel contribution to legal scholarship and has inevitably attracted significant attention. Purpose: to prove that the adversarial nature of criminal proceedings does not hinder the ascertainment of truth, nor does it stand in a dichotomous contradiction with it; rather, it represents the primary procedural mechanism for its determination through the clash of opposing positions, mutual criticism of arguments, and possibility of verifying claims by an independent, objective, and impartial court. Adversarial proceedings ensure a more reliable establishment of the circumstances of a crime compared to the one-sided collection and examination of evidence, provided that criminal justice is viewed as the totality of two interconnected but independent stages – pre-trial and trial. The research methodology relies on a dialectical understanding of truth as the correspondence of court findings to the factual circumstances of the case, as well as the conceptual foundations of legal process theory. A logical-argumentative approach is employed as the methodological framework: criminal procedural proof is understood as the logical substantiation of the thesis of guilt or innocence. The adversarial procedure is interpreted as a mechanism for ensuring the completeness and critical examination of arguments: the mutual refutation of the parties' claims enhances the reliability of the final conclusion and thus serves as a means of achieving truth. The formal-legal method revealed the normative content of requirements for evidence and adversarial procedures. Through the systemic approach, it is shown how norms on the admissibility

© Лазарева В.А., 2026

1 В контексте данной статьи термин «истина» используется не как абсолютное соответствие выводов суда действительности, что невозможно, а как достижение такой степени доказанности, которая позволяет суду обоснованно принять решение на основе непосредственно исследованных в судебном заседании доказательств.

ние тезиса о виновности (невиновности). Составительная процедура трактуется как механизм обеспечения полноты и критичности проверки аргументов: взаимное опровержение доводов сторон повышает надежность итогового вывода и тем самым служит средством достижения истины. Формально-юридический метод позволил раскрыть нормативное содержание требований к доказательствам и состязательным процедурам. С использованием системного метода показано, как нормы о допустимости и всесторонней проверке доказательств образуют единую систему гарантий достоверности результата, а использование логико-аналитического метода позволило рассмотреть состязательное столкновение позиций как средство повышения надежности итоговых выводов суда. В результате исследования обосновано, что состязательность не противоречит цели установления истины, а является ее основным процедурным механизмом. Составительная модель судопроизводства повышает вероятность установления истины за счет механизмов проверки и опровержения, хотя и не гарантирует ее автоматически.

Ключевые слова: уголовный процесс, юридический процесс, уголовное судопроизводство, досудебное производство, независимость суда, равноправие сторон, состязательность, истина, публичность

Для цитирования: Лазарева В.А. Истина и состязательность в уголовном процессе: проблемы интеграции / В.А. Лазарева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 82–90.

and comprehensive verification of evidence form a unified system of guarantees for the reliability of the outcome, while the logical-analytical method allows for considering the adversarial clash of positions as a means of increasing the validity of the court's final conclusions. The study substantiates that adversarialism does not conflict with the goal of establishing truth; rather, it serves as its primary procedural mechanism. The adversarial model of legal proceedings increases the probability of truth-finding through mechanisms of verification and refutation, although it does not automatically guarantee it.

Keywords: criminal procedure, legal process, criminal proceedings, pre-trial proceedings, judicial independence, equality of arms, adversarialism, truth, public interest principle

For citation: Lazareva V.A. Truth and Adversarialism in Criminal Proceedings: Integration Challenges. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 82–90. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.10.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации переживает очередной кризис, причиной которого является систематическое колебание между двумя направлениями его развития: стремлением к установлению истины как цели уголовно-процессуальной деятельности и состязательностью как конституционным принципом осуществления правосудия. Теория уголовного процесса традиционно противопоставляет истину и состязательность как несовместимые правовые категории, характеризующие разные типы уголовно-процессуальной деятельности на различных этапах ее развития [1; 2]. Принято считать, что УПК РСФСР 1960 г. базировался на концепции объективной истины, а УПК РФ воплотил в себе идею состязательного судопроизводства [3],

активно развиваемую на основе решений Конституционного Суда. Обе концепции оказались востребованными в науке, что отразилось на противоречивом развитии уголовно-процессуального законодательства. Составительное начало уголовного процесса допускает в определенных пределах свободу субъектов в распоряжении своими процессуальными правами, в том числе в форме полного или частичного отказа от их реализации, таких, например, как особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК), производство дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК), прекращение уголовного дела и уголовного преследования с назначением судебного штрафа (гл. 51.1 УПК), прекращение уголовного преследования в связи с призывом

на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 28.1 УПК). Во всех этих процедурах принятие итогового процессуального решения обусловлено определенным соглашением участвующих сторон, не предполагающим безусловной доказанности обвинения, которую можно было бы рассматривать как основание истины. Однако, расширяя диспозитивные возможности сторон, закон в то же время сохраняет и усиливает гарантии установления истины, в частности обязывает суд возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению (ст. 237 УПК), что указывает на сохраняющееся стремление к полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств преступления, которое воплощает в себе требование установления истины, особенно после ряда внесенных в УПК РФ изменений, расширивших перечень препятствий к рассмотрению дела. Поэтому в научных исследованиях вновь и вновь возникает вопрос о возможности совмещения в уголовном процессе истины и состязательности [4; 5].

Ярким словом в указанном научном направлении и поводом к настоящему исследованию стала докторская диссертация Натальи Викторовны Ткачевой «Интеграционная модель производства по рассмотрению и разрешению по существу уголовных дел в суде первой инстанции» [6], содержащая неоднозначные суждения о взаимодействии розыскного и состязательных начал уголовного процесса.

Основная проблема уголовно-процессуального права

Суть научной концепции, представленной в диссертации Н.В. Ткачевой, заключается в обосновании такой модели производства по уголовному делу в суде первой инстанции или уголовного судопроизводства в подлинном (узком) смысле этого словосочетания, которая была бы способна преодолеть непродуктивную, как отмечается, дихотомию «инквизиционность – состязательность» и

обеспечить переход от конфликта принципов публичности и состязательности к их диалектическому единству и процессуальному балансу. Удалось ли решить эту задачу? На наш взгляд, нет. Однако это не вина автора диссертации, это вина, а точнее, что еще хуже, ошибка авторов проекта УПК РФ, заложивших под его основание мину замедленного действия – закрепивших состязательность уголовного судопроизводства в качестве принципа всего уголовного процесса, распространивших его на досудебное производство и давших тем самым основание для противопоставления публичности и состязательности. Попробуем разобраться.

Инквизиционность (в корневом значении – розыск, сыск, расследование), если отказаться от негативного идеологического штампа, является всего лишь характеристикой деятельности [7; 8], направленной на раскрытие преступления, установление и избличение лиц, его совершивших, путем тщательного, а значит, полного и всестороннего исследования оставленных преступлением следов и объективной оценки полученных результатов. Требование ст. 20 УПК РСФСР выражало инквизиционную, то есть следственную идеологию досудебной части уголовного процесса, которая ошибочно была распространена и на его судебную часть. Вместо подчинения досудебного производства задачам судопроизводства, выраженного известной формулой «до суда и для суда» [9, с. 40], мы и в УПК РФ закрепили досудебное производство как часть судопроизводства (п. 56 ст. 5 УПК РФ), а уравняв это понятие с понятием «уголовный процесс» (п. 58 ст. 5 УПК РФ), возвысили статус следственной деятельности до уровня судебной. Однако вместо ожидаемого повышения качества следственной деятельности мы получили падение уровня принципиальной требовательности к ней со стороны деятельности судебной и, как следствие, падение уровня авторитета судей и осуществляемого ими правосудия. Попытка преодолеть ошибку единства целей и задач следственных и судебных органов, предпринятая законодателем на рубеже XX и XXI вв., оказалась неэффективной, а последующее стремление усовершенствовать УПК РФ можно оценить как последовательное движение в обратном направлении

к «инквизиционному судопроизводству» [10, с. 9]. И хотя автор этой формулы имел в виду уголовный процесс в целом, она, эта самая формула, бьет не в бровь, а в глаз. Неразделенность предварительного расследования и суда в их усиливающемся стремлении к тому, что привычно называется объективной истиной, есть не что иное, как проявление непреодоленной инквизиционной (следственной) идеологии уголовно-процессуального права советского периода.

УПК РСФСР нацеливал на правильное, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств совершенного преступления как средство познания истины в публичном процессе не только прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, но и судом (ст. 20). При этом публичность, вопреки авторитетному мнению В.А. Азарова [11], не относилась тогда и не относится сейчас к числу уголовно-процессуальных принципов, являясь категорией более высокой общности [12]. Публичность бесспорно свойственна и судебной деятельности, однако в отличие от досудебной она конкурирует здесь с диспозитивным началом [13], обеспечивающим большую свободу в выборе процессуальных действий и решений для его властных субъектов, организационно и функционально не зависящих друг от друга, и значительные процессуальные возможности для обвиняемого, защитника и других невластных участников. Судебное производство, как форма реализации публичной власти и способ достижения справедливости при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, в отличие от досудебного, предполагает не только свободу сторон распоряжаться своими правами, но и баланс их интересов, выражением которого является конституционный принцип состязательности. Это обстоятельство коренным образом меняет содержание публичности – судопроизводство является не только формой реализации государственной власти, но и средством (судебной) защиты интересов, прав и свобод обвиняемого от той же самой публичной власти, которая представлена в суде государственным органом обвинения. Состязательность не противоречит публичности, а, напротив, обеспечивает ее наилучшую реализацию. Ее главный смысл

не исчерпывается широко распространенным представлением о равноправии противоборствующих сторон (ч. 4 ст. 15 УПК), он прежде всего требует отделения судебной деятельности от деятельности обвинительной: суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты (ч. 3 ст. 15 УПК). А это значит, что на суд не могут быть возложены обязанности по изобличению обвиняемого, ему не принадлежит инициатива собирания дополнительных доказательств и он не вправе выйти за пределы того обвинения, которое составляет предмет судебного разбирательства. Любые попытки пересмотреть важнейшие характеристики справедливого судебного разбирательства под предлогом стремления к установлению истины разрушают конституционный баланс, сформированный системой принципов уголовного судопроизводства. При этом речь не идет, как может показаться, о балансе публичного и частного интересов. Признание сферой публичных интересов права обвиняемого быть судимым справедливым судом и в справедливой процедуре есть актуальная цель культурного развития общества и стабильности его правовой системы.

Первый шаг в этом направлении наш законодатель сделал, разделив уголовный процесс на досудебное и судебное производство [14], однако фактического разделения не произошло. Принципы, цели, задачи уголовного процесса, система его участников, правила доказывания, сформулированные как общие для процессуальных производств, создают иллюзию единства уголовно-процессуальной деятельности, хотя она осуществляется органами различных ветвей государственной власти, выполняющими не просто разные, а несовместимые друг с другом функции в различающихся процедурных формах и условиях. Как отмечала И.Б. Михайловская, принципы уголовного процесса всегда будут неким ориентиром в выборе средств достижения желаемой цели, но формы их действия на разных стадиях испытывают на себе влияние частной задачи, стоящей перед конкретной стадией [15].

Методологическая ошибка непонимания принципиальных различий сущности, целей и задач досудебного и судебного произ-

водств приводит к некритическому переносу характеристики одного вида деятельности на другой и поиску путей преодоления возникающих вследствие этого переноса непреодолимых противоречий, восприятию уголовно-процессуального права как механизма реализации «социальной потребности в защите от преступности» [16, с. 133]. Но таких путей не существует, указанное противоречие не может быть преодолено в рамках действующей в Российской Федерации модели уголовного процесса. Решение этой задачи возможно лишь применительно к каждому из двух отделенных друг от друга этапов уголовно-процессуальной деятельности по принципу «богу – богово, а кесарю – кесарево».

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК СОВОКУПНОСТЬ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ

Поскольку органы расследования и судебные органы принадлежат разным ветвям власти – исполнительной и судебной [17], ни одна из которых не должна заходить на чужое поле и каждая должна нести ответственность за свои результаты, ошибки досудебного производства могут и должны быть исправлены самим органом досудебного производства и в ходе досудебного производства, для чего действующий закон предоставляет достаточно возможностей. Следовательно вправе производить любые следственные действия, формулировать обвинение и определять его объем, юридическую квалификацию, учитывая позиции участников уголовного процесса, имеющих право знакомиться с материалами расследования, указания руководителя следственного органа и прокурора, вплоть до направления уголовного дела в суд. Однако, утвердив обвинительное заключение, равно как и обвинительный акт, постановление, прокурор фиксирует объем претензий государства к обвиняемому и определяет не только предмет, но и пределы судебного разбирательства. Поворот к худшему после принятия судом дела к своему производству невозможен: закон, предоставивший обвинительной власти достаточные полномочия, средства и время для формулирования и обоснования обвинения, обязан предоставить соответствующие гарантии и обвиняемому. До принятия

судом уголовного дела к своему производству (а предварительное слушание должно быть обязательным элементом этой процедуры) прокурор, как представляется, имеет право «забрать дело на доработку». Допуская возможность появления обстоятельств, свидетельствующих о совершении более тяжкого преступления, например, в случае смерти потерпевшего после направления дела в суд, можно обсудить перспективу приостановления судебного производства до окончания расследования новых обстоятельств, предъявления нового обвинения с последующим принятием решения о соединении материалов уголовных дел. Однако в рамках действующих уголовно-процессуальных правил принявший дело к своему производству суд правомочен рассматривать его лишь в пределах предъявленного обвинения, на что однозначно и недвусмысленно указывает ст. 252 УПК РФ и чему не соответствует утверждение Н.В. Ткачевой, что «активность суда – это не произвол, а ценностно-обусловленное усмотрение, направленное на обеспечение примата субстантивной справедливости над формальной состязательностью в случаях их системного противоречия» [6, с. 267], «не нарушение состязательности, а восстановление ценностной иерархии, где гарантия правосудия по существу стоит выше формального разделения функций» [6, с. 275]. Это самое «формальное» разделение функций на самом деле и является важнейшей гарантией справедливого правосудия. Не случайно половина опрошенных Н.В. Ткачевой прокуроров и адвокатов не поддерживают идею расширения пределов судейской активности.

В основе приведенных ошибочных, на наш взгляд, утверждений, как представляется, лежит неправомерное противопоставление инквизиционности уголовного процесса его же состязательности, которые не образуют дихотомическую пару, поскольку характеризуют **разные виды** уголовно-процессуальной деятельности. Это обстоятельство действительно не учтено в достаточной мере нашим законодателем, игнорирующим очевидное: расследование преступления и судебное рассмотрение дела о преступлении – разные, самостоятельные и непарные виды деятельности, разные юридические процессы [18; 19], опирающиеся в своем развитии на разные

парадигмы как совокупности теоретических установок, методов и стандартов [20]. Следуя этим путем и используя примененную Н.В. Ткачевой терминологию, позволительно говорить о дихотомии, то есть непримиримом противоречии обязанности суда устранять под предлогом публичности ошибки обвинения и адресованном ему же требовании сохранять при рассмотрении дела объективность и беспристрастность. Одно с другим в состязательном процессе действительно несовместимо, так как, устраняя ошибки стороны обвинения, суд помогает прокурору доказать обвинение, а значит, утрачивает объективность и беспристрастность. Фактически именно Н.В. Ткачева и воссоздает в своей конструкции упомянутую выше «непродуктивную дихотомию», рассматривая суд как орган, обязанный преодолевать «доказательственные дефициты» путем самостоятельной инициативы в поиске новых доказательств и использования их в том числе для изменения юридической оценки обвинения в сторону ее ухудшения для обвиняемого как непосредственно в суде, так и путем применения ст. 237 УПК РФ [6, с. 279]. Использование автором термина «устранение доказательственных дефицитов» направлено на создание иллюзии нейтральной деятельности суда. Однако на практике дефицит доказательств обвинения – это не что иное, как неполнота предварительного расследования, фактически недоказанность обвинения, которую законодатель сознательно и совершенно обоснованно еще в 2001 г. исключил из перечня оснований для возвращения уголовного дела прокурору. Замена термина «неполнота» на «дефицит» не меняет сути – в новой терминологической интерпретации суду предлагается выполнять функцию, которая законом возложена на органы предварительного расследования. При этом игнорируется включенное в содержание нормативной формулы принципа состязательности прямое требование закона: суд не является органом уголовного преследования, он не выступает на стороне обвинения или защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Здесь, как говорится, ни прибавить, ни убавить, ни понять волю законодателя как-то иначе невозможно. Sapienti sat.

Публичность уголовного процесса и состязательность судебного разбирательства не противоречат друг другу: судебная защита прав обвиняемого, как более слабой стороны² в этом процессе, соответствует назначению уголовного процесса, охватывается его целями и задачами. Процедура, не обеспечивающая полноценную защиту обвиняемого, не является ни справедливой, ни законной в высоком значении этого слова, а публичность – не принцип уголовного процесса, не одно из общих условий уголовно-процессуальной деятельности, а объективная характеристика рассматриваемой сферы функционирования публичной же государственной власти, реализуемой в системе уголовно-процессуальных принципов. При этом уголовный процесс, представляемый как монолитная конструкция, организованная на основе единой системы принципов, на самом деле таковым не является. Каждая из двух его частей – досудебное производство и судебное производство – обладает специфичным содержанием и соответствующей ему формой, собственными основаниями и задачами, то есть такой совокупностью характеристик, которая позволяет отнести ее к самостоятельному виду юридического процесса. Уголовный процесс, таким образом, состоит из двух связанных между собой, но самостоятельных видов деятельности, двух уголовно-процессуальных производств, двух юридических процессов, что не мешает им подчиняться общим принципам, тем более что эти принципы имеют конституционный статус и в воспроизведении на отраслевом уровне не нуждаются. Пожалуй, именно этот вопрос и является краеугольным, определяющим пути и возможности преодоления противоречивости правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, а следовательно, и его совершенствования.

Принципиальное различие двух юридических процессов – инквизиционного (следственного) и состязательного (судебного) – делает невозможным функционирование их в рамках предложенной Н.В. Ткачевой интегративной модели, в которой арбитражная, как автор ее называет, функция суда сосед-

² Трудно удержаться от замечания, но если суд должен помогать прокурору устранять доказательственные дефициты, не означает ли это, что именно прокурор рассматривается Н.В. Ткачевой в качестве слабой стороны?

ствует с его обязанностью устранять дефицит обвинительных доказательств, восполняя пробелы в доказанности обстоятельств преступления. Инквизиционность и состязательность – не принципы уголовного процесса, а существенные характеристики, определяющие форму и содержание досудебного и судебного производств как последовательно сменяющих друг друга различных видов уголовно-процессуальной деятельности. Ни одна, ни другая сами по себе не гарантируют полного и правильного установления обстоятельств преступления, но, дополняя и усиливая друг друга в постоянном взаимодействии, инквизиционное и состязательное начала обеспечивают полноту, всесторонность и объективность выявления и исследования подлежащих доказыванию обстоятельств, а значит и справедливость итогового решения.

Непоследовательность и недостаточная четкость правового регулирования, порождающая дискуссионность предписаний уголовно-процессуального закона, является в то же время следствием этой дискуссионности. Обращаясь к уголовно-процессуальному закону, мы видим два неодинаковых подхода даже к определению его базовых положений, то есть принципов. В отличие от действующего закона УПК РСФСР 1960 г. не выделял в отдельную главу правила, которые принято было считать принципами уголовного процесса. Законодатель разместил их тогда в одном ряду с задачами уголовного судопроизводства (ст. 2), обстоятельствами, исключающими производство по уголовному делу (ст. 5), основаниями и порядком прекращения уголовных дел (ст. 6–9), понятием частного определения (ст. 21.2) и многими другими, достаточно общими, но явно не принципиального характера правилами. Вследствие этого система принципов в значительной мере формировалась теоретиками, имеющими, что естественно, различные предпочтения, которые не могли не сказаться на некоторой противоречивости и нового Уголовно-процессуального кодекса. Однако в нем, в УПК 2001 г., четко и недвусмысленно зафиксирован главный итог реформы уголовного судопроизводства, позволяющий преодолевать отдельные неточности правового регулирования. Норма, возлагающая на суд обязанность принять все предусмо-

тренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства в той же мере, что на следователя и прокурора (ст. 20 УПК РСФСР), не была воспринята Кодексом 2001 г. Возложив обязанность доказывания уличающих обвиняемого обстоятельств и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, на органы уголовного преследования (ст. 14), законодатель предопределил перспективы развития и совершенствования уголовно-процессуального права, снял лейбл дискуссионности с вопросов о том, является ли обязанность суда полно, объективно и всесторонне исследовать обстоятельства уголовного дела обязанностью установить истину, совпадает ли эта обязанность с обязанностью доказывания, на кого она должна быть возложена и совместима ли с состязательностью уголовного судопроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная проблема российского уголовно-процессуального права, как представляется, обусловлена ошибочной интерпретацией концепции смешанного типа уголовного процесса, объединяющей досудебное и судебное производство в единое целое и отождествляющей вопреки логике понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Рассматривая уголовный процесс как последовательность двух самостоятельных, но взаимосвязанных юридических процессов [21], можно говорить о концептуальных ошибках законодателя, игнорирующего существенные особенности правоохранительного досудебного производства и юрисдикционного судебного процесса.

Принципиальные различия в содержании, форме и целях деятельности органов расследования и суда требуют организационной, функциональной и юридической самостоятельности расследования и судопроизводства. Уголовный процесс не является цельной, монолитной конструкцией. Каждая из двух его частей обладает специфичным содержанием и формой деятельности, собственным субъектным составом, основаниями и целями, совокупность которых позволяет считать их отдельными производствами. Именно такая организация уголов-

но-процессуальной деятельности наилучшим образом позволяет реализовать свойственную российской ментальности потребность в справедливости и достижении истины.

Состязательность уголовного судопроизводства не противоречит общей цели уголовного процесса, состоящей в установлении истины, а является основным процедурным механизмом достижения этой цели за счет механизмов проверки и опровержения сторонами судебного разбирательства аргументов противоположной стороны в условиях объективно мыслящего суда, не вовлеченно-

го сторонами в реализацию своих намерений. Состязательность является механизмом установления истины не потому, что суд обязан активно восполнять пробелы в доказывании, а потому, что именно в состязательной процедуре обеспечивается максимальная критичность и проверяемость доводов сторон. Суд, оставаясь беспристрастным арбитром, гарантирует, что итоговый вывод основан не на материалах предварительного расследования, а на доказательствах, которые были надлежащим образом исследованы и проверены в судебном заседании.

Список источников

1. Печников Г.А. О несовместимости самодостаточной состязательности с объективной истиной в состязательном УПК РФ / Г.А. Печников // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 57–62.
2. Резник Г. Защитник 80-го уровня / Г. Резник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2021. – 255 с. – (Адвокатские тайны).
3. Еникеев З.Д. Проблемы истины в свете принципа состязательности уголовного процесса / З.Д. Еникеев // Российский юридический журнал. – 2003. – № 3 (39). – С. 14–17.
4. Ланг П.П. Диалектика принципа состязательности: от правового противоборства к достижению объективной истины / П.П. Ланг // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 11. – С. 523–525.
5. Грачев С.А. Возвращение принципа объективной истины как отказ от состязательности уголовного судопроизводства / С.А. Грачев, А.Ю. Ушаков // Четвертые Бабаевские чтения «Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 291–300.
6. Ткачева Н.В. Интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Н.В. Ткачева. – Челябинск, 2026. – 513 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_tkachevoy_nv.pdf (дата обращения: 15.07.2026).
7. Конев А.Н. Следственная (инквизиционная) идеология в современном уголовном процессе: проблема имени / А.Н. Конев // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 8–12.
8. Тарасов А.А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 64–71.

REFERENCES

1. Pechnikov G.A. On the Incompatibility of Self-sufficient Adversarialism with Objective Truth in the Adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Lobbying in the Legislative Process*, 2024, vol. 3, no. 1. pp. 57–62. (In Russian).
2. Reznik G. 80th Level Defender. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2021. 255 p.
3. Enikeev Z.D. Problems of Truth in Light of the Principle of Adversarial Proceedings. *Russian Law Journal*, 2003, no. 3 (39), pp. 14–17. (In Russian).
4. Lang P.P. The Dialectic of the Principle of Competition: From the Legal Struggle to Achieve Objective Truth. *Law and State: Theory and Practice*, 2025, no. 11, pp. 523–525. (In Russian).
5. Grachev S.A., Ushakov A.Yu. The Return of the Principle of Objective Truth as a Refusal of the Adversarial Nature of Criminal Proceedings. *The Fourth Babaev Readings "State-Legal Laws: Theory, Practice, Technique". Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 23–24, 2013*. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2013, vol. 1, pp. 291–300. (In Russian).
6. Tkacheva N.V. An Integrative Model of Proceedings for the Consideration and Resolution of Criminal Cases on the Merits in the Court of First Instance. *Doct. Diss. Chelyabinsk*, 2026. 513 p. Available at: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_tkachevoy_nv.pdf.
7. Konev A.N. The Investigative (Inquisitorial) Ideology in Modern Criminal Proceedings: The Name Problem. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 8–12. (In Russian).
8. Tarasov A.A. Russian Criminal Procedure: Both Inquisition and Adversary. *Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 64–71. (In Russian).
9. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 560 p.
10. Tomin V.T. Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice. Moscow, Yurait Publ., 2009. 376 p.

9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – Т. 2. – 560 с.
10. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. – Москва : Юрайт, 2009. – 376 с.
11. Азаров В.А. Возвращение к истокам – главный тренд укрепления национальной идентичности уголовного процесса России / В.А. Азаров // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 8–17.
12. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. – 420 с.
13. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 555 с.
14. Манова Н.С. Досудебное и судебное производства: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н.С. Манова ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2003. – 228 с.
15. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. – Москва, 2003. – 212 с.
16. Победкин А.В. Публичность уголовного судопроизводства и ее отражение в доказательственном праве / А.В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 132–138.
17. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика : монография / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА: ИНФРА-М, 2010. – 238 с.
18. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Павлушина. – Самара, 2005. – 459 с.
19. Солдатова О.Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.Е. Солдатова. – Барнаул, 2014. – 181 с.
20. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И.З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с.
21. Вершинина С.И. Уголовный процесс России: концептуальные ошибки и способы их преодоления / С.И. Вершинина, В.А. Лазарева // Государство и право. – 2026. – № 3. – С. 137–150.
11. Azarov V.A. Returning to the Origins: A Key Trend in Strengthening the National Identity of Russia's Criminal Process. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 8–17. (In Russian).
12. Barabash A.S. Public Principle of Russian Criminal Procedure. Saint Petersburg: Juridical Center Press Publ., 2009. 420 p.
13. Maslennikova L.N. Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss.* Moscow, 2000. 555 p.
14. Manova N.S.; Kornukov V.M. (ed.). Pre-trial and Trial Proceedings: Essence and Problems of Differentiation of Procedural Forms. Saratov State Academy of Law Publ., 2003. 228 p.
15. Mikhailovskaya I.B. Objectives, Functions, and Principles of Russian Criminal Procedure (Criminal Procedure Form). Moscow, 2003. 212 p.
16. Pobedkin A.V. Publicity of the Criminal Proceedings and Its Reflection in the Evidentiary Law. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 4 (48), pp. 132–138. (In Russian).
17. Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. 2nd ed. Moscow, NORMA: INFRA-M Publ., 2010. 238 p.
18. Pavlushina A.A. Theory of Legal Procedure: Problems and Development Prospects. *Doct. Diss.* Samara, 2005. 459 p.
19. Soldatova O.E. Legal Procedure (Theoretical and Legal Aspect). *Cand. Diss.* Barnaul, 2014. 181 p.
20. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.
21. Vershinina S.I., Lazareva V.A. Russian Criminal Process: Conceptual Mistakes and How to Overcome Them. *State and Law*, 2026, no. 3, pp. 137–150. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Валентина Александровна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazareva Valentina Aleksandrovna – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute.

Статья поступила в редакцию 10.08.2026; одобрена после рецензирования 23.08.2026; принята к публикации 23.08.2026. The article was submitted 10.08.2026; approved after reviewing 23.08.2026; accepted for publication 23.08.2026.

Научная статья
УДК 343.98.067
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.11

Original article

ПОДОЛЬНЫЙ Николай Александрович
Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Россия, Казань,
ipk-saransk@yandex.ru

PODOLNYI Nikolai Aleksandrovich
Kazan Institute (Branch) of the All-Russian
State University of Justice,
Russia, Kazan

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

PROSPECTS FOR PRELIMINARY INVESTIGATION AS AN EVALUATIVE CATEGORY
CHARACTERIZING THE INVESTIGATOR'S CRIME DETECTION ACTIVITY

Аннотация. Вопрос о перспективах расследования конкретного противоправного события включает в себя комплекс задач, которые следователь должен решить в неотложном порядке еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Среди них: выявление данных, указывающих на наличие признаков преступления; установление обстоятельств совершенного деяния, причастности к нему соответствующих лиц. Знание перспективы расследования позволяет определить как общую стратегию в познании события преступления, так и тактику отдельных процессуальных действий. От знания перспективы зависит качество плана расследования, а потому и качество полученных следователем результатов всего процесса доказывания. Цель положенного в основу данной статьи исследования состоит в формировании методологического подхода к процессу расследования преступлений как к диалектически последовательной череде выполняемых действий по установлению истины. Методологическую основу исследования составили методы общенаучного и специального (криминалистического) познания. К первым относятся диалектический материализм (задал понимание расследования как процесса разрешения познавательных противоречий), научная систематизация (выступила средством группировки факторов, влияющих на ход следствия), синтез и анализ, дедукция и индукция (позволили разложить следственную практику на компоненты, выявить причинно-следственные связи и построить логику движения от обнаружения признаков преступления к формированию обвинения). Ко вторым – моделирование криминальных ситуаций (послужило базой для разработки про-

Abstract. The issue of prospects for investigating a specific unlawful event involves a complex set of tasks that an investigator must address on an urgent basis, even before a decision is made to initiate criminal proceedings. These include: identifying information indicating elements of a crime; establishing the circumstances of the committed act; and determining the involvement of relevant persons. Knowledge of investigation prospects allows for the determination of both the general strategy for understanding a criminal event and the tactics of individual procedural actions. The quality of the investigation plan, and consequently the quality of the results obtained by the investigator throughout the entire evidentiary process, depends on this knowledge. The purpose of the research presented in this article is to develop a methodological approach to the criminal investigation process as a dialectically consistent sequence of actions aimed at establishing the truth. The methodological framework of the study is based on general scientific and specialized (criminalistic) methods. The former include dialectical materialism (which provided an understanding of criminal investigation as a process of resolving cognitive contradictions), scientific systematization (used as a means of grouping factors influencing the course of an investigation), as well as analysis and synthesis, deduction and induction (which allowed for the decomposition of investigative practice into components, the identification of causal relationships, and the construction of a logical progression from the detection of evidence of a crime to the formulation of charges). The latter include modeling of criminal situations (which served as a basis for developing a predictive model of investigation prospects), criminalistic situational analysis (used to determine

гностической модели перспективности расследования), криминалистическая ситуалогия (для выбора оптимальной последовательности следственных действий), системно-деятельностный подход (предопределил рассмотрение расследования как коллективной управленческой функции, направленной на оптимизацию процессуальных решений). Результаты: сформулировано определение термина «перспективы расследования» и установлена взаимосвязь этого понятия с основными категориями криминалистики; рассмотрены связи «перспективы расследования» с проведением расследования, его планированием, тактикой и прогнозированием.

Ключевые слова: перспектива расследования, прогнозирование расследования, тактика расследования, оценка доказательств, оптимизация расследования, возбуждение уголовного дела, противодействие расследованию, следственные действия

Для цитирования: Подольный Н.А. Перспективы предварительного расследования – оценочная категория, характеризующая деятельность следователя по раскрытию преступления / Н.А. Подольный. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 91–98.

the optimal sequence of investigative actions), and the system-activity approach (which predetermined the conceptualization of investigation as a collective managerial function aimed at optimizing procedural decisions). Results: the study formulates a definition of the term “investigation prospects” and establishes its relationship with fundamental categories of criminalistics; it also examines connections between “investigation prospects” and the conduct of criminal investigation, its planning, tactics, and forecasting.

Keywords: investigation prospects, investigation forecasting, investigative tactics, evaluation of evidence, investigation optimization, initiation of criminal proceedings, obstruction of justice, investigative actions

For citation: Podolnyi N.A. Prospects for Preliminary Investigation as an Evaluative Category Characterizing the Investigator's Crime Detection Activity. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 91–98. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.11.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о перспективах расследования возникает у следователя уже при возбуждении уголовного дела. За ним усматривается стремление следователя определить, насколько его деятельность будет успешной, то есть сможет ли он собрать необходимые доказательства для подтверждения факта преступления и привлечения к ответственности конкретного лица. Следователь хочет заранее увидеть, как будет развиваться процесс доказывания, чтобы понять, получится ли собрать нужное количество надежных доказательств, на основе которых суд сможет вынести обвинительный вердикт. Ему важно знать, что может помешать решению этой задачи, то есть установлению фактов преступления и виновности конкретных лиц. От знания перспективы во многом зависит результат предстоящего расследования, ибо, ориентируясь на него, следователь решает, какие усилия ему нужно приложить, какие шаги обеспечат достижение результата, способного положительно повлиять на процесс доказывания. Перспектива расследования – это не только прогноз бли-

жайшего будущего, но и воздействие на него с целью торжества справедливости в уголовном судопроизводстве по каждому конкретному уголовному делу.

В момент возбуждения дела следователя интересует не только вопрос о наличии или отсутствии состава преступления, но и целый комплекс иных фактов, относящихся к совершенному деянию. Его интересуют модус и *modus operandi* преступного деяния, личностные характеристики виновного, действия потерпевшего. Данные обстоятельства значимы для гарантии полноты и объективности расследования. Однако их ценность не ограничивается этим. Они не менее важны для познания и доказывания, от которого зависит справедливость процессуальных решений. К значимым для расследования обстоятельствам относятся также те из них, которые могут повлиять на установление соответствующего события: саботаж отдельных лиц установлению истины; наличие объективно существующих факторов воздействия на реальность, что может исказить общую картину совершенного. Данные обстоятельства, не являясь прямым следствием противоправного деяния, могут

значительно затруднить установление следователем событий. Осведомленность о них дает возможность понять вероятные препятствия для следователя в процессе расследования.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

Значение перспективы расследования не только гносеологическое (установление истины об имевшем место деянии и причастности к нему соответствующих лиц) – понимание ее позволяет эффективно защищать лиц, чьи права, свободы и законные интересы нарушены, представить вероятный объем причиненного вреда и принять меры для обеспечения его компенсации (возмещения). Кроме того, следователь вправе действовать превентивно в отношении лиц, чьи права могут быть ущемлены в результате фальсификации доказательств или иных противоправных действий. Уже на стадии возбуждения дела он может располагать сведениями, позволяющими сделать обоснованное предположение о возможном поведении заинтересованных лиц [1]. Кроме того, перспектива позволяет отличать ложные сведения от сведений, отражающих реальность совершенного деяния, что дает возможность принимать тактически и стратегически обоснованные решения о векторе расследования.

Следователя всегда интересует судебная перспектива, то есть возможность выявления и приобщения к материалам уголовного дела такого количества доказательств, которое позволит стороне обвинения обосновать в суде причастность конкретного лица к совершению преступления, на основании чего суд сможет вынести справедливый обвинительный приговор. Судебная перспектива – видимость (прогноз) хода правосудия (не только предварительного расследования) по конкретному уголовному делу, позволяющая следователю определить направление своей деятельности, а также средства, которые он вправе использовать, объем и интенсивность деятельности следователя и иных лиц, от которых зависит качество осуществления уголовного правосудия по конкретному уголовному делу. Ориентируясь на нее, следователь определяет круг действий, посредством которых он сможет

установить факты произошедшего события, выстраивает тактику следственных действий, выбирая те, которые помогут решить задачи, возникающие в процессе расследования.

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАТЕГОРИИ «ПЕРСПЕКТИВА РАССЛЕДОВАНИЯ»

Перспектива расследования – это прогноз следователя о ходе расследования, предсказание того, с какими трудностями он столкнется, как могут измениться обстоятельства его деятельности, направленной на установление истины. Перспективу можно рассматривать как итог прогноза, а прогноз – это и процесс, и результат этого процесса [2]. На основе прогноза (результата) оценивается вероятность того, насколько ожидаемые итоги процесса доказывания соответствуют представлениям следователя. Если прогноз положительный, то есть указывает на перспективу получения достаточного количества доказательств о совершении преступления и причастности к нему лица, тогда делается вывод, что расследование перспективно в плане вынесения судом обвинительного приговора. То есть перспектива расследования – это не сам результат интеллектуальной поисковой деятельности (содержание прогнозирования), а следствие оценки полученного результата этой деятельности. Перспектива расследования представляет собой оценочную деятельность, позволяющую соотнести прогноз с ожиданиями от проводимого расследования. Судебная перспектива – это вероятностная оценка, основанная на результатах предварительного расследования, о возможности суда вынести в результате соблюдения всей процессуальной процедуры обоснованный имеющимися доказательствами обвинительный приговор.

Ни перспектива судебная, ни перспектива расследования, ни прогнозирование расследования законодательно не закреплены. В этом нет необходимости, так как они относятся к сфере следственного познания и не затрагивают напрямую чьи-либо права или законные интересы. Данные категории – отражение интеллектуальной деятельности следователя, направленной на установление обстоятельств соответствующего события и применение необходимых для этого средств. Они отражают

поисковую деятельность следователя, направленную на осмысление логики совершенного преступления, логику действия различных факторов, с которыми следователь может столкнуться при расследовании и сделать из этого выводы, позволяющие оптимизировать выделение доказательств, устанавливающих факт совершения преступления и убедительно доказывающих это. Предвидение судебной перспективы позволяет следователю определить тактику и стратегию своей деятельности, задачи, которые должны быть решены, оценить перспективу достижения значимых для расследования обстоятельств дела, позволяющих реконструировать картину имевшего место деяния. Вся эта деятельность не может быть нормативно регламентирована, ибо невозможно регламентировать мышление. Тем более что такого рода регламентация есть установление рамок и ограничений для интеллектуальной деятельности, а это препятствие творческому решению встающих перед расследованием задач. Установление стандартов, стереотипов мышления создает барьеры восприятия той реальности, которая создана совершением конкретных преступных действий.

В теории криминалистики судебная перспектива и перспектива расследования не выделяются в самостоятельные категории, несмотря на то что сама практика расследования показывает: следователь всегда ставит перед собой вопрос о судебной перспективе и перспективе расследования. Для практики это ценно – позволяет максимально оптимизировать проводимое расследование и избегать действий, которые не способны дать значимого для принятия процессуальных решений результата. Вопрос о судебной перспективе перед следователем возникает при возбуждении уголовного дела, когда на основании оценки имеющихся данных он формулирует и проверяет версии о наличии либо отсутствии события преступления. Решение этого вопроса есть результат анализа данных, из которых делается вывод об обстоятельствах совершения соответствующего деяния.

В ходе расследования перед следователем встают вопросы и относительно перспектив производства тех или иных следственных и прочих процессуальных действий. При этом еще до проведения следственных действий

следователь всегда пытается определить, на какие результаты он может рассчитывать. Если же он убеждается, что перспектив получения ожидаемых результатов нет, то отказывается от проведения данных следственных действий. Приоритет отдается следственным действиям, обладающим наибольшей перспективой (то есть способным обеспечить получение доказательств), а также перспективой которых является получение данных, содержащих ранее неизвестную информацию. Перспектива следственных действий значима для следователя, так как дает ему возможность выбрать из всех возможных наиболее важные и поэтому требующие его внимания и сил. Зная перспективу, он может не проводить некоторые следственные действия (как избыточные) и уделить больше времени на проведение тех, которые могут представлять ценность для правосудия по конкретному уголовному делу.

ВЗГЛЯД НА ПЕРСПЕКТИВУ РАССЛЕДОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СВОБОДНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Как известно, в России процесс доказывания не носит формального характера [3]. В нем нет «сильных» и «слабых» доказательств, отсутствуют количественные критерии, на основании которых следователь, суд могли бы определить, сколько доказательств необходимо собрать для обоснования того или иного события и вины конкретного лица в его совершении [4]. Основным принципом оценки доказательств является свобода их оценки (свободная оценка доказательств), то есть оценка доказательств по внутреннему убеждению субъекта доказывания, которое складывается на основе анализа уже полученных доказательств, при этом определяющим фактором для оценки должна являться совесть того, кто дает оценку [5]. Неформализация доказательств позволяет адекватно принимать процессуальные решения. Свобода оценки доказательств означает, что следователь, судья вправе сами решать, какой объем доказательств достаточен для формирования убедительной картины о совершении деяния [6]. Следователь на основании данного принципа процесса доказывания решает,

какие следственные действия необходимо провести, поскольку их проведение позволит обеспечить полноту, объективность и всесторонность расследования. С этой целью он старается прогнозировать как перспективу всего расследования, так и перспективы проведения отдельных следственных действий. Прогнозировать он должен то, насколько проводимые следственные действия будут способствовать сбору недостающих доказательств [7].

Знание перспективы позволяет следователю оптимизировать время, затрачиваемое на производство установленных уголовно-процессуальным законом сроков, отведенных для расследования преступлений. Следователь должен понимать, в какой степени эффективны те или иные следственные действия для сбора необходимых для обвинительного приговора доказательств. Он должен понимать, сможет ли он, проведя это следственное действие, добыть нужные для установления события преступления доказательства. Это важно, ведь от этого зависит не только доказанность обстоятельств преступления, но и соблюдение сроков предварительного расследования. Знание перспективы позволяет следователю принимать тактически важные решения о производстве или об отказе в производстве соответствующего следственного действия. Если следователь не прогнозирует возможности получения доказательств в результате производства соответствующего следственного действия, он от него отказывается, тем самым экономя время.

ЗНАНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТАКТИКИ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Перспектива (перспективность) имеет значение при определении тех следственных действий, которые необходимо произвести. Следователь оценивает перспективу производства того или иного следственного действия и выбирает те, которые наиболее перспективны, то есть могут способствовать выявлению и приобщению к уголовному делу недостающих доказательств. Следственные действия, не имеющие перспективы, отбрасываются как бесполезные для процесса доказывания. Также перспективность учиты-

вается при расстановке приоритетов в проведении следственных действий. Наиболее перспективные проводятся первыми. На этой основе определяется тактика расследования исходя из перспективности соответствующих следственных действий. Следователь на основании оценки перспектив соответствующих следственных действий определяет те из них, при осуществлении которых есть наибольшая вероятность получения недостающих доказательств. Эти следственные действия он, как правило, проводит первыми, так как хочет в кратчайшие сроки выяснить суть произошедшего и роль в нем подозреваемых.

Для следователя при определении необходимости проведения следственных действий существенное значение имеет установление перспектив сохранности еще не обнаруженных следов. Уже на стадии возбуждения дела исходя из уже имеющихся сведений можно предположить, какие следы мог оставить виновник преступления, какую информацию могут предоставить очевидцы события. При этом не все следы и данные могут сохраниться в течение некоторого времени – свидетели могут забыть некоторые важные детали произошедшего, следы могут быть уничтожены (как стихийными причинами, так и заинтересованными лицами, которые не желают установления истины). Это нужно учитывать и оценивать возможность сохранения следов на протяжении определенного периода времени. Знание данной перспективы определяет те следственные и иные процессуальные действия, которые следователь должен провести немедленно. То есть перспектива сохранности следов и информации определяет перспективу производства следственных действий и в целом предварительного расследования.

Прогнозирование перспектив расследования – это определение следователем возможных рисков достижения поставленных целей. Следователь, в силу своего опыта, знаний, имеющихся у него на момент начала расследования данных, может сделать обоснованное предположение о наличии факторов, которые могут негативно сказаться на проведении расследования, на основании чего он дает прогностическую оценку – о вероятности события в контексте полезности знания о нем для определения полноты и всесторон-

ности установления обстоятельств совершения преступления. К рискам не получить достаточного объема доказательств о событии преступления относится противодействие расследованию со стороны лиц, не заинтересованных в установлении истины по конкретному уголовному делу, а также действие иных факторов, нередко не зависящих от воли конкретных лиц, возникающих и действующих стихийно. Учет этих рисков позволяет следователю не только определить перспективы всего расследования, но и перспективу каждого отдельного следственного действия. Оценка перспектив с учетом рисков позволит определиться с наиболее оптимальной организацией проводимого расследования, заблаговременно принять меры по нейтрализации негативного воздействия данных рисков на процесс получения доказательств. Своевременное противодействие и нейтрализация других негативных факторов позволяют снизить риски, гарантируя успех расследования.

Определение перспективы расследования включает в себя определение перспектив рисков [8], с которыми может столкнуться расследование. Перспектива расследования – это прогноз проблем, которые могут возникнуть перед следователем при установлении им фактов совершения определенного преступления. Следователь прогнозирует, сколько и какие проблемы могут возникнуть у него. На основе этого он планирует, как их решить, а лучше всего – как не допустить их возникновения. Таким образом, перспектива расследования – это элемент механизма управления рисками, то есть такое упорядоченное осуществление деятельности по установлению обстоятельств имевшего место события, которое снижает вероятность несения ответственности за невыполнение поставленных задач. Следователь предпринимает меры по снижению рисков с целью обнаружения доказательств имевшего место события и принятия процессуального решения. Управление рисками в следственном процессе гарантирует качество, необходимое для правосудия по каждому уголовному делу [9]. Кроме того, при успешном управлении рисками следователем решаются вопросы обеспечения соблюдения сроков, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законом.

Перспектива расследования всегда предполагает перспективу следствия, то есть возможность достижения целей расследования. Следователь обладает перспективой только в том случае, когда, проанализировав все свои возможности по производству следственных действий, он имеет основания считать возможным достижение поставленных перед ним целей. Потенциал всего расследования определяется следователем путем оценки потенциала каждого следственного действия, которое ему необходимо провести для установления истины. Также потенциал расследования зависит от полномочий следователя, установленных действующим законодательством. Важнейшим элементом потенциала расследования является формируемое следователем взаимодействие с различными субъектами: должностными лицами, участниками уголовного судопроизводства и даже не обладающими специальными полномочиями лицами, способными, в силу разных причин, оказать содействие в установлении истины. При этом значение имеет интеллектуальный потенциал самого следователя и лиц, оказывающих ему содействие. В частности, это профессионализм определенного следователя, его квалификация и опыт в расследовании преступлений определенного рода, уровень его квалификации, наличие у него нужных способностей, чтобы раскрывать и расследовать преступления.

Для того чтобы определить перспективу расследования, следователю необходимо иметь вполне определенный объем данных для прогнозирования тенденций развития сложившейся на момент расследования следственной ситуации. Ситуация не может оставаться статичной. Она всегда динамична. Задача расследования – изменение следственной ситуации в наиболее благоприятную сторону для установления обстоятельств совершения конкретного преступления. Поэтому основной тенденцией следственной ситуации является ее прогрессивное движение. Но это не единственная тенденция, существующая на стадии предварительного расследования. Есть и другие, имеющие свою оценку. Это регрессивные тенденции, формирующиеся под влиянием обстоятельств, осложняющих установление истины по конкретному уголовному делу: тенденция естественного исчезновения

следов преступления; тенденция, сформированная под влиянием лиц, не заинтересованных в установлении истины и принятии на ее основе справедливых процессуальных решений; тенденция, обусловленная возможностью искаженного восприятия тех или иных данных и вытекающей из этого ошибки. Ход расследования во многом зависит от того, какая из тенденций будет преобладать. Задача следователя – обеспечить направление процесса расследования к полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств совершения преступления. При прогнозировании результатов расследования следователь пытается определить, может ли он преодолеть отрицательные тенденции и установить обстоятельства совершения преступления [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержанием расследования всегда выступает следственное познание, в процессе которого следователь выявляет обстоятельства совершения конкретного преступления. Следователь хочет узнать, что случилось. В связи с этим он последовательно осуществляет ряд умственных действий. От того, насколько качественно они будут выполнены, зависит результат проведения следственных

и иных процессуальных мероприятий, принятия решений, определяющих направление проводимого расследования. Одной из таких познавательных операций является оценка перспектив расследования. Она осуществляется следователем на этапе, когда он определяет направление и стратегию, придерживаясь которых сможет установить обстоятельства совершения преступления и вынести на этой основе справедливое процессуальное решение. Оценка перспектив расследования проводится после того, как по имеющимся данным следователь составит прогноз хода расследования. Перспектива следствия – это прогноз такого плана, где отражается оценка благоприятности имеющихся данных, обстоятельств, факторов и тенденций для полноты, всесторонности и объективности расследования. На основании определения перспективы следователь определяет направление расследования (план). Таким образом, оценка перспективы расследования представляет собой важный познавательный момент деятельности следователя по установлению обстоятельств совершения конкретного преступления и причастности к нему соответствующих лиц. Успешность оценки перспективы расследования находит отражение в итогах всей деятельности следователя по конкретному уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салфеткин Р.А. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: методы и практика / Р.А. Салфеткин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7 (223). – С. 134–136.
2. Арыстанбеков М.А. Криминалистическое прогнозирование процесса расследования преступлений / М.А. Арыстанбеков // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 1 (11). – С. 13–18.
3. Кузнецов М.С. Доктринальный подход к аналитической оценке состоятельности формальной теории оценки доказательств в российском уголовно-процессуальном законодательстве / М.С. Кузнецов // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 648–651.
4. Митина Н.А. Проблемы доказывания в уголовном процессе: оценка доказательств и их допустимость / Н.А. Митина, Е.Г. Фисенко, А.А. Подопригора // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 115-8. – С. 59–63.

REFERENCES

1. Salfetkin R.A. Psychological Forecast of Behavior of Participants in Investigative Actions in Crime Investigation: Methods and Practice. *Agrarian and Land Law*, 2023, no. 7 (223), pp. 134–136. (In Russian).
2. Arystanbekov M.A. Forensic Forecasting of Crime Investigation Process. *Actual Problems of the Present*, 2016, no. 1 (11), pp. 13–18. (In Russian).
3. Kuznetsov M.S. Doctrinal Approach to Analytical Assessment of the Consistency of the Formal Theory of Evidence Evaluation in Russian Criminal Procedure Legislation. *Juridical Techniques*, 2024, no. 18, pp. 648–651. (In Russian).
4. Mitina N.A., Fisenko E.G., Podoprighora A.A. Problems of Proof in Criminal Proceedings: Assessment of Evidence and Its Admissibility. *Trends in the Development of Science and Education*, 2024, no. 115-8, pp. 59–63. (In Russian).

5. Немира С. В. Оценка доказательств. Правила оценки доказательств / С.В. Немира, А.А. Казакова // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 18 декабря 2024 г. – Чебоксары : ООО «Издательский дом "Среда"», 2024. – С. 322–324.

6. Федотова А.В. Реализация принципа свободы оценки доказательств при расследовании уголовных дел / А.В. Федотова // Судебная власть на защите прав и интересов личности, общества, государства : материалы научно-практической конференции, Хабаровск, 10 октября 2024 г. – Хабаровск : Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, 2025. – С. 74–76.

7. Белаш К.В. Роль криминалистического прогнозирования в расследовании и раскрытии преступлений / К.В. Белаш // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием, Казань, 12 марта 2021 г. – Казань : ЮрЭксПрактик, 2021. – С. 36–40.

8. Шеховцова Л.С. Оценка тактического риска в работе следователя / Л.С. Шеховцова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 1 (43). – С. 111–119.

9. Шаталкина Н.А. Проблемы оценки степени тактического риска в деятельности по расследованию преступлений / Н.А. Шаталкина // Сборник материалов криминалистических чтений. – 2021. – № 18. – С. 83–84.

10. Григорьева А.Е. Метод криминалистического прогнозирования в расследовании преступлений / А.Е. Григорьева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2023. – № 4 (32). – С. 12–16.

5. Nemira S.V., Kazakova A.A. Assessment of Evidence. Rules for Assessing Evidence. *Sustainable Development Strategies: Social, Economic and Legal Aspects. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 18, 2024*. Cheboksary, Izdatelsky Dom "Sreda" Publ., 2024, pp. 322–324. (In Russian).

6. Fedotova A.V. Implementation of the Principle of Freedom of Assessment of Evidence in the Investigation of Criminal Cases. *The Judiciary in the Protection of the Rights and Interests of the Individual, Society, and the State. Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, October 10, 2024*. Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev Publ., 2025, pp. 74–76. (In Russian).

7. Belash K.V. The Role of Criminalistic Forecasting in the Investigation and Solution of Crimes. *State and Society: Topical Issues of Interaction. Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kazan, March 12, 2021*. Kazan, YurEksPraktik Publ., 2021, pp. 36–40. (In Russian).

8. Shekhovtsova L.S. Assessment of the Tactical Risk in the Investigator's Work. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 1, pp. 111–119. (In Russian).

9. Shatalkina N.A. Problems of Assessing the Degree of Tactical Risk in Crime Investigation Activities. *Proceedings of Criminalistic Readings*, 2021, no. 18, pp. 83–84. (In Russian).

10. Grigorieva A.E. Method of Criminalistic Forecasting in Crime Investigation. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series: Social Science*, 2023, no. 4 (32), pp. 12–16. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольный Николай Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podolnyi Nikolai Aleksandrovich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026; одобрена после рецензирования 02.07.2026; принята к публикации 02.07.2026. The article was submitted 14.06.2026; approved after reviewing 02.07.2026; accepted for publication 02.07.2026.

Научная статья
УДК 343.14
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.12

Original article

САВЧЕНКО Майя Михайловна
Калининградский государственный
технический университет,
Калининград, Россия,
maya.savchenko@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7528-8577>

SAVCHENKO Maya Mikhailovna
Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad, Russia

КОНКУРЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗЫСКАНИЯ НАЛОГОВОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПРИ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОМ УКЛОНЕНИИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

THE OVERLAP OF LEGAL MECHANISMS FOR TAX DEBT RECOVERY IN CORPORATE
CRIMINAL TAX EVASION CASES

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена устойчивой тенденцией к расширению практики одновременного применения нескольких механизмов восстановления ущерба, причиненного бюджету уклонением от уплаты налогов. Сопряжение уголовного преследования с последовательным задействованием банкротных механизмов стало стандартной практикой ФНС России, при которой один и тот же налоговый долг рассматривается как вред, причиненный государству субъектом преступления – физическим лицом, а также как неисполненное налоговое обязательство организации, ответственность за действие которой несут ее контролирующие лица, что создает риск двойного взыскания с одного и того же лица. Комплексного анализа конкуренции всех механизмов в их системном соотношении в отечественной науке не проводилось. Отдельного внимания заслуживают выявленные в 2023–2024 гг. Конституционным Судом РФ структурные конфликты между ними, а также складывающаяся судебная практика. Цели: построение системной модели конкурирующих механизмов взыскания, определение их соотношения и условий взаимодействия, формулирование предложений по преодолению коллизий. Методы: формально-юридический, контент-анализ судебной практики, сравнительно-правовой метод, использованный при сопоставлении процессуальных отличий гражданского и деликтного исков, системный – для построения иерархической модели последовательного применения механизмов. По результатам исследования обоснована невозможность подхода к рассматриваемым механизмам как к равнозначным альтернативам, поскольку они должны применяться в иерархической последовательности на основе принципа исчер-

Abstract. The relevance of this study is driven by the persistent trend toward the simultaneous application of multiple mechanisms for recovering damages caused to the budget by tax evasion. Combining criminal prosecution with the systematic use of bankruptcy procedures has become standard practice for the Federal Tax Service of Russia. In this context, the same tax debt is treated both as harm caused to the state by an individual offender and as an outstanding corporate tax liability for which its controlling persons are held accountable, creating a risk of double recovery from the same person. To date, there has been no comprehensive analysis in national legal scholarship regarding the overlap of these mechanisms in their systemic interrelation. Particular attention should be paid to the structural conflicts between them identified by the Constitutional Court of the Russian Federation in 2023–2024, as well as the emerging judicial practice. Purposes: to develop a systemic model of overlapping recovery mechanisms, to define their interrelation and interaction conditions, and to propose solutions to legal conflicts. Methods: the study employs formal legal analysis, content analysis of judicial practice, and the comparative legal method to examine procedural distinctions between civil and tort claims. A systemic approach is utilized to construct a hierarchical model for the sequential application of these mechanisms. Based on the study's findings, the article substantiates the impossibility of treating the mechanisms under consideration as equivalent alternatives, as they must be applied in a hierarchical sequence based on the principle of exhausting all recovery options from the taxpayer entity itself and other liable parties. The article proposes legislative measures to

пания возможностей взыскания с самой организации-налогоплательщика и иных обязанных лиц, рассмотрения указанных механизмов как равнозначных альтернатив – они должны применяться в иерархической последовательности на основе принципа исчерпания возможностей взыскания с самой организации. Сформулированы предложения по нормативному закреплению приоритета налогового взыскания, по исключению параллельных производств в отношении одних и тех же лиц.

Ключевые слова: налоговая задолженность, уклонение от уплаты налогов, гражданский иск в уголовном деле, деликтная ответственность, субсидиарная ответственность, банкротство, двойное взыскание, механизм исчерпания

Для цитирования: Савченко М.М. Конкуренция правовых механизмов взыскания налоговой задолженности при уголовно наказуемом уклонении от уплаты налогов организацией / М.М. Савченко. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 99–109.

establish the priority of tax recovery and eliminate parallel proceedings against the same individuals.

Keywords: tax debt, tax evasion, civil claim in a criminal case, tort liability, subsidiary liability, bankruptcy, double recovery, exhaustion mechanism

For citation: Savchenko M.M. The Overlap of Legal Mechanisms for Tax Debt Recovery in Corporate Criminal Tax Evasion Cases. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 99–109. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.12.

ВВЕДЕНИЕ

Привлечение лица к ответственности за уклонение от уплаты налогов организацией (ст. 199 УК РФ) влечет юридические последствия, выходящие за пределы уголовно-правовых. Государство в роли потерпевшего по уголовному делу (как публично-правовое образование, бюджету которого причинен ущерб) располагает самостоятельными гражданско-правовыми, налогово-правовыми инструментами восстановления бюджетных потерь – налоговая недоимка может быть взыскана непосредственно с организации-налогоплательщика; к осужденному физическому лицу может быть предъявлен гражданский иск в рамках уголовного дела; взыскание ущерба может быть произведено посредством деликтного иска по ст. 1064 ГК РФ за пределами уголовного судопроизводства; наконец, в рамках дела о несостоятельности организации требование о субсидиарной ответственности может быть предъявлено к контролирующим ее лицам.

Потенциальная возможность одновременного применения всех перечисленных механизмов порождает три взаимосвязанные правовые проблемы, которые до настоящего

времени не получили системного решения ни в законодательстве, ни в судебной практике.

Первой проблемой является перспектива двойного взыскания. Если недоимка взыскана с организации в административном порядке, а затем та же сумма предъявляется к руководителю в виде гражданского иска в уголовном деле или деликтного иска по ст. 1064 ГК РФ – одни и те же потери бюджета компенсируются дважды из разных источников. Вторая – проблема отсутствия единого подхода к последовательности применения механизмов. Третья – проблема субъектного состава. Ответственность по каждому из механизмов адресована разным субъектам: организации (административный механизм в соответствии с НК РФ), руководителю (гражданский иск в уголовном деле, деликтный иск), контролирующим лицам в широком смысле (субсидиарная ответственность).

Степень научной разработанности данной темы остается недостаточной. Большинство существующих исследований сосредоточены на отдельных механизмах: уголовной ответственности за налоговые преступления (И.И. Кучеров [1], Н.А. Лопашенко [2], Г.А. Есаков [3]), особенностях расследования уголовных дел по налоговым преступлениям, в том

числе по вопросам ареста имущества обвиняемых и предъявления гражданского иска (А.Р. Шарипова [4]), субсидиарной ответственности в деле о банкротстве (А.А. Ткачев [5]), возможности взыскания с должностных лиц организации и взаимозависимых лиц (И.А. Хаванова [6], В.А. Канашевский [7]), ответственности единоличного исполнительного органа (Е.А. Козина [8]).

Общий порядок принудительного исполнения обязанности по уплате налогов

Первичным и приоритетным механизмом является взыскание налоговой недоимки с самой организации-налогоплательщика в порядке, предусмотренном НК РФ. По общему правилу, ответственность за неуплату налогов несет юридическое лицо. Именно оно является налогоплательщиком, именно на нем лежит налоговая обязанность (ст. 23, 44–45 НК РФ). В отношении ответственности налогоплательщиков – физических лиц данная коллизия не возникает, так как направление материалов налоговой проверки в следственные органы в соответствии с п. 15.1 ст. 101 НК РФ автоматически влечет приостановление исполнения решения в части привлечения к ответственности и взыскания налогов в отношении этого физического лица. Таким образом, соблюдается правило *non bis in idem*, содержащееся в Конституции РФ (ч. 1 ст. 50) и актах международного права¹.

Что касается производства по налоговому правонарушению в отношении организации, такого ограничения не существует, поскольку субъекты правонарушений не одинаковы. Одновременность процесса привлечения к ответственности организации в соответствии с НК РФ и производства по уголовному делу в отношении ее фактического руководителя прямо предусмотрена п. 3 ст. 108 НК РФ: «Привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее долж-

ностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности».

Таким образом, налоговый механизм взыскания с организации является основным, первичным, и лишь невозможность его реализации открывает дорогу к применению иных механизмов в отношении физических лиц.

Налоговое обязательство организации, основанное на нарушении ею законодательства о налогах и сборах, установленное в ходе проведенной налоговой проверки, может быть принудительно исполнено в порядке, предусмотренном НК РФ: выставление требования об уплате (ст. 69), взыскание за счет денежных средств на счетах (ст. 46), взыскание за счет имущества (ст. 47). При этом процедуры принудительного взыскания осуществляются налоговым органом на основании вынесенных им решений, имеющих силу исполнительного документа, по общему правилу, не требующих обращения в суд (в случае соблюдения органом всех процессуальных сроков вышеуказанных процедур). Сумма недоимки по налогам, пеням и штрафам переходит в категорию имущественных требований, по которым кредитором является государственный бюджет, чьи интересы представляет ФНС России, в том числе при проведении процедур банкротства организации-должника [7]. Кроме того, налоговый орган имеет право, предусмотренное п. 3 ст. 45 НК РФ, взыскания налогов с взаимозависимых с налогоплательщиком лиц.

Возбуждение уголовных дел по налоговым преступлениям

Если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении налогоплательщика к ответственности денежных средств на его едином налоговом счете недостаточно для уплаты недоимок, налоговый орган направляет материалы в следственные органы. Передача материалов сама по себе не означает автоматического возбуждения уголовного дела, так как следственные органы должны проверить наличие признаков состава преступления и принять самостоятельное процессуальное решение [10; 11]. Однако практика показывает, что при наличии суммы долга по налогам, позволяющей квалифицировать

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531 (дата обращения: 12.04.2026).

деяние по ст. 199 УК РФ, уголовные дела возбуждаются. При этом принятое следственными органами решение (возбуждение уголовного дела или отказ) и дальнейшие действия в ходе расследования дела формально не влияют на проводимые налоговым органом процедуры по взысканию сумм – не прекращают и не приостанавливают их.

Данное обстоятельство порождает первую коллизию административных, арбитражно-процессуальных и уголовно-процессуальных норм в отношении ареста имущества. Как справедливо отмечает А.Р. Шарипова, весьма неоднозначной представляется ситуация, возникающая в случаях применения налоговым органом ареста имущества, последующей отмены этого ареста арбитражным судом по делу об оспаривании налогоплательщиком акта налогового органа, если в это время выносится решение об аресте в рамках уголовного дела [4].

Более того, уже в этот момент при наличии подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу широко применяется арест личного имущества указанных лиц, без сбора достаточных доказательств, подтверждающих отсутствие возможности взыскания задолженности с налогоплательщика-организации [12].

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ДЕЛИКТНЫЙ ИСК ПО ГК РФ КАК СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ

Гражданский иск является вторым механизмом компенсации потерь бюджета. Он может быть предъявлен к обвиняемому по уголовному делу в соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ либо как деликтный иск к физическому лицу, осужденному за налоговое преступление, либо к лицу, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям в порядке ст. 15 и 1064 ГК РФ. Несмотря на одинаковую цель (компенсация ущерба бюджету, причиненного налоговым преступлением), гражданский и деликтный иски различаются по правовой природе, процессуальной форме и субъектному составу. Разграничение этих двух инструментов имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение.

Гражданский иск в уголовном деле предъясняется непосредственно в рамках уголовного судопроизводства на основании ст. 44 и 309 УПК РФ и разрешается приговором суда. Его предметом является возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением. Истцом выступает прокурор либо налоговый орган, ответчиком – обвиняемый (осужденный) или лицо, несущее материальную ответственность за его действия. Процессуальное удобство данного инструмента очевидно: требование рассматривается вместе с уголовным делом, доказательная база уже сформирована следствием, а фактические обстоятельства, установленные приговором, впоследствии будут иметь преюдициальное значение в иных судебных процессах². Вместе с тем гражданский иск в уголовном деле является, по существу, акцессорным по отношению к уголовному преследованию: прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям влечет отказ в иске, а при прекращении по нереабилитирующим основаниям суд оставляет иск без рассмотрения и передает его в гражданское судопроизводство (ч. 2 ст. 306 УПК РФ).

Деликтный иск по ст. 1064 ГК РФ, напротив, является самостоятельным гражданско-правовым требованием, предъявляемым вне уголовного судопроизводства в суд общей юрисдикции в общеисковом порядке. Его правовым основанием служит причинение вреда публично-правовому образованию (бюджету) умышленными действиями физического лица. Конституционный Суд РФ в постановлении от 8 декабря 2017 г. № 39-П³ (далее – постановление № 39-П) признал, что положения ст. 15 и 1064 ГК РФ в системной связи с подп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ допускают взыскание по таким искам сумм неуплаченных налогов и

² По делу о проверке конституционности положений статьи 90 УПК РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2, ст. 398.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (ч. 1), ст. 8153.

пеней с физических лиц, осужденных за совершение налоговых преступлений, либо уголовное преследование которых прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Расчет судом суммы подлежащих удовлетворению исковых требований как в соответствии со ст. 44 УПК РФ, так и со ст. 1064 ГК РФ должен производиться с учетом того, что сумма неуплаченных юридическим лицом налогов, составляющих объективную сторону состава конкретного преступного деяния, предусмотренного ст. 199 УК РФ, и размер фактически причиненного бюджету ущерба на момент вынесения судом решения часто не совпадают, так как часть суммы может быть добровольно уплачена или принудительно взыскана на момент вынесения решения по иску.

В соответствии с п. 4.2 постановления № 39-П при определении ответственности физического лица суд вправе учитывать его имущественное положение, факт обогащения в результате совершения налогового преступления, степень вины, назначенное ему уголовное наказание, а также иные существенные обстоятельства. Однако практика показывает, что суды зачастую выносят решения о взыскании без учета указанных обстоятельств.

Налоговые суммы в крупном размере взыскиваются с лиц, участвовавших в преступлении в роли пособников, игравших вспомогательную роль в реализации преступного умысла и не получивших материальных преимуществ, например, с бухгалтерских работников [13].

При рассмотрении гражданского иска по преступлениям, совершенным в соучастии, суды рассматривают налоговую задолженность не только с точки зрения общей итоговой суммы, но и с позиции оценки субъективной составляющей каждого эпизода.

Подход к размеру предъявляемой суммы исковых требований не имеет существенных отличий. По гражданскому иску в уголовном деле взыскиваются суммы недоимки и пеней, то есть сумма, равная реальному бюджетному ущербу. По деликтному иску взыскиваются убытки в смысле ст. 15 ГК РФ, которые также ограничены недоимкой и пенями. Оба инструмента исключают взыскание с физического лица штрафов, наложенных на организацию: штрафы имеют карательный, а не компенса-

ционный характер. Данный вывод прямо следует из п. 3.4 постановления № 39-П. Впоследствии Конституционный Суд распространил это правило и на субсидиарную ответственность в деле о банкротстве, подтвердив, что лица, привлеченные к уголовной ответственности за налоговые преступления, не несут бремени уплаты штрафов за организацию в рамках субсидиарной ответственности⁴.

Принципиальное отличие деликтного иска от гражданского иска в уголовном деле состоит в стандарте доказывания. В уголовном процессе фактические обстоятельства преступления установлены вне разумных сомнений, предъявляемый параллельно гражданский иск опирается на ту же доказательную базу. Деликтный иск, напротив, рассматривается в состязательном гражданском процессе, где истец несет бремя доказывания всех элементов деликта (ст. 56 ГПК РФ): противоправности, вреда, причинной связи и вины. При этом в судебной практике сложилась позиция, согласно которой прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в частности, в связи с уплатой недоимки по ст. 28.1 УПК РФ или за истечением срока давности) не освобождает лицо от гражданско-правовой ответственности перед бюджетом и не создает в пользу ответчика презумпции отсутствия вины. Тем самым деликтный иск играет роль «последнего рубежа» компенсации бюджетных потерь применительно к случаям, когда уголовный процесс не завершился обвинительным приговором.

Общим для этих двух инструментов является условие допустимости обращения к физическому лицу, несмотря на то что субъектом неисполненного налогового обязательства является организация.

Правовая природа гражданского иска, предъявляемого в рамках уголовного дела по ст. 199 УК РФ, остается предметом дискуссий в доктрине. Традиционно он квалифицируется как иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, на основании ст. 1064 ГК РФ. При этом ответчиком выступает не организация-налогоплательщик, а осужденный руко-

4 По делу о проверке конституционности пункта 11 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 № 50-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 46, ст. 8191.

водитель. Между тем такое понимание порождает серьезный концептуальный вопрос: если подлинным должником перед бюджетом является организация и обязанность по уплате налогов лежит на ней, то в чем состоит «вред», причиненный физическим лицом?

ПРОБЛЕМА ДВОЙНОГО ВЗЫСКАНИЯ В СЛУЧАЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ИСКА К ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ И КОНТРОЛИРУЮЩИМ ЕГО ЛИЦАМ

Несмотря на то что действующее законодательство рассматривает в качестве субъекта уголовной ответственности исключительно физическое лицо, в соответствии со ст. 54 УПК РФ гражданским ответчиком может быть также организация. Таким образом, предъявление иска к физическому лицу должно осуществляться в исключительных случаях и иметь достаточное обоснование.

Конституционный Суд РФ в постановлении № 39-П сделал первый шаг к системному решению данных вопросов, введя принцип «исчерпания механизмов» как условия допустимости взыскания ущерба с физического лица. Пленум Верховного Суда РФ в п. 28 постановления от 26 ноября 2019 г. № 48 также разъяснил, что виновное физическое лицо может быть привлечено в качестве гражданского ответчика в уголовном деле «лишь в случаях, когда отсутствуют правовые и (или) фактические основания для удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, отвечающих по ее долгам»⁵.

Данный принцип отражает фундаментальное конституционное требование: физическое лицо – руководитель организации совершает налоговое преступление как субъект уголовной ответственности, но не является налогоплательщиком, которым остается организация. Конституционный Суд, разрешая аналогичный вопрос применительно к ответственности по ст. 15.11 КоАП РФ, в постановлении от 9 июля 2019 г. № 27-П указал, что ответственность руководителя перед бюджетом носит дополнительный, обеспечительный характер по отношению к налоговой обязанно-

сти организации⁶. Следовательно, основным должником перед бюджетом всегда является юридическое лицо, а взыскание с физического лица носит субсидиарный характер, поэтому при рассмотрении деликтного иска к физическому лицу суд обязан установить, не произведено ли уже взыскание с организации, и при наличии такового должен либо отказать в иске, либо уменьшить его размер на сумму взысканного.

Практика, однако, нередко игнорирует данное ограничение. Гражданский иск предъявляется к руководителю почти одновременно с обвинением, без предварительного установления невозможности взыскания с организации. Это порождает риск двойного взыскания: организация уплачивает недоимку во исполнение решения налогового органа, а руководитель дополнительно выплачивает ту же сумму по приговору суда. Принцип «исчерпания механизмов», выведенный в постановлении № 39-П, теоретически исключает такую ситуацию.

Данная позиция воспроизводит общую логику «корпоративной вуали» в налоговых правоотношениях: государство обязано сначала исчерпать возможности взыскания с самого налогоплательщика – юридического лица и лишь затем «пробивать корпоративную вуаль» для взыскания с физических лиц. Снятие «корпоративной вуали» в налоговом контексте представляет собой экстраординарный, а не стандартный инструмент.

ФНС России в письме от 9 февраля 2024 г. № Д-5-18/23@ формулирует правовую позицию в связи с вышеуказанным постановлением, однако она представляет собой его весьма расширительное толкование, не всегда имеющее достаточную правовую основу⁷. Так, например, часть обстоятельств, которые предлагается представлять в качестве подтверждений исчерпания возможности взы-

⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. В. Анисимовой: постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29, ст. 4018.

⁷ О формировании позиции уполномоченного органа при направлении гражданских исков в суд с учетом позиции постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П: письмо ФНС России от 09.02.2024 № Д-5-18/23@ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470073/ (дата обращения: 12.04.2026).

⁵ О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // Российская газета. 2019. № 276.

скания с организации, носит весьма широкий и оценочный характер. В частности, «при наличии в едином государственном реестре юридических лиц сведений, в отношении которых внесена запись об их недостоверности», «если данные о финансово-хозяйственном состоянии организации... указывают на невозможность удовлетворения требований об уплате обязательных платежей». Это создает практический риск злоупотреблений: налоговый орган, проведя собственный анализ финансового состояния организации, может немедленно предъявить деликтный иск к руководителю, не дожидаясь формального исчерпания механизмов налогового принудительного исполнения. Суды, в свою очередь, нередко принимают такой иск, не проверяя, действительно ли организация лишена возможности погасить задолженность.

Ситуации, создающие риск двойного взыскания, противоречащие приведенным позициям высших судебных инстанций, нередко становятся основаниями для отмены судебных решений: в связи с отсутствием взыскания при наличии правопреемника юридического лица; в связи с тем, что в рамках процедуры банкротства налогоплательщика не предпринимались меры по взысканию задолженности с контролирующих налогоплательщика лиц в рамках субсидиарной ответственности; в связи с тем, что процедура банкротства налогоплательщика не окончена; в связи с тем, что задолженность организации в порядке ст. 45 НК РФ взыскана с взаимозависимого лица.

Самостоятельный и практически значимый случай применения деликтного иска по ст. 1064 ГК РФ возникает тогда, когда уголовное дело не возбуждалось вовсе либо было прекращено по реабилитирующим основаниям, но налоговая задолженность организации осталась непогашенной, а сама организация признана недействующей и исключена из ЕГРЮЛ. В подобных ситуациях деликтный иск выступает не дополнением к уголовному преследованию, а самостоятельным и порой единственным инструментом бюджетного возмещения, опирающимся исключительно на нормы гражданского права.

Таким образом, принцип «исчерпания механизмов» в данном случае реализуется не через формальное прохождение всех стадий

принудительного исполнения, а через констатацию факта ее исключения из реестра.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О БАНКРОТСТВЕ

Специальным механизмом является субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц (КДЛ) в деле о несостоятельности (банкротстве) организации-налогоплательщика. Правовую основу составляет ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁸. Согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 презумпция наличия причинно-следственной связи между действиями (бездействием) контролирующего лица и объективным банкротством возникает в случае, когда должник привлечен к налоговой ответственности за неуплату или неполную уплату налогов в результате занижения налоговой базы, а доначисленные суммы налогов составили более 50 % совокупного размера основной задолженности перед реестровыми кредиторами третьей очереди⁹.

Суды привлекают к субсидиарной ответственности не только действующих, но и бывших руководителей, возглавлявших организацию в периоды совершения налоговых нарушений, а также учредителей, если доказана их причастность к принятию решений, повлекших банкротство.

Критическую позицию в части субсидиарной ответственности при наличии оправдательного приговора занял Арбитражный суд Дальневосточного округа: если суд общей юрисдикции вынес оправдательный приговор, содержащий выводы о реальности хозяйственных отношений налогоплательщика с контрагентами, данные выводы подлежат учету в арбитражном деле о субсидиарной ответственности, поскольку «по общему правилу ответственным за неуплату налогов является само юридическое лицо», а субсидиарная ответственность руководителя наступает

⁸ Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

⁹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. № 297.

лишь при доказанности его противоправных и виновных действий¹⁰.

Данный механизм принципиально отличается от деликтного иска по ряду параметров. Во-первых, субсидиарная ответственность в деле о банкротстве предполагает погашение не только недоимки, но и всего объема задолженности организации-банкрота перед всеми кредиторами (в том числе перед бюджетом). Во-вторых, ее инициатором является конкурсный управляющий или кредиторы, а не налоговый орган (хотя последний может заявить соответствующее требование как кредитор). В-третьих, требование может быть предъявлено к нескольким физическим и юридическим лицам, а не только к тем, кто является обвиняемым по делу или в отношении которых вынесен приговор (это могут быть собственники организации, иные аффилированные лица). Учитывая предусмотренные законодательством и сформулированные судебной практикой высших судебных инстанций особые требования к доказыванию субъективных признаков преступления по ст. 199 УК РФ [14], состав ответчиков по искам о субсидиарной ответственности, как правило, шире.

Существуют и процессуальные отличия в рассмотрении этих исков. Иски о субсидиарной ответственности по законодательству о банкротстве рассматриваются только арбитражными судами, иски по ст. 1064 ГК РФ также могут быть поданы в суды общей юрисдикции. Есть отличия в сроках давности по этим искам и порядке их исчисления.

Следует отметить, что удовлетворенное требование в отношении контролирующего лица пополняет конкурсную массу организации-банкрота. В соответствии со ст. 61.17 Закона о банкротстве право выбора способа распоряжения кредитором указанным требованием предусмотрено только в отношении субсидиарной ответственности по ст. 61.11 указанного закона и имеет определенные ограничения (например, в случае ранее вынесенных судебных актов о взыскании с контролирующих лиц имущества или денежных

средств в рамках применения последствий недействительности сделок).

Необходимо учитывать двухэтапность процедуры привлечения к ответственности контролирующих должника лиц – от вынесения определения о наличии оснований привлечения КДЛ к ответственности до вынесения окончательного решения с указанием суммы, подлежащей взысканию с каждого контролирующего лица после завершения расчетов с кредиторами.

Таким образом, в ходе процедуры банкротства организации может создаться следующая ситуация: в отношении лица, привлеченного к субсидиарной ответственности, вынесен судебный акт о взыскании полной суммы налогового долга; данное требование реализовано на торгах по цене значительно ниже номинала; большая часть требования ФНС осталась не удовлетворенной. Это создает риск повторного предъявления налоговым органом данной суммы или ее части в рамках гражданского иска.

Ввиду длительности процедур банкротства юридических лиц до их завершения невозможно сделать окончательный вывод о сумме требований, которые удастся удовлетворить.

Если дело о банкротстве организации прекращено по основаниям, указанным в п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве, кредиторы (в том числе налоговый орган) сохраняют право на обращение в суд с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности вне рамок дела о банкротстве в соответствии со ст. 61.19 Закона о банкротстве [15].

Центральным практическим вопросом является недопустимость взыскания с одного и того же лица одной и той же суммы дважды – по деликтному иску и в рамках субсидиарной ответственности (или наоборот). Судебная практика выработала механизм зачета: если сумма уже взыскана с ответчика в пользу бюджета по деликтному иску или по гражданскому иску в уголовном деле, она подлежит вычету при определении размера субсидиарной ответственности того же лица в деле о банкротстве. В определении Верховного Суда РФ от 3 июля 2020 г. № 305-ЭС19-17007 (2) по делу № А40-203647/2015 отмечена особенность требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, основанная на том, что данное требование

¹⁰ Подборка судебных решений: субсидиарная ответственность за неуплату налогов [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/subsidiarnaya_otvetstvennost_z_a_neuplatu_nalogov/ (дата обращения: 12.04.2026).

«по сути опосредует типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением основного должника до банкротства»¹¹. Вследствие этого суд при определении соотношения этих требований исходит из их зачетного характера по отношению друг к другу (п. 1 ст. 6, абз. 1 п. 1 ст. 394 ГК РФ). Обратная ситуация – частичное погашение субсидиарной ответственности и предъявление деликтного иска на остаток – также возможна, хотя практика по ней остается немногочисленной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конкуренция правовых механизмов взыскания налоговой задолженности при уголовно наказуемом уклонении от уплаты налогов организацией представляет собой одну из наиболее острых проблем на стыке уголовного, налогового, гражданского и процессуального права. Существование четырех самостоятельных механизмов: налогового взыскания с организации, гражданского иска в уголовном деле, деликтного иска к физическому лицу и субсидиарной ответственности в деле о банкротстве – создает не только богатый инструментарий для государства в достижении фискальных целей, но и серьезные риски нарушения прав лиц, привлеченных к ответственности.

Конституционный Суд РФ сделал важный шаг к системному решению проблемы, введя принцип «исчерпания механизмов» и принцип запрета двойного взыскания. Однако практическая реализация данных принципов остается непоследовательной в силу отсутствия надлежащих законодательных механизмов их обеспечения. Необходимы как нормативные уточнения, устанавливающие четкую иерархию применения механизмов, так и создание информационной инфраструктуры, позволяющей судам разных ветвей юрисдикции координировать применение различных инструментов взыскания. Именно на этом направлении должны быть сосредоточены

усилия законодателя и высших судебных инстанций в ближайшей перспективе.

По результатам проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Механизмы восстановления бюджетных потерь при уголовно наказуемом уклонении от уплаты налогов (налоговое взыскание с организации, гражданский иск в уголовном деле, деликтный иск к физическому лицу, субсидиарная ответственность в деле о банкротстве) не являются равноправными альтернативами. Они образуют иерархию, в основе которой лежит принцип «исчерпания механизмов»: взыскание с физического лица возможно лишь при невозможности взыскания с самой организации и с иных лиц, несущих ответственность по ее долгам.

2. Ключевой коллизией в действующей практике является нарушение данной иерархии: гражданский иск к руководителю в уголовном деле нередко предъявляется и удовлетворяется параллельно с сохраняющимися возможностями взыскания с организации, что создает реальный риск двойного взыскания. Устранение данной коллизии требует законодательного уточнения: в ч. 1 ст. 44 УПК РФ следует прямо указать, что гражданский иск по делам о налоговых преступлениях организаций предъявляется к физическому лицу лишь при невозможности взыскания с организации-налогоплательщика, подтвержденной судебным актом.

3. Предлагается законодательно закрепить следующую иерархию применения механизмов взыскания. Первый уровень – административный (налоговый): взыскание недоимки, пеней и штрафов с организации-налогоплательщика; при наличии оснований – взыскание задолженности с взаимозависимых лиц. Второй уровень – гражданско-правовой в деле о банкротстве: субсидиарная ответственность контролирующих лиц при несостоятельности организации. Третий уровень: гражданский иск в уголовном процессе к физическому лицу, осужденному за налоговое преступление, или деликтный иск по ст. 1046 ГК РФ.

4. Необходимо сформировать судебную практику в части принятия исков к производству, исключающую параллельное производство в отношении одних и тех же лиц

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15271a37-3b3e-490a-891d-75ac7dd276f9/98a783db-62cd-4e49-943b-6e2b2443fc27/A40-203647-2015_20200703_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.04.2026).

через различные механизмы: если подано заявление о привлечении лица к субсидиарной ответственности в соответствии с Законом о банкротстве, это должно исключать последующее принятие к производству гражданского иска по уголовному делу, что исключит в том числе параллельный арест имущества одного лица по двум делам, основанным на одном и том же обстоятельстве.

5. Во избежание двойного взыскания необходимо систематический контроль на стадии исполнения: при получении организацией-налогоплательщиком средств для уплаты недоимки (в том числе в связи с погашением задолженности в рамках прекращения уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ) исполнение приговора в части гражданского иска должно быть прекращено в соответствующей части.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кучеров И.И. Налоговые преступления (теория и практика расследования) : монография / И.И. Кучеров. – Москва : ЮрИнфоР, 2011. – 456 с.
2. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) : монография : в 2 ч. / Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – Ч. 2. – 442 с.
3. Есаков Г.А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году и на перспективу / Г.А. Есаков // Закон. – 2022. – № 11. – С. 38–47.
4. Шарипова А.Р. Процессуальные особенности уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях / А.Р. Шарипова // Журнал российского права. – 2024. – № 4. – С. 119–131.
5. Ткачев А.А. Обзор судебных актов Верховного Суда Российской Федерации за 2023 год по делам о банкротстве / А.А. Ткачев. – Москва : Юстицинформ, 2024. – 200 с.
6. Хаванова И.А. Взаимозависимые лица: корпоративные покровы и фискальные проблемы / И.А. Хаванова // Журнал российского права. – 2018. – № 7 (259). – С. 112–122.
7. Канашевский В.А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частно-правовые аспекты) / В.А. Канашевский // Журнал российского права. – 2016. – № 9 (237). – С. 27–38.
8. Козина Е.А. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества: соотношение с институтами трудового и налогового права / Е.А. Козина, М.Р. Король // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8 (120). – С. 191–199.
9. Красюков А.В. Налоговые имущественные правоотношения : монография / А.В. Красюков. – Москва : Проспект, 2022. – 336 с.
10. Серова Е.Б. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения / Е.Б. Серова, Е.В. Пушторская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 127–136.
11. Ряполова Я.П. Оптимизация правового режима возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях в свете циклических изменений уголовно-процессуального закона / Я.П. Ряполова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 132–142.

REFERENCES

1. Kucherov I.I. Tax Crimes (Theory and Practice of Investigation). Moscow, YurInfoR Publ., 2011. 456 p.
2. Lopashenko N.A. Crimes in the Sphere of Economic Activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow, YurLitinform Publ., 2022. Pt. 2. 442 p.
3. Esakov G.A. Tax Crimes: Fine-Tuning Liability in 2022 and for the Future. *Zakon*, 2022, no. 11, pp. 38–47. (In Russian).
4. Sharipova A.R. Procedural Features of Criminal Prosecution in Cases of Tax Crimes. *Journal of Russian Law*, 2024, no. 4, pp. 119–131. (In Russian).
5. Tkachev A.A. Review of Judicial Acts of the Supreme Court of the Russian Federation for 2023 on Bankruptcy Cases. Moscow, Yustitsinform Publ., 2024. 200 p.
6. Khavanova I.A. Interdependent Persons: Corporate Covers and Fiscal Issues. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 7 (259), pp. 112–122. (In Russian).
7. Kanashevsky V.A. The Concept of Beneficial Ownership in Russian Judicial Practice (Private Law Aspects). *Journal of Russian Law*, 2016, no. 9 (237), pp. 27–38. (In Russian).
8. Kozina E.A., Korol M.R. Civil Liability of the Sole Executive Body of a Business Company: Correlation with Labor and Tax Law Institutions. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 8 (120), pp. 191–199. (In Russian).
9. Krasnyukov A. V. Tax Property Relations. Moscow, Prospect Publ., 2022. 336 p.
10. Serova E.B., Pushtorskaya E.V. Initiation of Criminal Cases on Tax Crimes: Problems and Possible Solutions. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (97), pp. 127–136. (In Russian).
11. Ryapolova Ya.P. Use of the Potential of Operational-Search Activities in Solving Problems Stages of Initiation of a Criminal Case: Problemic Issues of Theory and Practice. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 132–142. (In Russian).
12. Esakov G.A. Ruling no. 46-П of 17 December 2025 of the Constitutional Court of the Russian Federation on Property Seizure and Insolvency: A Criminal Lawyer's Perspective. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2026, no. 3, pp. 201–207. (In Russian).

12. Есаков Г.А. Постановление КС РФ от 17 декабря 2025 года № 46-П об аресте имущества и банкротстве: взгляд уголовного юриста / Г.А. Есаков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2026. – № 3. – С. 201–207.

13. Савченко М.М. Вопросы взыскания с физических лиц ущерба, причиненного государству в результате уклонения от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией (ст. 199 УК РФ) / М.М. Савченко // Налоги. – 2020. – № 1. – С. 46–48.

14. Савченко М.М. Проблема квалификации деяния, предусмотренного ст. 199 Уголовного кодекса РФ, по субъективным признакам / М.М. Савченко, Ю.Г. Клещенко // Российский следователь. – 2025. – № 6. – С. 40–46.

15. Филипенко Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью / Н.В. Филипенко // Арбитражные споры. – 2023. – № 1 (101). – С. 3.

13. Savchenko M.M. Issues of Recovery the Damage Caused to the State Arising from Evasion of Taxes to be Paid by the Organization from Natural Persons (Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Taxes*, 2020, no. 1, pp. 46–48. (In Russian).

14. Savchenko M.M., Kleschenko Yu.G. The Problem of Qualification of an Act Stipulated by Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation Based on Subjective Attributes. *Russian Investigator*, 2025, no. 6, pp. 40–46. (In Russian).

15. Filipenko N.V. Non-Bankruptcy Subsidiary Liability of Persons Who Controlled a Limited Liability Company. *Arbitration Disputes*, 2023, no. 1 (101), p. 3. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савченко Майя Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savchenko Maya Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 01.06.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.13

Original article

ХАРИСОВА Зарина Ирековна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
zarinaid@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3902-3459>

KHARISOVA Zarina Irekovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ИЗОЛИРОВАННОГО ПРОФИЛЯ («ВТОРОГО ПРОСТРАНСТВА») МОБИЛЬНОГО СРЕДСТВА СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF THE EXAMINATION OF THE ISOLATED PROFILE ("SECOND SPACE")
ON MOBILE DEVICES IN CYBERCRIME INVESTIGATIONS

Аннотация. При расследовании киберпреступлений и иных преступных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зачастую требуется производство осмотра мобильных средств связи, однако наличие в них функции формирования «второго пространства» (скрытого изолированного пользовательского профиля) может приводить к утрате имеющейся доказательственной базы. Прикладное значение исследования определяется возможностью выявления на практике механизмов изоляции данных, реализованных популярными сегодня производителями мобильных устройств (Samsung Secure Folder, MIUI (Xiaomi) Second Space, Magic UI Private Mode (Huawei и Honor)). Цель исследования: рассмотреть особенности обнаружения и осмотра скрытых рабочих пространств в мобильных средствах связи, активно используемых преступниками в противоправных целях. В процессе исследования использовалась совокупность общих (описания, обобщения и сравнения), общенаучных (анализа, синтеза) и частнонаучных (кибернетический, системного анализа, сравнительно-правовой) методов познания. Общие и общенаучные методы использовались при рассмотрении технической архитектуры изолированных профилей на уровне операционной системы Android и формировании обобщенных сведений, закладываемых в алгоритм осмотра мобильных средств связи; частнонаучные – для анализа эмпирического материала, а также в целях выявления технических и криминалистических особенностей, которые могут использоваться в различных архитектурах изолированных сред мобильных устройств. Результаты: предложен криминалистический алгоритм осмотра изолированных профилей мобильных устройств, включающий выявление признаков наличия «второго пространства», а также порядок фиксации цифровых доказательств.

Abstract. When investigating cybercrimes and other criminal acts committed via information and telecommunication technologies, investigators often need to examine mobile devices. However, the presence of a “second space” feature (a hidden, isolated user profile) can lead to the loss of critical digital evidence. The practical significance of this study lies in identifying data isolation mechanisms implemented by leading mobile device manufacturers (e.g., Samsung Secure Folder, MIUI (Xiaomi) Second Space, and Magic UI Private Mode (Huawei/Honor)). The purpose of this study is to examine the specifics of detecting and examining hidden workspaces in mobile devices actively exploited by criminals for illicit goals. The research employed a combination of general (description, generalization, and comparison), general scientific (analysis, synthesis), and specific scientific (cybernetic, systems analysis, and comparative legal) methods of cognition. General and general scientific methods were used to examine the technical architecture of isolated profiles within the Android OS and develop a generalized framework for mobile device forensic protocols. Meanwhile, specific scientific methods were applied to analyze empirical data and identify technical and forensic characteristics across various isolated environment architectures in mobile devices. Results: the study proposes forensic guidelines for examining isolated mobile device profiles, encompassing the detection of “second space” indicators and the procedure for securing digital evidence.

Ключевые слова: изолированный профиль, «второе пространство», цифровые доказательства, система Android, расследование киберпреступлений, криминалистика, изоляция данных, способы сокрытия цифровых следов, алгоритм осмотра, осмотр телефона

Keywords: isolated profile, second space, digital evidence, Android OS, cybercrime investigation, forensics, data isolation, anti-forensics techniques, forensic examination protocol, mobile device examination

Для цитирования: Харисова З.И. Особенности осмотра изолированного профиля («второго пространства») мобильного средства связи при расследовании киберпреступлений / З.И. Харисова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 110–118.

For citation: Kharisova Z.I. Features of the Examination of the Isolated Profile ("Second Space") on Mobile Devices in Cybercrime Investigations. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 110–118. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.13.

ВВЕДЕНИЕ

В структуре современной преступности наблюдается устойчивый рост деяний, совершаемых с использованием различных технических средств, преобладающей частью которых ввиду удобства эксплуатации являются мобильные устройства, зачастую выступающие в качестве инструмента связи, хранения данных или средства доступа к электронным средствам платежа.

Современные мобильные средства связи функционируют как сложные вычислительные устройства, обладающие возможностью создания изолированных пользовательских сред. Такие среды, как правило, реализуются в операционных системах семейства Android или HarmonyOS в виде специальных профилей – защищенных пространств, или «вторых пространств» (Second Space, Secure Folder, Private Space, Work Profile и др.)¹.

Функционал, изначально задуманный производителями для разделения личных и служебных данных, получил популярность у лиц, совершающих киберпреступления, как эффективный способ сокрытия цифровых следов. Как показывает анализ материалов уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, изолированные пространства довольно часто используются профессиональными киберпреступниками для сокрытия противоправной деятельности,

в том числе хранения запрещенного контента, использования альтернативных (задействованных в преступной деятельности) аккаунтов в приложениях, запуска средств анонимизации, сокрытия криптографических ключей или мнемофраз от электронных кошельков. В этой связи исследование изолированных пользовательских профилей мобильных средств связи приобретает особую значимость.

ОБНАРУЖЕНИЕ СКРЫТЫХ РАБОЧИХ ПРОСТРАНСТВ В МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ СВЯЗИ ПОД ОПЕРАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ ANDROID И ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА «ВТОРОГО ПРОСТРАНСТВА»

Следственный осмотр представляет собой непосредственное обнаружение и исследование объектов, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения [1, с. 528]. Основные цели следственного осмотра – обнаружение следов преступления и выяснение других обстоятельств, имеющих значение для расследования; к ним также можно отнести выявление и фиксацию признаков, которые в совокупности с имеющимися в уголовном деле данными могут служить основанием для признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 176 УПК РФ).

В соответствии со ст. 177 УПК РФ осмотр мобильных средств связи должен осуществляться на месте производства следственного действия, однако если для осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, осматриваемый объект упаковывается, опечатывается и заверяется подписью

¹ Исследование информации, содержащейся в мобильных телефонах : типовая методика / С.В. Ермолов, В.А. Рашупкина, Е.А. Кресан и др. М. : ЭКЦ МВД России, 2023. С. 10.

следователя. В дальнейшем его осмотр производится как самостоятельное следственное действие². На основании сведений, полученных в ходе осмотра, следователь может выдвинуть версии о характере преступления и его участниках, способе совершения и др. В связи с этим целесообразно рассмотреть особенности проведения осмотра современных мобильных средств связи, функционирующих под операционной системой Android, для обнаружения в них скрытых рабочих пространств, активно используемых преступниками в противоправных целях.

Анализ типовых методик проведения осмотра мобильных устройств позволяет говорить об их сугубо обобщенном характере, порой – устаревании, шаблонном подходе к такому устройству исключительно как к «предмету» или классически реализованному мобильному средству связи, а также о «разрыве» между реальной потребностью практики и изложением базовых и общеизвестных теоретических положений.

Мобильное устройство, на котором реализована функция «второго пространства», является довольно сложным объектом криминалистического исследования. На практике часто возникают ситуации, когда при беглом осмотре устройства (социальные сети, мессенджеры, фотографии) следователь не обнаруживает криминалистически значимых для расследования сведений, поскольку они располагаются в изолированной области памяти, доступ к которой защищен паролем, биометрическим «отпечатком» или вовсе скрыт программным путем. Криминалистическое исследование данных, расположенных во «втором пространстве», как правило, производится тем же набором средств и методов, которые используются при анализе основного пространства операционной системы мобильного устройства, но если осмотр основного профиля пользователя осуществляется по типовой методике проведения осмотра средства связи, то выявление и исследование изолированной среды требует существенно больших временных и интеллектуальных затрат.

² Справочник следователя : научно-методическое пособие (электронный формат). М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023. Т. 1. С. 155 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4939086> (дата обращения: 01.04.2026).

Для разработки эффективной методики осмотра изолированных пользовательских профилей мобильных средств связи необходимо понимание технической реализации скрытых сред на уровне операционной системы устройства. Изолированные профили в мобильных средствах связи реализуются на уровне пользовательских пространств (User space), файловых систем (Sandboxing) или криптографической изоляции (Encryption keys per profile) [2, р. 180; 3, р. 470]. Например, в устройствах марки Samsung реализована аппаратно защищенная среда Knox Secure Folder [4, р. 74], в устройствах марки Xiaomi формируется отдельный пользователь с собственной файловой системой MIUI Second Space [5, р. 256], а в устройствах Huawei и Honor – изолированная среда Magic UI Private Space [6, р. 19].

Не останавливаясь подробно на особенностях разграничения прав доступа в мобильных операционных системах, необходимо отметить, что в основе функционала «второго пространства», как правило, лежит штатный механизм операционной системы семейства Android – многопользовательский режим Multiuser или профили с управляемыми привязками Managed Profiles; согласно документации Android Open Source Project (AOSP) каждому пользователю выделяется отдельная директория в каталоге устройства /data/user и собственное изолированное хранилище³. Приложения, установленные в изолированном профиле, не имеют доступа к данным основного пользователя, что позволяет программным путем «создать» два формально независимых устройства на одном физическом носителе. Данный факт подтверждается популярной современной практикой установки пользователями мобильных устройств во «второе пространство» приложений, функционирование которых по определенным причинам обязательно, но нежелательно с точки зрения обеспечения безопасности личных данных.

Криминалистически значимым при исследовании «второго пространства» мобильного устройства является то, что данные изолированного профиля не удаляются при сбросе настроек основного профиля и требуют

³ Операционная система с открытым исходным кодом «Android» (Open Source Project (AOSP)) [Электронный ресурс]. URL: <https://source.android.com/?hl=ru> (дата обращения: 25.03.2026).

отдельного форматирования раздела данных. Однако при стандартном подключении устройства к компьютеру, например, через режим MTP (от англ. media transfer protocol – протокол передачи мультимедиафайлов), пользователь видит только файлы активно-го в данный момент профиля.

Производители различных устройств внедряют собственные программные решения, которые модифицируют стандартную архитектуру операционной системы, что требует дифференцированного подхода к осмотру мобильных средств связи. Для эффективного выявления криминалистически значимых сведений при проведении осмотра устройств с целью обнаружения «второго пространства» необходимо владеть комплексом знаний и навыков, которые в ряде случаев могут обеспечить исследование (осмотр) мобильного средства связи без проведения экспертизы. Для этого необходимо различать модификации различных архитектур построения рассматриваемого функционала.

Так, например, для устройств марки Samsung (архитектура Knox Secure Folder) «второе пространство» создает изолированный контейнер на уровне ядра KNOX, шифруемый аппаратным ключом eSE. Данные внутри изолированной среды не видны при стандартном логическом извлечении без ввода пароля от скрытой папки или без использования специализированных криминалистических средств, способных обходить защиту ядра KNOX. Стоит также отметить, что в моделях устройств с операционной системой Android версии 13 и выше обход шифрования программными средствами, как правило, в настоящее время вообще невозможен.

Для устройств Xiaomi реализован полноценный второй пользовательский профиль, при этом переключение между пространствами осуществляется через меню «Настройки» или отдельный ярлык. Отличительной особенностью данных устройств является то, что файловая система «второго пространства» монтируется только при активном входе в него. При осмотре устройства, находящегося в «первом пространстве», данные «второго пространства» в общем хранилище не отображаются.

Для устройств Huawei и Honor реализация изолированного пространства максимально

схожа с MIUI Second Space от Xiaomi, но имеет особенность, связанную с возможностью полного сокрытия входа во «второе пространство» из настроек основного профиля, при этом для открытия скрытого профиля требуется ввод кода доступа в номеронабирателе или активация режима специально настроенным жестом.

Сам факт наличия изолированного профиля может быть установлен без доступа к его содержимому, для этого в ходе осмотра мобильного средства связи необходимо обращать внимание, например, на следующие цифровые «артефакты»:

- списки приложений App List, в которых могут фигурировать системные приложения или системные «менеджеры» изолированного пространства;

- файловая система с наличием, например, таких директорий, как /data/user/10 и т. п., если устройство было изъято в состоянии, позволяющем получить доступ к корневой файловой системе;

- логи установки Package Manager с записями о том, что приложение было установлено или запущено в профиле другого пользователя.

На практике выявление, равно как и осмотр «второго пространства», осложняется факторами, связанными с отсутствием явных признаков его наличия в интерфейсе устройства, скрытым режимом активации изолированной среды и маскировкой среды под системные функции. Косвенными признаками наличия «второго пространства» в ряде случаев могут выступать: наличие нескольких пользователей в системе, увеличенный объем занятой памяти на устройстве, наличие большого количества системных журналов (файлы logs), артефакты в файловой системе вида /data/system/users/ и т. п.

Основанием для производства осмотра мобильного средства связи является наличие у следователя достаточных данных о том, что в ходе процессуального действия будет получена информация, имеющая доказательственное значение для уголовного дела.

Осмотр мобильного средства связи проводится следователем, дознавателем, руководителем следственного органа либо органом дознания как по возбужденному уголовному делу, так и при проверке сообщения о преступлении, при этом понятые принимают участие

в данном следственном действии по усмотрению следователя (в отсутствие понятых применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия обязательно). Для участия в осмотре мобильного средства связи при необходимости может приглашаться лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК РФ), – специалист. Зачастую именно от знания косвенных признаков наличия скрытых пространств в устройстве зависит необходимость приглашения специалиста, который в дальнейшем окажет помощь в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления, в том числе при выявлении скрытых «признаков» осматриваемого средства.

При проведении осмотра мобильного устройства необходимо строго соблюдать правила обращения с техническими средствами, учитывая перспективу их дальнейшего экспертного исследования [7, с. 78]. В некоторых случаях проводить осмотр средства связи допустимо только после проведения экспертизы, чтобы исключить возможность утраты информации или изменения свойств осматриваемого объекта.

Отдельной проблемой при проведении осмотра мобильных средств связи и изолированных пользовательских профилей мобильных устройств является установление или получение от владельца кода (пароля) как от основного, так и от «второго пространства». В судебной практике сложился условный подход, согласно которому отказ от предоставления кода доступа к телефону или изолированному профилю (если есть основания полагать, что там хранятся криминалистически значимые сведения) может расцениваться как воспрепятствование производству следственных действий [8, с. 96]. Однако следует помнить, что отказ в предоставлении следствию доступа к мобильному устройству не может считаться подтверждением вины его владельца, поскольку это нарушает презумпцию неви-

новности и конституционное право граждан на защиту своих прав и свобод (в виде правила *nemo tenetur* – права не свидетельствовать против себя)⁴ [9, с. 51]. В случае принятия за истину тезиса, что пароль – нейтральный ключ к доказательствам, попытка установить его не является истребованием цифровых данных. Таким образом, важно помнить, что обвиняемый защищен не только от непосредственно уличающих вопросов, он имеет более широкое право – на молчание [10, с. 70].

Если подозреваемый отказывается предоставить пароль, следователь не имеет права самостоятельно применять программные средства для подбора кода доступа, но вправе направить устройство на экспертизу, где эксперт, обладающий специальными знаниями и необходимыми программными средствами, может извлечь данные из изолированного профиля в рамках производства экспертизы. Если у следователя имеется пароль доступа к основному и (или) «второму пространству», можно руководствоваться следующим алгоритмом действий.

1. Перевести устройство связи в авиарежим для недопущения изменения текущего его состояния и удаленного уничтожения информации⁵.

2. Подключить устройство к сети питания (по возможности).

3. Установить (со слов задержанного либо иным способом) и внести в протокол пароль доступа к устройству.

4. Провести в присутствии понятых сброс парольной защиты для обеспечения дальнейшего свободного входа в мобильное устройство.

5. Проверить наличие на устройстве изолированных пользовательских профилей.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4; Приговор по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Рекомендации по взаимодействию органов предварительного следствия, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений при необходимости экспертного исследования материалов, включающих интернет-переписку участников организованных групп, по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России; Следственный департамент МВД России; ГУНК МВД России, 2020. С. 17.

6. Выявить признаки наличия изолированного пользовательского профиля на мобильном средстве связи навигацией в меню настроек операционной системы.

6.1. Проверить в меню «Настройки», пункт «Пользователи и аккаунты», наличие записей «Гость», «Второе пространство» или «Безопасная папка», проверить список установленных приложений на наличие разделов Secure Folder, Second Space, Parallel Space, Shelter и т. п., а также шторки уведомлений на наличие иконки переключения профилей пользователей.

6.2. Извлечь информацию (если изолированный профиль активен (например, устройство находится в «безопасной папке» при изъятии) или подозреваемый добровольно предоставил доступ – производится фото- или видеосъемка содержимого), зафиксировать приложения внутри изолированного профиля.

6.3. Составить перечень файлов, расположенных в загрузках, галерее, данных в телефонной книге и прочих криминалистически значимых сведений.

7. Проверить сервисы и мессенджеры, функционирующие на момент осмотра, отключить в настройках функцию автоматического удаления сообщений (при обнаружении защищенных паролем сервисов и мессенджеров установить пароль и внести его в протокол).

8. Зафиксировать переписку и другую значимую информацию путем создания снимков экрана или фотосъемки изображений на экране осматриваемого устройства.

9. Проверить историю установленных на устройстве браузеров в целях определения посещаемых веб-ресурсов.

10. При выявлении запрещенных веб-ресурсов установить и зафиксировать в протоколе пользовательские учетные данные для доступа к ним.

11. Проверить устройство на наличие программного обеспечения, способного отслеживать действия пользователя, в случае обнаружения принять меры для его отключения.

12. Осмотреть перечень программного обеспечения, фиксирующего заметки пользователя, календари, ежедневники, файлы и документы на наличие в них учетных данных, а также другой значимой информации.

13. Проверить хранилище графических изображений на наличие фотоизображений,

а также иной информации, позволяющей изобличить преступника.

14. По результатам осмотра составить протокол осмотра предмета (мобильного средства связи) с приложением фототаблиц.

15. В случае невозможности извлечения данных из-за блокировки устройства вынести постановление о назначении компьютерно-технической экспертизы.

При описании внешнего вида телефона в протоколе осмотра следует отразить: наименование, марку, размеры, цвет, конструкцию, материал, из которого изготовлено устройство; модель и ее характеристики; фоновый рисунок или иные особенности визуального отображения; имя владельца на дисплее; наличие повреждений; наличие изолированных пользовательских профилей [11, с. 47].

В ходе проведения осмотра мобильного средства связи следует также установить:

- уникальный IMEI-код (от англ. international mobile equipment identity – международный идентификатор мобильного оборудования) средства связи путем набора на мобильном устройстве комбинации *#06# [12, с. 23];

- абонентский номер, идентифицирующий элемент сети связи, путем набора комбинации клавиш, определенной оператором связи;

- информацию о соединениях между абонентскими устройствами, например, путем создания личного кабинета пользователя, использования приложения от оператора связи либо веб-версии личного кабинета абонента с целью извлечения детализации разговоров и обмена сообщениями (с письменного согласия владельца);

- данные об IP-адресе и MAC-идентификаторе, количестве слотов для SIM-карты, видах операторов, определенных устройством, и IMEI-кодах путем детального осмотра технического средства встроенными средствами операционной системы;

- сохраненные данные о беспроводных устройствах и подключениях (в разделе расширенных свойств имеются данные о MAC-адресе устройства, с которого осуществлялась раздача, и выделенный IP-адрес);

- данные об аккаунте и привязанных банковских картах, в том числе виртуальных электронных кошельках (в приложениях, мессенджерах).

Установленный IMEI-код сразу же в ходе осмотра можно проверить путем использования специальных сервисов (например, на сайте <https://www.imei.info>)⁶. Широкий спектр возможностей позволяет не только удостовериться в действительности IMEI-кода технического средства без постороннего вмешательства в программное обеспечение, но и перепроверить в базах данных информацию о его утере или хищении. Полученная информация отражается в протоколе с описанием процедуры получения сведений.

Информация о соединениях между абонентами может быть получена в ходе как осмотра сотового телефона путем использования подключенного личного кабинета, так и направления запроса оператору связи. При направлении запроса следует требовать информацию о базовых станциях с указанием азимутов обслуживания абонента. Кроме того, возможно использование сайтов, позволяющих установить координаты базовых станций, определить с помощью карт, размещенных в сети Интернет, местонахождение абонента.

Представленный порядок осмотра мобильных устройств с отражением особенностей выявления и исследования изолированных пользовательских профилей имеет прикладное значение для практики расследования киберпреступлений, обеспечивая преодоление разрыва между техническими возможностями сокрытия криминалистически значимой информации и механизмами ее поиска, фиксации, извлечения, исследования и проверки, позволяя в ряде случаев подтвердить факт наличия скрытого раздела памяти еще до получения доступа к его содержимому.

Стоит обратить особое внимание на то, что мобильные устройства под управлением операционной системы Android популярны у лиц, совершающих киберпреступления, что имеет определенные основания, которые необходимо учитывать при разработке криминалистических методик расследования указанных преступных деяний.

Привлекательность любой технологической платформы для киберпреступников определяется рядом факторов, например, рас-

пространенностью ее использования, средствами или возможностями, предоставляемыми данной платформой. Операционная система Android – единственная мобильная программная оболочка, в которой указанные факторы достигают уровня, сопоставимого с экосистемой Windows от Microsoft, позволяющей гибко настраивать программные средства под конкретные нужды пользователя и варьировать установкой сборок (прошивок или кастомных версий программного обеспечения), ориентированных на обеспечение анонимности в сети Интернет.

Мотив киберпреступников при выборе мобильных средств под управлением системы Android для использования в противоправной деятельности обусловлен масштабом пользовательской базы. По официальным статистическим данным сервиса веб-аналитики StatCounter, устройства на базе Android занимают доминирующее положение на мировом рынке мобильных устройств (более 68 % от общего объема мобильных систем)⁷, что создает сравнительно большую выборку доступных для эксплуатации устройств.

Кроме того, в системе Android представлен широкий арсенал программируемых средств, который может использоваться киберпреступниками, что обусловлено архитектурными особенностями программной оболочки, в частности открытостью экосистемы (в отличие от системы iOS, где распространение приложений контролируется через магазин приложений App Store с обязательной верификацией личности разработчика, система Android позволяет устанавливать программное обеспечение из любых источников). Наличие таких преимуществ, в частности инструментов клонирования и изоляции рабочих пространств и разделения учетных записей в системе Android, активно используется преступниками для создания защищенных сред в противоправных целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный криминалистический алгоритм осмотра мобильных средств связи с

⁶ Сервис проверки IMEI-номеров мобильных средств связи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imei.info> (дата обращения: 25.03.2026).

⁷ Mobile Operating System Market Share Worldwide (February 2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/mobile/worldwide> (дата обращения: 25.03.2026).

отражением возможности выявления и осмотра изолированных профилей представляет собой своеобразный «отклик» на комплекс вызовов, порожденных архитектурными особенностями преобладающей в настоящее время в технических средствах киберпреступников операционной системы Android.

Прикладное значение исследования заключается в возможности использования адаптированного под нужды практики алгоритма действий при обнаружении признаков наличия изолированного профиля в мобильном средстве связи, включающего фиксацию факта «второго пространства» и порядок действий по его осмотру.

С развитием мобильных операционных систем и внедрением аппаратных модулей защиты классические методы логического извлечения данных [13, с. 120] становятся менее эффективными, кроме того, в обозримом будущем прогнозируется увеличение доли устройств, где изолированные профили будут защищены специальными чипами безопасности eSE [14, р. 301928], не поддающимися программному обходу даже в условиях экспертного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что изолированные профили мобильных средств связи, представляя собой довольно сложные объекты для криминалистического исследования, требуют от следователя и специалиста не только знания порядка проведения осмотра основного пространства мобильного устройства или процессуальных особенностей фиксации, изъятия или исследования цифровых следов из защищенных контейнеров без нарушения целостности доказательственной информации, но и понимания процессуальных границ допустимого вмешательства, владения знаниями о файловой системе и архитектуре операционной системы Android, принципов их функционирования, механизмов шифрования данных внутри изолированных сред, методов их обнаружения и «обхода» программных барьеров. Соответственно, разработанный алгоритм осмотра мобильных средств связи с функцией изолированных пользовательских профилей является одним из составных элементов системы противодействия киберпреступности в условиях доминирования на рынке Android-устройств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2026. – 928 с.
2. Tiwari M. Technical Challenges of Encryption in Mobile Forensics / M. Tiwari, S. Thapaliya // *International Journal of Multidisciplinary and Innovative Research*. – 2025. – Vol. 12 (6). – P. 178–183.
3. Patel B. A Survey on Mobile Digital Forensic: Taxonomy, Tools, and Challenges / B. Patel, P. Mann // *Security and Privacy*. – 2025. – Vol. 8 (2). – P. 470–478.
4. Heasley J.S. Anti-forensics for Mobile Devices: Exploring Apps Encountered by Digital Forensic Investigators: diss. Master of Science degree / J.S. Heasley. – West Lafayette (Purdue University Graduate School), 2025. – 107 p.
5. Fakhriansyah A. Development of Xiaomi Product Mobile Forensic Acquisition Framework on Second Space Features Based on SNI/ISO 27037:2014 / A. Fakhriansyah, A. Luthfi // *Jurnal Infotel*. – 2024. – Vol. 16 (2). – P. 255–272.
6. Liu H. Safeguarding user security and privacy: seeing through communications and obfuscating network activities: diss. Doctor of Philosophy degree / H.Liu. – Edinburgh (Institute of Computing Systems Architecture), 2023. – 197 p.

REFERENCES

1. Averianova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensic Science. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2026. 928 p.
2. Tiwari M., Thapaliya S. Technical Challenges of Encryption in Mobile Forensics. *International Journal of Multidisciplinary and Innovative Research*, 2025, vol. 12 (6), pp. 178–183. (In English).
3. Patel B., Mann P. A Survey on Mobile Digital Forensic: Taxonomy, Tools, and Challenges. *Security and Privacy*, 2025, vol. 8 (2), pp. 470–478. (In English).
4. Heasley J.S. Anti-forensics for Mobile Devices: Exploring Apps Encountered by Digital Forensic Investigators. *Master Diss.* West Lafayette (Purdue University Graduate School), 2025. 107 p.
5. Fakhriansyah A., Luthfi A. Development of Xiaomi Product Mobile Forensic Acquisition Framework on Second Space Features Based on SNI/ISO 27037:2014. *Jurnal Infotel*, 2024, vol. 16(2), pp. 255–272. (In English).
6. Liu H. Safeguarding User Security and Privacy: Seeing Through Communications and Obfuscating Network Activities. *Doct. Diss.* Edinburgh (Institute of Computing Systems Architecture), 2023. 197 p.

7. Максимович А.Б. Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Б. Максимович. – Москва, 2018. – 251 с.

8. Скобелин С. Ю. Возможности получения криминалистически значимой информации при осмотре мобильных средств связи и пределы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки / С. Ю. Скобелин // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – 2017. – № 1. – С. 89–98.

9. Третьякова Е.И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации / Е.И. Третьякова // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2018. – № 3 (13). – С. 49–51.

10. Коновалов С.Г. Содействие обвиняемого в разблокировке его смартфона: допустимо ли принуждение? / С.Г. Коновалов // Закон. – 2025. – № 2. – С. 69–80.

11. Особенности проведения проверки сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.С. Латыпов, Э.Д. Нугаева, З.И. Харисова, Т.С. Соколова. – Москва : Мир науки, 2026. – 85 с.

12. Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием мобильной связи : учебное пособие / О.П. Грибунов, М.В. Старичков, А.А. Шаевич и др. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел РФ, 2018. – 44 с.

13. Головчанский А.В. Техничко-криминалистическое обеспечение производства следственных действий, связанных с изъятием и осмотром мобильных средств сотовой связи / А.В. Головчанский // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – 2015. – № 1. – С. 118–123.

14. Song S. Forensic recovery via chip-transplantation in Samsung smartphones / S. Song, Y. Hongseok, E. Lee // Forensic Science International: Digital Investigation. – 2025. – Vol. 53 (1). – P. 301926–301936.

7. Maksimovich A.B. Cellular Communication Equipment as an Object of Forensic Research. *Cand. Diss.* Moscow, 2018. 251 p.

8. Skobelin S.Yu. The Possibility of Obtaining a Forensically Relevant Information During the Inspection of Mobile Communication Devices of Participants of Criminal Proceedings and Limits of Constitutional Rights of Citizens to Privacy of Correspondence. *Crime in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies: Problems of Prevention, Detection, and Investigation of Crimes*, 2017, no. 1, pp. 89–98. (In Russian).

9. Tretyakova E.I. Mobile Phone as a Source of Forensically Significant Information. *Bulletin of the Ural Financial and Law Institute*, 2018, no. 3 (13), pp. 49–51. (In Russian).

10. Konovalov S.G. Assistance of the Accused in Unlocking His Smartphone: Is Coercion Acceptable? *Zakon*, 2025, no. 2, pp. 69–80. (In Russian).

11. Latypov V.S., Nugaeva E.D., Kharisova Z.I., Sokolova T.S. Features of the Verification of Reports of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Technologies. Moscow, Mir nauki Publ., 2026. 85 p.

12. Gribunov O.P., Starichkov M.V., Shaevich A.A. et al. Investigation of Fraud Committed Using Mobile Communications. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2018. 44 p.

13. Golovchansky A.V. Technical and Forensic Support for Investigative Actions Related to the Seizure and Inspection of Mobile Cellular Devices. *Crime in the Field of Information and Telecommunication Technologies: Problems of Prevention, Detection and Investigation of Crimes*, 2015, no. 1, pp. 118–123. (In Russian).

14. Song S., Hongseok Y., Lee E. Forensic Recovery Via Chip-Transplantation in Samsung Smartphones. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2025, vol. 53 (1), pp. 301926–301936. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харисова Зарина Ирековна – доктор юридических наук, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharisova Zarina Irekovna – Doctor of Sciences (Law), Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 30.04.2026. The article was submitted 01.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья

УДК 340.154

DOI 10.33184/pravgos-2026.3.14

Original article

БРОННИКОВА Екатерина АлексеевнаВоенная ордена Жукова академия
войск национальной гвардии
Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,
e-tupikina@mail.ru**BRONNIKOVA Ekaterina Alekseevna**Order of Zhukov Military Academy of the
National Guard of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗРЕШЕНИЯ
СПОРОВ В МЕДИАТОРСКИХ СУДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF DISPUTE RESOLUTION IN MEDIATION COURTS
OF THE RUSSIAN EMPIRE (18TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Аннотация. Актуальность исследования медиаторских судов в Российской империи обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: в современной правовой системе России наблюдается повышенный интерес к альтернативным способам разрешения споров, что проявляется в развитии института медиации, внедрении примирительных процедур в гражданский и арбитражный процесс, однако исторические корни этих институтов остаются недостаточно изученными, что создает пробел в понимании преемственности правовых традиций. Цели: определить место института медиаторских судов в судебной системе Российской империи; выявить особенности их правового регулирования и практики применения на основании комплексного историко-правового анализа. Методы: следуя методологическим подходам, представленным в работе В.С. Горбаня и С.В. Маликова [1], в основу настоящего исследования положен комплекс методов историко-правовой науки. Историко-правовой метод применен для реконструкции процессов возникновения, развития и упразднения примирительных процедур в контексте эволюции судебной системы Российской империи; сравнительно-правовой позволил сопоставить институты совестного и медиаторского судов, выявить их соотношение с современными примирительными процедурами. Результаты исследования: проведен комплексный анализ процес-

Abstract. The relevance of studying mediation courts in the Russian Empire is driven by several interrelated factors. In the modern Russian legal system, there is a growing interest in alternative dispute resolution, manifested in the development of the institution of mediation and the integration of conciliation procedures into civil and arbitration proceedings. However, the historical roots of these institutions remain insufficiently explored, creating a gap in the understanding of the continuity of legal traditions. Purposes: to determine the position of mediation courts within the judicial system of the Russian Empire and to identify the specific features of their legal regulation and practical application through a comprehensive historical and legal analysis. Methods: following the methodological approaches proposed by V.S. Gorban and S.V. Malikov [1], this study is based on a complex of historical and legal methods. The historical-legal method was employed to reconstruct the emergence, development, and abolition of conciliation procedures within the context of the evolution of the judicial system of the Russian Empire. The comparative legal method enabled a comparison between the institutions of the "conscience court" (sovestny sud) and mediation courts, as well as an analysis of their relationship with modern conciliation procedures. Research results: the study provides a comprehensive analysis of the procedural activities of mediation courts as

суальной деятельности медиаторских судов как самостоятельного института примирительного правосудия в Российской империи; систематизированы и классифицированы нормативные акты, регулировавшие деятельность медиаторских судов в XVIII–XIX вв.; выявлены особенности функционирования медиаторских судов в городских поселениях и национальных регионах империи; определена роль медиаторских судов в интеграции традиционных правовых систем народов Российской империи в общеимперскую правовую систему.

Ключевые слова: медиаторские суды, примирительные процедуры, Российская империя, альтернативное разрешение споров, Судебная реформа 1864 г., Устав гражданского судопроизводства

Для цитирования: Бронникова Е.А. Историко-правовая характеристика разрешения споров в медиаторских судах российской империи (XVIII – начало XX века) / Е.А. Бронникова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 119–126.

an autonomous institution of conciliatory justice in the Russian Empire. It systematizes and classifies the legislation governing the activities of mediation courts during the 18th–19th centuries, identifies the specifics of their functioning in urban areas and national regions, and defines their role in integrating the traditional legal systems of the peoples of the Russian Empire into the unified imperial legal framework.

Keywords: mediation courts, conciliation procedures, Russian Empire, alternative dispute resolution, Judicial reform of 1864, Charter of Civil Procedure

For citation: Bronnikova E.A. Historical and Legal Aspects of Dispute Resolution in Mediation Courts of the Russian Empire (18th – Early 20th Centuries). *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 119–126. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.14.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема исследования заключается в противоречии между значительным историческим опытом применения примирительных процедур в Российской империи и его неполным научным осмыслением. Несмотря на наличие отдельных исследований, посвященных истории примирительных процедур, совестным судам и Судебной реформе 1864 г., комплексный анализ медиаторских судов как самостоятельного института не проводился. Недостаточно изучены региональные особенности функционирования медиаторских судов в национальных окраинах империи.

Противоречия в научном знании проявляются в различных подходах к определению правовой природы медиаторских судов. Одни исследователи рассматривают их как разновидность третейских судов, другие – как форму судебного посредничества, третьи – как переходный институт между традиционным правом и государственной юстицией. Не решен вопрос о степени влияния медиаторских судов на формирование современной системы альтернативного разрешения споров в России. Указанные противоречия определяют необходимость системного историко-правового

исследования, которое позволило бы не только восполнить пробел в описании института, но и предложить обоснованную квалификацию его правовой природы.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИАТОРСКИХ СУДОВ в Российской империи

История примирительных процедур в России имеет глубокие корни. Упоминания об институте посредничества встречаются в различных источниках XI в. Так, Русская Правда содержит сведения о суде общины, который действовал наряду с княжеским судом, а княжеские наместники выполняли функцию посредников в заключении мировых сделок¹. Однако становление медиаторских судов как самостоятельного института связано именно с имперским периодом.

Первое законодательное использование термина «медиатор» в значении «посредник» в российском праве относится к 1727 г. [2]. В это время медиаторские суды еще не имели четкой организационной структуры и процессуальной регламентации. Их деятельность основывалась преимущественно на обычаях и

¹ Русская Правда: Пространная редакция // Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952. С. 77–124.

традициях, а состав формировался из наиболее авторитетных членов общины.

Большое значение для становления примирительных процедур на территории Российского государства имело Учреждение для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. Данным нормативным актом учреждались совестные суды, которые стали прототипом медиаторских судов².

В основе деятельности совестных судов лежали принципы гуманизма, милосердия и человеколюбия. К их юрисдикции относилось рассмотрение малозначительных правонарушений, при этом приоритетное значение отдавалось примирению тяжущихся сторон. Несмотря на то что совестные суды были наделены отдельными полномочиями, собственными третейскому разбирательству и прокурорскому надзору, их основной функцией оставалось достижение мирового соглашения между участниками конфликта.

К началу XIX в. медиаторский суд приобретает четкие очертания третейского суда. Несмотря на усложнение судопроизводства, главным оставалось неизменное согласие сторон на разрешение спора через посредничество. В этот период происходит формализация процедуры: устанавливаются критерии действия института, включая состав, область применения, сроки рассмотрения дел [3].

Судебная реформа 1864 г. стала переломной вехой в развитии примирительных процедур в Российской империи. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. содержит отдельную главу, которая регулировала процедуры примирительного разбирательства³. Согласно Уставу суд должен был активно содействовать примирению сторон, выступая в качестве посредника. Были введены такие примирительные процедуры, как судебная медиация и посредничество, в ходе которых посредник обязан был разъяснять сторонам законы и высказывать свое мнение по мировому соглашению.

Нормативные положения Устава гражданского судопроизводства узаконили возможность достижения сторонами мирового соглашения на любой стадии судебного разби-

рательства. В ст. 1359 указанного документа были регламентированы две основные формы реализации мировых соглашений: посредством мировой записи, представляемой для засвидетельствования нотариусу либо мировому судье; через составление мирового протокола непосредственно в ходе судебного заседания при рассмотрении дела по существу.

Судебная реформа ознаменовалась учреждением института мировой юстиции – низшего звена в структуре судебных органов. Мировые суды формировались на выборной основе, характеризовались всесословностью и процессуальной самостоятельностью, а их приоритетной задачей, наряду с обеспечением и поддержанием общественного порядка и спокойствия, было примирение тяжущихся сторон. Компетенция мирового судьи ограничивалась рассмотрением малозначительных гражданских дел в единоличном порядке, причем ключевую роль в его деятельности играли примирительные процедуры.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИАТОРСКИХ СУДОВ

Правовое регулирование медиаторских судов в Российской империи прошло несколько хронологических этапов, каждому из которых соответствует своя группа законодательных актов. Первый этап (1727–1775) характеризуется фрагментарным регулированием – медиаторские суды упоминались в отдельных указах без детальной регламентации их деятельности.

Указ 1727 г., впервые использовавший термин «медиатор», не содержит подробных правил организации и функционирования медиаторских судов [2]. В рассматриваемый период их деятельность регулировалась преимущественно обычаями и традициями, а правовой статус посредников определялся их общественным авторитетом.

Второй этап (1775–1864) связан с созданием совестных судов. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. устанавливало принципы деятельности этих судов. Согласно указанному акту совестные суды должны были рассматривать дела «по совести», руководствуясь принципами справедливости и человеколюбия. Хотя

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 20. № 14392. С. 400–405.

³ Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения: 20.02.2026).

в Учреждении не использовался термин «медиаторский суд», многие исследователи рассматривают совестные суды как непосредственных предшественников медиаторских судов. Этот факт подтверждается архивными документами, среди которых Указ Его Императорского Величества от 20 мая 1831 г. «Общие собрания департаментов Сената. 1828 год. О разборе медиаторским судом дел по спорам о содержании винных откупов»⁴.

В соответствии с указом Государственный совет, составив проект закона о третейском суде, утвержденный 15 апреля 1831 г., обращается к частному случаю, переданному на рассмотрение докладом Правительствующего Сената совместно с указанным законопроектом. Вопрос касался порядка понуждения участников споров, вытекающих из обязательств по «содержанию прежних винных откупов», к явке для разбирательства в медиаторский суд.

Государственный совет, рассматривая данный вопрос, исходил из того, что посреднические разбирательства, применявшиеся в сфере винных откупов, не основывались на формальных юридических актах (записях), следовательно, по своей правовой природе не могли быть отождествлены с институтом третейского суда. Употребление по отношению к ним данного термина Совет квалифицировал как следствие понятийной неточности, допущенной из-за смешения различных правовых категорий.

Исходя из изложенного, Совет заключил, что коллизия, ставшая предметом рассмотрения Правительствующего Сената, подлежит разрешению не на основе генеральных норм законодательства о третейском судопроизводстве, а в соответствии со специальными предписаниями, содержащимися непосредственно в тексте откупных условий. Поскольку на момент спора между мещанином Поповым и управляющим откупом тобольского купца Кузнецова точная процессуальная норма отсутствовала, данный казус было признано необходимым урегулировать индивидуально.

На основании приведенных суждений Государственный совет постановил: в процессе официального опубликования общего закона о третейских судах дать разъяснение, что

предложенная в упомянутом сенатском докладе мера – установление шестимесячного срока для явки сторон в медиаторский суд с последующим признанием неявившихся виновными в соответствии с нормами Указа от 5 ноября 1723 г. – признается Советом юридически корректной и достаточной для урегулирования соответствующих правоотношений за истекший (минувший) период. Данная позиция дополнительно аргументируется тем, что вероятность возникновения аналогичных споров в будущем полностью исключена, поскольку начиная с 1807 г. во всех последующих откупных условиях институт так называемых посреднических судов был повсеместно заменен судами при полиции.

Третий этап (1864–1917) начался с принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 г., который детально регламентировал примирительные процедуры. Глава 16 «О примирительном разбирательстве» устанавливала порядок разрешения споров через посредничество. Согласно ст. 1360–1365 Устава стороны могли по взаимному согласию выбрать одного или двух примирителей, которые должны были способствовать достижению мирового соглашения.

В соответствии с нормами Устава гражданского судопроизводства на примирителя-посредника возлагалась обязанность по заслушиванию объяснений сторон и разъяснению им соответствующих положений закона, после чего он излагал собственную позицию о целесообразности и условиях заключения мирового соглашения. Суду, в свою очередь, надлежало предпринимать активные действия, направленные на примирение тяжущихся. Примечательной особенностью нормативного регулирования выступало правило, закрепленное в ст. 1366 Устава, согласно которому дело, прекращенное заключением мирового соглашения, приобретало характер окончательно разрешенного и не подлежало возобновлению производством.

Устав торгового судопроизводства 1887 г. также содержал положения о примирительных процедурах⁵. Согласно Уставу стороны могли по своему усмотрению выбрать двух примирителей из состава суда, которые, вы-

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1330. Оп. 5. Д. № 96. Л. 15–16.

⁵ Устав судопроизводства торгового. СПб., 1832. С. 89–95.

слушав спорящих, разъясняли им нормы законодательства и высказывали свое мнение о возможном мирном разрешении спора без обращения в суд.

МЕДИАТОРСКИЕ СУДЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Особое правовое регулирование медиаторских судов действовало в национальных регионах Российской империи. В Кабарде, например, они функционировали на основе традиционных норм обычного права, которые постепенно интегрировались в общеимперскую правовую систему [4]. Решения медиаторских судов в XIX в. стали оформляться в письменном виде на русском языке, что свидетельствовало о процессе правовой интеграции.

Правовое регулирование медиаторских судов в Российской империи характеризовалось дуализмом: с одной стороны, существовали общеимперские нормы, с другой – сохранялись региональные особенности (как правило, в национальных окраинах). Этот дуализм отражал общую политику империи по интеграции разнородных правовых систем в единое правовое пространство.

Организационная структура медиаторских судов в Российской империи отличалась значительным разнообразием в зависимости от региона, периода и категории рассматриваемых дел. В городских поселениях медиаторские суды формировались из выборных представителей, которые должны были обладать авторитетом, беспристрастностью и знанием местных обычаев.

Для медиаторского суда была характерна изменчивость его состава. К выполнению функций посредников (медиаторов) привлекались наиболее уважаемые представители городского или общинного сообщества вне зависимости от сословной принадлежности. Отбор кандидатов осуществлялся на основе их общественного авторитета, а также наличия репутации беспристрастных и рассудительных лиц, способных к объективному разрешению конфликтов. В отдельных ситуациях медиаторами выступали священнослужители, купцы либо дворяне, однако преобладающей практикой являлось делегирование посредников путем выборов от всех

существовавших сословий. Подобный подход обеспечивал сочетание профессионального и общественного начал в деятельности примирительной инстанции.

Процессуальные особенности включали несколько ключевых элементов. Во-первых, обязательным условием было добровольное согласие обеих сторон на разрешение спора через посредничество. Без такого согласия медиаторский суд не мог приступить к рассмотрению дела.

Во-вторых, процедура отличалась неформальностью и гибкостью. Медиаторы не были связаны строгими процессуальными правилами, характерными для государственных судов. Они могли проводить заседания в удобное для сторон время, в подходящем месте (часто – в доме одного из медиаторов или в общественном здании), использовать упрощенные формы ведения процесса.

В-третьих, медиаторы выполняли не только судебные, но и примирительные функции. Их задача заключалась не столько в вынесении решения, сколько в содействии достижению компромисса между сторонами. Медиаторы выступали в роли посредников, помогающих сторонам найти взаимоприемлемое решение, учитывая их интересы и возможности.

В-четвертых, решения таких судов основывались не только на нормах права, но и на принципах справедливости, обычаях, моральных нормах. В мусульманских регионах медиаторы руководствовались нормами обычного права и шариата, которые часто имели большее значение, чем имперское законодательство [4].

В-пятых, исполнение решений медиаторских судов обеспечивалось не государственным принуждением, а общественным мнением и авторитетом медиаторов. Стороны, согласившиеся на рассмотрение дела медиаторским судом, обычно добровольно исполняли его решения, так как отказ от исполнения мог привести к потере репутации в обществе.

Процессуальное регулирование медиаторских судов в соответствии с Судебной реформой 1864 г. включало формализацию некоторых элементов процедуры. Устав гражданского судопроизводства устанавливал, что мировое соглашение, достигнутое с помощью посредников, должно было оформляться в письменной форме и утверждаться судом.

Это придавало решениям медиаторских судов юридическую силу и обеспечивало возможность принудительного исполнения через государственные органы.

Особый интерес представляет функционирование медиаторских судов в национальных регионах Российской империи, где они выступали в качестве инструмента интеграции традиционных правовых систем в общеимперское правовое пространство. Наиболее изученным регионом в этом отношении является Кабарда, где медиаторские суды играли значительную роль в правоприменительной практике.

До включения Кабарды в состав Российской империи в 1825 г. традиционные судебные институты «хеезжа» и «хе» («хей») функционировали как третейские суды, разрешая все дела, кроме уголовных [4]. Эти суды основывались на нормах обычного права (ада-та) и пользовались большим авторитетом среди населения.

После интеграции в правовую систему Российской империи медиаторские суды Кабарды стали выполнять функцию связующего звена между традиционным правом и имперским законодательством. В ходе судебного разбирательства использовались лишь те элементы традиционного правового уклада кабардинцев, которые не вступали в противоречие с законодательством Российской империи. Вместе с тем медиаторские суды так и не стали полноправным звеном судебной системы Российской империи, оставшись институтом, имевшим вспомогательный характер.

В XIX в. значение медиаторских судов в правовой жизни кабардинцев возрастало. Показателем этого процесса стало то, что решения таких судов начали составлять в письменной форме на русском языке, и само его использование свидетельствовало о сближении местных правовых систем с общероссийской. В документах обязательно указывалась следующая информация: краткое содержание рассмотренного дела, сведения о медиаторах (имя, фамилия, социальное положение, должность и кем они были назначены), а также согласие сторон на то, что решение суда будет окончательным и обжалованию не подлежит. Документ заверялся подписями всех судей.

На территории Терской области в последней трети XIX – начале XX столетия сохраняли

актуальность традиционные способы разрешения конфликтов. Порядок их разрешения через посредников во многом напоминал те судебные обычаи, которые существовали в регионе до усиления российского влияния. При осуществлении посреднических функций медиаторы продолжали опираться на предписания обычного права и нормы шариата [4].

Функционирование медиаторских судов в Терской области отличалось отсутствием регулярности. Их заседания инициировались по мере обращения заинтересованных лиц с жалобами либо ходатайствами о проведении разбирательства. Право на обращение принадлежало как непосредственно потерпевшему и его родственникам, так и любым другим лицам, проявившим заинтересованность в разрешении конфликта. Персональный состав судей не был постоянным: функции медиаторов возлагались на наиболее уважаемых представителей аула.

Ключевая проблема судопроизводства в 20–40-е годы XIX в. заключалась в том, что российская администрация, упразднив в значительной мере институты традиционной власти на Северном Кавказе, одновременно ликвидировала и те механизмы воздействия, посредством которых медиаторы обеспечивали своевременное взыскание компенсаций с участников рассматриваемых ими конфликтов. Функцию гаранта исполнения решений, выносимых медиаторскими судами, отчасти приняли на себя официальные судебные инстанции Российской империи, действовавшие в регионах.

Вследствие указанных процессов произошло, например, сочетание традиционных компонентов правовой культуры кабардинцев и судебно-процессуальных установлений, включенных в ходе интеграции Кабарды в состав Российской империи. Медиаторские суды стали одним из механизмов этого сочетания, позволяя сохранять традиционные формы разрешения споров при постепенном внедрении имперских правовых норм.

Медиаторские суды оказали значительное влияние на развитие примирительных процедур в Российской империи, особенно после Судебной реформы 1864 г., что способствовало формированию современных представлений об альтернативных способах раз-

решения споров и легло в основу института мировой юстиции [5].

Мировые суды создавались как выборный, всесловный и самостоятельный суд, основной задачей которого было примирение сторон. Эта задача напрямую перекликалась с функциями медиаторских судов, которые тоже были ориентированы на достижение мирового соглашения.

Опыт медиаторских судов показал эффективность неформальных, гибких процедур разрешения споров, основанных на добровольном согласии сторон и направленных на достижение компромисса. Этот опыт был учтен при разработке Устава гражданского судопроизводства, который предусматривал упрощенные процедуры для мировых судов и поощрял примирение сторон [6].

В пореформенный период медиаторские суды продолжали существовать параллельно с официальной судебной системой прежде всего в национальных регионах. Их деятельность демонстрировала устойчивость традиционных форм разрешения споров, а востребованность у населения свидетельствовала о том, что формальная судебная система не всегда могла удовлетворить потребности людей в быстром, доступном и учитывающем местные особенности разрешении конфликтов.

Деятельность медиаторских судов оказала влияние на развитие судебной практики как источника права в России, несмотря на то что возможность использования судебной практики в качестве источника права появилась только во второй половине XIX в. в ходе проведения Судебной реформы [5]. Решения медиаторских судов фактически создавали прецеденты, которые учитывались при разрешении аналогичных споров.

Опыт интеграции традиционных правовых систем народов Российской империи в общеимперскую правовую систему имеет значение для современной теории и практики правового плюрализма. Он показывает, как возможно сочетание государственного права и традиционных норм, как можно обеспечить правовую интеграцию без полного уничтожения местных правовых традиций [7]. Многие принципы, на которых основывалась деятельность медиаторских судов: добровольность, конфиденциальность, нейтраль-

ность посредника, ориентация на интересы сторон – являются основополагающими для современной медиации.

Однако необходимо подчеркнуть различия между медиаторскими судами Российской империи и современными примирительными процедурами. Медиаторские суды были более формализованным институтом, часто имевшим квазисудебные полномочия, тогда как современная медиация представляет собой полностью внесудебную процедуру. Медиаторские суды часто выносили решения, которые стороны были обязаны исполнить, в то время как современные медиаторы лишь содействуют сторонам в выработке взаимоприемлемого решения.

Тем не менее анализ генезиса медиаторских судов показывает, что примирительные процедуры имеют глубокие корни в российской правовой традиции и могут быть эффективным инструментом разрешения споров. Этот опыт заслуживает внимания при разработке современных моделей медиации и совершенствовании законодательства об альтернативных способах разрешения споров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о природе, функционировании и значении медиаторских судов в Российской империи.

Медиаторские суды представляли собой уникальный историко-правовой институт, сочетавший элементы традиционного посредничества с формами имперского правосудия. Их возникновение и развитие обусловлено потребностью в доступных, быстрых и учитывающих местные особенности способах разрешения споров, которые не всегда могли обеспечить формальные государственные суды.

Организационные и процессуальные особенности медиаторских судов включали выборный состав, неформальность процедуры, ориентацию на достижение компромисса, использование норм обычного права и моральных принципов наряду с формальным законодательством. Исполнение решений обеспечивалось не государственным принуждением, а общественным мнением и авторитетом медиаторов.

В национальных регионах Российской империи, особенно на Кавказе, медиаторские суды играли важную роль в интеграции традиционных правовых систем в общеимперское правовое пространство. Они выступали связующим звеном между нормами адата, шариата и имперским законодательством, способствуя постепенной правовой интеграции без уничтожения местных правовых традиций.

Деятельность медиаторских судов оказала значительное влияние на развитие примирительных процедур в Российской империи, особенно после Судебной реформы 1864 г. Многие принципы и процедуры, апробированные в медиаторских судах, были инкорпорированы в Устав гражданского судопроизводства и легли в основу института мировой юстиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбань В.С. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли (по результатам заседания Президиума РАН от 9 сентября 2025 г.) / В.С. Горбань, С.В. Маликов // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 203–206.
2. Четырина Н.А. Практика медиаторского суда в городских поселениях в первой четверти XIX в. / Н.А. Четырина // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2022. – № 3. – С. 28–33.
3. Гараев М.А. История примирительных процедур в России / М.А. Гараев – DOI 10.47643/1815-1337_2023_12_368 // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12 (228). – С. 368–370.
4. Абазов А.Х. Интеграция медиаторских судов кабардинцев в правовую систему Российской империи в XIX в. / А.Х. Абазов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 4. – С. 185–188.
5. Карнишина Н.Г. Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. (к 150-летию принятия судебных уставов) / Н.Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. – 2014. – № 1 (29). – С. 69–76.
6. Баранов Ю.В. Судебная практика Московского совестного суда (1782–1861 гг.) / Ю.В. Баранов – DOI 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 67–73.
7. Елисеева Т.С. Развитие института медиации в отечественном праве: историко-правовой анализ / Т.С. Елисеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 3 (28). – С. 78–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бронникова Екатерина Алексеевна – адъюнкт.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bronnikova Ekaterina Alekseevna – Adjunct (Postgraduate Student).

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 27.03.2026. The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 27.03.2026; accepted for publication 27.03.2026.

REFERENCES

1. Gorban V.S., Malikov S.V. Formation of a Holistic Picture of Russian History: Synthesis of Archaeology, Historiography and Humanitarian Thought. *Gosudarstvo i pravo*, 2025, no. 12, pp. 203–206. (In Russian).
2. Chetyrina N.A. Practice of Mediator's Court in Urban Settlements of the First Quarter of the 19th Century. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*, 2022, no. 3, pp. 28–33. (In Russian).
3. Garaev M.A. The History of Conciliation Procedures in Russia. *Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 12 (228). pp. 368–370. DOI 10.47643/1815-1337_2023_12_368. (In Russian).
4. Abazov A.Kh. Integration of Kabardian Mediation Courts into the Legal System of the Russian Empire in the 19th Century. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 2012, no. 4, pp. 185–188. (In Russian).
5. Karnishina N.G. Juridical System of the Russian Empire Before the Reform of 1864 (Commemorating 150 Years of Juridical Statutes). *University Proceedings. Volga region. Humanities. History*, 2014, no. 1 (29), pp. 69–76. (In Russian).
6. Baranov Y.V. Judicial Practice of the Moscow Court of Conscience (1782–1861). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 67–73. DOI 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73/ (In Russian).
7. Eliseeva T.S. The Evolution of the Institution of Mediation in National Law: Historical and Legal Analysis. *Science Journal of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2015, no. 3 (28), pp. 78–82. (In Russian).

Научная статья
УДК 347.238.3
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.15

Original article

САЛЬНИКОВА Диана Радиковна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
D_Gareeva96@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-8404-3264>

SALNIKOVA Diana Radikovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОРЯДКА ПОЛЬЗОВАНИЯ ДОЛЯМИ В ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

ESTABLISHING THE PROCEDURE FOR THE USE OF RESIDENTIAL PREMISES
BY CO-OWNERS

Аннотация. Институт долевой собственности является эффективным механизмом обеспечения потребностей людей, однако начиная со времен Римской империи и до настоящего времени не решено значительное количество правовых проблем, связанных с названным институтом. Они вызывают острую полемику среди ученых-цивилистов и способствуют формированию разнородной правоприменительной практики. Цель исследования: установление способов распределения долей и порядка пользования долями в общем имуществе. Методы: системного анализа – для комплексного осмысления правовой природы долевой собственности; формально-юридический (догматический), использованный при изучении судебной практики; синтеза – для обобщения полученных теоретических и эмпирических данных с целью формирования авторской концепции правового регулирования. Результаты: установлено, что, по общим правилам, доли между сособственниками распределяются равномерно; определены основания для неравномерного распределения долей; предложена авторская позиция по вопросу осуществления правомочия собственника на пользование общим имуществом.

Ключевые слова: общая собственность, долевая собственность, общее имущество, доля в праве, право на долю, неравномерность долей, правомочия собственника

Для цитирования: Сальникова Д.Р. Определение порядка пользования долями в жилищных правоотношениях / Д.Р. Сальникова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 127–133.

Abstract. While the institution of share ownership serves as an effective mechanism for addressing societal needs, numerous legal challenges associated with it have persisted since the Roman era. These issues remain a subject of rigorous academic debate and lead to heterogeneous judicial practice. The purpose of this study is to establish methods for the distribution of shares and the procedures for the use of shares in common property. Methods: the study employs the systems analysis method to provide a comprehensive understanding of the legal nature of share ownership; the formal-legal (dogmatic) method to examine judicial practice; and the synthesis method to integrate the obtained theoretical and empirical data for the purpose of developing the author's concept of legal regulation. Results: the study establishes that, as a general rule, shares among co-owners are distributed equally; it identifies the grounds for an unequal distribution of shares; and it proposes the author's position regarding the exercise of an owner's right to use common property.

Keywords: common ownership, share ownership, common property, share in the right, right to a share, inequality of shares, owner's powers

For citation: Salnikova D.R. Establishing the Procedure for the Use of Residential Premises by Co-Owners. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 127–133. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.15.

ВВЕДЕНИЕ

Право общей собственности исследуется на протяжении всего развития гражданского права. Сложность данного института связана с противопоставлением общей собственности индивидуальной, так как общая собственность ограничивает права сособственника. Общая собственность как правовой феномен неоднократно получала негативную оценку [1, с. 125–126; 2, с. 214; 3, с. 170], однако в реальной жизни одна вещь не всегда может принадлежать только одному лицу. Как известно, имущество может находиться в общей собственности с определением долей каждого из сособственников и без определения таковых (п. 3 ст. 244 ГК РФ). Нами будет исследоваться общая долевая собственность, так как совместная возникает в случаях, строго установленных законом, подразумевающих фидуциарные взаимоотношения сособственников, действующих как единое целое при осуществлении своих прав на имущество, находящееся в такой собственности. В случае с долевой собственностью все не так однозначно, так как она может возникнуть как по воле, так и помимо воли лиц, не предполагает близких, доверительных взаимоотношений между сособственниками, которым имущество принадлежит не целиком, а пропорционально их долям в праве собственности. В связи со сказанным ключевым направлением настоящего исследования является порядок определения и пользования такими долями.

В юридической доктрине отмечалось, что определение механизма взаимодействия долевых собственников между собой является методологическим ключом, позволяющим уяснить не только природу общей собственности, но и правовую природу коммерческих организаций [4, с. 110]. Мы согласны с данным утверждением и считаем, что доля, право на долю являются во всех правоотношениях одним и тем же и должны исследоваться через единую концепцию, однако в рамках настоящего исследования наш научный интерес будет направлен на исследование обозначенных вопросов только в рамках института общей собственности.

Порядок определения долей

Гражданским законодательством презюмируется равенство долей (п. 1 ст. 245, ст. 321, п. 4 ст. 326, п. 2 ст. 1141 и др. ГК РФ). Такое положение дел каких-либо споров в цивилистической науке и судебной практике не порождает. Но нередки случаи, когда для соблюдения интересов участников гражданских правоотношений необходимо отступить от названного правила и распределить доли иным образом.

Нами выделены следующие основания неравномерного распределения долей.

1. Соглашение собственников, которым они могут установить порядок определения и изменения размера их долей. Такая возможность закреплена в п. 2 ст. 245 ГК РФ. На наш взгляд, возможность самостоятельно определять размер долей положительно влияет на взаимоотношения сособственников и позволяет им во внесудебном порядке урегулировать данный вопрос. Если стороны заключили соглашение об определении размера долей, а в последующем одна из сторон уклоняется от исполнения обязанностей по предоставлению документов в регистрирующий орган, суды встают на сторону добросовестного участника сделки, если это не влечет нарушения чьих-либо прав¹. В качестве примера самостоятельного распределения долей в праве собственности можно привести брачный договор, с помощью которого супруги могут отступить от равенства долей.

2. Увеличение размера доли за счет внесения неотделимых улучшений. В п. 3 ст. 245 ГК РФ прямо предусмотрена возможность увеличения доли в праве общей собственности за счет произведения неотделимых улучшений. Аналогичная позиция прослеживается и в правоприменительной практике². Данный подход, на наш взгляд, справедлив, так как если лицо за счет своих средств произвело неотделимые улучшения помещения, то оно вправе увеличить и свою долю в нем. Иной подход

1 См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.12.2017 № 310-ЭС17-12472 по делу № А09-10227/2014 (здесь и далее в сносках, если не указано – доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

2 См., например: Решение Пушкинского городского суда Московской области от 31.03.2025 по делу № 2-64/2025; Решение Ульяновского районного суда Ульяновской области от 28.05.2025 по делу № 2-3-155/2025.

к рассмотрению данного вопроса повлечет неосновательное обогащение лица, не участвовавшего в расходах.

Вызывает интерес вопрос о необходимости применения правил, установленных ст. 247 ГК РФ, а именно о получении согласия иных собственников на увеличение доли за счет произведенных неотделимых улучшений. Так, Верховный Суд РФ, рассмотрев спор, возникший между Сочинской городской общественной организацией «Спортклуб "Боулинг"» и закрытым акционерным обществом «Пансионат "Фрегат"» об установлении долей в праве собственности, сделал вывод об отсутствии необходимости в получении прямого согласия собственников на увеличение доли собственника, производящего неотделимые улучшения³. Суд указал, что если лицо осуществляло неотделимые улучшения без нарушения порядка пользования и владения общим имуществом, то оно имеет право на увеличение своей доли в праве общей собственности. Помимо этого, в решении отмечено, что гражданским законодательством не предусмотрено дополнительное основание для такого увеличения путем получения согласия иных участников долевой собственности. Мы согласны с выводами суда и хотим подчеркнуть, что иной подход будет несправедливым по отношению к одному из долевым собственникам, который добросовестно улучшил общее имущество за свой счет, получив на это согласие другого собственника. В результате этих действий стоимость доли второго собственника выросла, но он теперь отказывается признать увеличение доли того, кто вложил свои средства и усилия. По нашему мнению, налицо извлечение преимущества из своего недобросовестного поведения.

3. Наследование по завещанию. В ст. 1119 ГК РФ закреплено право завещателя по своему усмотрению определять доли наследников.

4. Раздел имущества в судебном порядке. В ст. 39 СК РФ закреплено право суда отступить от равенства долей супругов при разделе имущества, находящегося в совместной собственности, если имеются определенные обстоятельства. Судом высшей инстанции Российской Федерации рассмотрено дело по

кассационной жалобе Ремеевой Л.Р., действующей также в интересах несовершеннолетних детей, к Ремееву Р.А. о разделе совместно нажитого имущества⁴. Верховный Суд РФ обратил внимание, что материнство и детство находятся под защитой государства и судам следует учитывать, что в спорной квартире, помимо заявителя, будут проживать двое несовершеннолетних детей.

Аналогичная позиция отражена и в решении апелляционной инстанции Московского городского суда⁵, в котором указано, что при разрешении спора о разделе имущества супругов отступление от равенства долей при наличии трех детей является справедливым.

Приведенная судебная практика демонстрирует важность рассмотрения каждого спора в индивидуальном порядке и возможность отступления от принципа равенства долей для защиты интересов слабой стороны (несовершеннолетних детей).

Однако есть и противоположные решения по подобным спорам. Так, судом апелляционной инстанции оставлено без изменения решение суда первой инстанции об отказе от отступления равенства долей супругов. Суд указал, что такое отступление – право суда, а не обязанность, и то, что отец не принимает участия в содержании и воспитании детей, не может служить основанием для отступления от равенства долей супругов⁶.

На наш взгляд, такой подход не безупречен, поскольку нарушает баланс интересов сторон. При разрешении подобных споров необходимо учитывать множество фактов: с кем будут проживать несовершеннолетние дети, каково финансовое положение родителей и т. п.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОРЯДКА ПОЛЬЗОВАНИЯ ДОЛЯМИ

Как нами было отмечено, общая долевая собственность ограничивает свободу собственников и заставляет их терпеть некоторые ограничения. Так, с одной стороны,

4 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.06.2021 по делу № 49-КГ21-13-К6.

5 Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2022 по делу № 33-50125/2022.

6 Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.03.2015 по делу № 33-4250/2015.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 308-ЭС16-10315 по делу № А32-18401/2015.

ст. 209 ГК РФ закрепляет право собственника на владение, пользование и распоряжение своим имуществом, а ст. 10 ГК РФ ограничивает это право и указывает на пределы осуществления гражданских прав.

Возвращаясь к вопросу исследования, стоит отметить, что право на долю в вещных правоотношениях является особым субъективным гражданским правом. Поскольку субъекты общей собственности в одиночку не могут создавать или изменять правоотношения, в которых участвуют и иные лица, а вправе совершать такие действия с учетом интересов иных участников долевой собственности при обязательном соблюдении обязанности добросовестного поведения, вызывает интерес вопрос, каким образом сособственниками реализуются правомочия пользования.

Пунктом 1 ст. 247 ГК РФ закреплено общее правило для имущества, находящегося в общей собственности: владение и пользование им осуществляется по соглашению всех участников. Не вызывает сомнения, что всем сособственникам принадлежат точно такие же права, как и исключительному собственнику. И если сособственники не расходятся во взглядах и желаниях по вопросу пользования общей вещью, то спорных ситуаций не возникает. Это идеальная модель, которая не всегда возможна в реальной жизни. Зачастую складываются ситуации, когда сособственники не могут прийти к единому мнению об осуществлении своих субправомочий, и тогда возникают вопросы о том, под каким условием один или несколько сособственников могут совершить какое-нибудь фактическое распоряжение общей вещью вопреки воле остальных участников или хотя бы одного из них. Рассмотрение и разрешение таких споров не представляется простым и очевидным, поскольку необходимо соблюсти баланс между интересами одного собственника и всех остальных сособственников.

С одной стороны, представляется, что каждый отдельный сособственник по отношению к каждому акту фактического распоряжения, предпринятому остальными собственниками, имеет право вето. С другой стороны, при определенных обстоятельствах сопротивление одного или нескольких участников общей долевой собственности совершению подобных

действий является нарушением прав остальных соучастников и может быть устранено в судебном порядке (п. 1 ст. 247 ГК РФ). В связи с этим возникает вопрос, какие же фактические действия, противные воле других собственников, может совершить отдельный собственник, под какими условиями? Эта проблема занимает умы многих исследователей [5; 6; 7].

В доктрине к вопросу осуществления полномочия «пользование» сложилось несколько подходов. Сторонники первого подхода считают, что пользование вещью, находящейся в общей долевой собственности, должно осуществляться соразмерно доле в праве на такое имущество. В.Ф. Яковлев, исследуя вопрос содержания общей долевой собственности, пришел к выводу, что если собственники не являются членами одной семьи, то пользование жилым помещением должно осуществляться в пределах доли, закрепленной в праве общей собственности [8, с. 383]. Г.Ф. Ручкина полагает, что реализация собственником правомочия пользования жилым помещением зависит от размера его доли в праве общей собственности и соглашения собственников [9, с. 94].

Представители второго подхода считают, что право пользования является неделимым и распространяется на всю вещь вне зависимости от доли в праве. Так, Д.И. Мейер, отмечая, что в каждой материальной вещи, находящейся в общей собственности, стекается право собственности всех сохозяев, в связи с чем определить реальную долю каждого сособственника не представляется возможным, пришел к выводу, что пользование и владение должно осуществляться с согласия всех собственников [10, с. 9–60]. М.Г. Маркова считает, что все сособственники обладают полным субъективным правом собственности, в связи с чем пользование и владение осуществляется в отношении всей вещи целиком [11, с. 305]. Сходной позиции придерживается и Р.П. Мананкова [12, с. 11, 53, 77, 80–81, 94, 99, 100–101, 178].

Интересным представляется мнение Д.М. Генкина, которое нельзя в полной мере отнести ни к одному из названных подходов. Ученый отмечал, что правомочие пользования участником долевой собственности может осуществляться лишь тогда, когда ему будет выделена часть объекта общего пользования.

Эта часть может не совпадать с идеальной долей в праве такого лица [13, с. 157].

Анализ существующих подходов показал, что каждая точка зрения имеет рациональное зерно, но, на наш взгляд, является безупречной и требует дополнения. Так, сторонники первого подхода верно отмечают, что размер доли в праве собственности имеет значение и должен учитываться при определении объема правомочий собственника. В.Ф. Яковлев точно подчеркнул, что имеет значение характер взаимоотношений между собственниками, так как если это члены одной семьи, что предполагает близкие взаимоотношения, то определение порядка пользования общей вещью строго по долям не имеет смысла. Однако слабой стороной данного подхода является то, что не всякую вещь можно разделить по долям. Так, однокомнатная квартира, принадлежащая двум лицам в пропорциях $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$, вряд ли может быть разделена для пользования строго в названных пропорциях. Идея сторонников второго подхода – о пользовании всей вещью вне зависимости от размера доли – также требует уточнения, а именно: такой порядок возможен, если не нарушает прав других собственников и если на это согласны все участники долевой собственности. Иное повлечет неосновательное извлечение преимуществ лицом, обладающим меньшей долей в праве собственности. Д.М. Генкин верно указал, что доля, предоставляемая в пользование лицу, может не совпадать с долей в праве.

На основании изложенного нами выработан следующий подход к вопросу осуществления правомочия пользования в общем долевом имуществе. Участник долевой собственности осуществляет правомочие пользования в жилом помещении соразмерно своей доле в праве собственности, если иное не установлено соглашением всех участников. Если выделение такой доли невозможно, то такой собственник должен компенсировать иным собственникам убытки, связанные с использованием части имущества последних.

Рассматриваемый вопрос является спорным не только в науке, он порождает множество судебных разбирательств. Рассмотрим несколько неоднозначных ситуаций, возникающих при определении порядка пользования жилыми помещениями.

СПОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОЖИВАНИЕМ ЖИВОТНЫХ В КВАРТИРЕ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Судом кассационной инстанции рассмотрен спор по жалобе долевых собственников. Суть спора заключалась в том, что Петровский Е.С., Петровский Д.Е., Мокеева Е.А., являясь долевыми собственниками жилого помещения, без согласия сособственника Шарановой М.В. завели собаку. Шаранова М.В. возражала против проживания собаки в квартире, мотивируя это тем, что в местах общего пользования скапливается шерсть животного, которую владельцы своевременно не убирают, и что сама Шаранова М.В. имеет бронхиальную астму, не позволяющую ей проживать совместно с какими-либо животными. Суд первой инстанции встал на защиту собственников собаки, указав, что действующее законодательство запрещает содержать собак исключительно в местах общего пользования, что все долевые собственники имеют равные права на владение и пользование жилым помещением. Шаранова М.В. не согласилась с решением суда первой инстанции и подала апелляционную жалобу. Суд апелляционной инстанции постановил убрать собаку из мест общего пользования. Суд кассационной инстанции указал, что судами нижестоящих инстанций допущены следующие нарушения: не мотивированы причины отказа в удовлетворении иска о выселении собаки, не мотивирован вывод о возможности содержания собаки в изолированных помещениях без допуска в места общего пользования, и посчитал, что требования Шарановой М.В. подлежат удовлетворению⁷.

Описанная практика представляет интерес в контексте вопроса об определении порядка пользования имуществом, находящимся в общей долевой собственности. С одной стороны, собственники вправе пользоваться и владеть своим имуществом наравне со всеми. С другой стороны, такое осуществление прав не должно нарушать права и интересы других собственников. В рассмотренном деле долевой собственник, несмотря на то что он один возражал против интереса трех других собственников, смог защитить свои пра-

⁷ Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 23.03.2019 по делу № 44Г-134/2019.

ва, при этом права других собственников, на первый взгляд, ограничены, ведь животные многим приносят эмоциональное удовлетворение. Но если подробнее рассмотреть ситуацию, то становится ясно, что каждый случай индивидуален, и суд встал на защиту Шарановой М.В., так как наличие животного в квартире несло угрозу ее жизни и здоровью. Мы считаем, что суд кассационной инстанции принял верное решение.

Анализ судебной практики показал, что она в настоящее время является единообразной⁸. На наш взгляд, суды справедливо встают на сторону истцов по рассматриваемой категории споров, поскольку, как мы считаем, любовь к питомцам не отменяет право на благоприятные условия проживания остальных собственников. В связи с чем согласие всех собственников на проживание животного в квартире необходимо.

СПОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОЗДАНИЕМ ПРЕПЯТСТВИЙ В ПОЛЬЗОВАНИИ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ

Большое количество споров порождают ситуации, когда жилое помещение принадлежит на праве общей долевой собственности разным семьям (например, квартира перешла по наследству или доля в праве была отчуждена третьим лицам). Собственники, пытаясь увеличить свою площадь, начинают возводить незаконные ограждения, обособляя пространство, тем самым лишая других

сособственников фактического права пользования жилым помещением. Суды, рассматривая подобные споры, встают на сторону лиц, чьи права были ограничены⁹. Со сложившейся судебной практикой мы согласны, считаем ее справедливой и хотели бы отметить, что подобные методы захвата чужой собственности неприемлемы в цивилизованном обществе и должны строго пресекаться.

Выводы

1. В случае соглашения сторон или необходимости соблюдения интересов участников долевой собственности доли в таком праве могут быть распределены неравномерно по следующим основаниям: 1) соглашение сторон; 2) произведение неотделимых улучшений; 3) наследование по завещанию; 4) решение суда.

2. Пользование общим имуществом в жилом помещении должно осуществляться соразмерно доле в праве, если иное не установлено соглашением сторон. В случае невозможности выделения доли необходимо компенсировать иным участникам долевой собственности убытки, причиненные пользованием их имуществом.

3. Проблема определения порядка пользования долей не разрешена и требует рассмотрения каждого случая индивидуально. Создание универсального способа не представляется возможным ввиду необходимости соблюдения баланса интересов сторон, что возможно только при детальном рассмотрении спора.

⁸ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2025 по делу № 8Г-31144/2025 ; Решение Псковского районного суда от 31.10.2023 по делу № 2-7377/2023.

⁹ См., например: Решение Нагатинского районного суда г. Москва от 04.07.2025 по делу № 02-2967/2025 ; Решение Невского районного суда г. Санкт-Петербург от 20.06.2025 № 2-608/2025 ; решение Куйбышевского районного суд г. Омск от 07.06.2025 по делу № 2-1291/2025.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зинченко С.А. Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение) / С.А. Зинченко, В.В. Галов. – Ростов-на-Дону : Профпресс, 2013. – 236 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907) / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Спарк, 1995. – 556 с.
3. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – Москва : Дело, 1999. – 510 с.

REFERENCES

1. Zinchenko S.A., Galov V.V. Ownership and Derivative Rights (Doctrine, Legislation, Law Enforcement). Rostov-on-Don, Profpress Publ., 2013. 236 p.
2. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law (based on the 1907 edition). Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.
3. Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. Moscow, Delo Publ., 1999. 510 p.

4. Зинченко С.А. Понятие права общей долевой собственности и его методологическое значение / С.А. Зинченко, В.В. Галов // Закон. – 2008. – № 3. – С. 109–120.

5. Сердюк А.Л. Отдельные проблемы реализации права общей собственности на имущество / А.Л. Сердюк, Н.А. ЕшкILEVA // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 494–497.

6. Пятков Д.В. Право общей долевой собственности: сущность и проблемы защиты / Д.В. Пятков // Российско-азиатский правовой журнал. – 2021. – № 3. – С. 18–21.

7. Аблятипова Н.А. Отдельные вопросы системности правоприменительной практики при разрешении споров о разделе имущества, находящегося в общей собственности и выдела доли из общего имущества / Н.А. Аблятипова, Е.В. Куница // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 261–269.

8. Яковлев В.Ф. Советское гражданское право : в 2 т. / В.Ф. Яковлев ; под ред. О.А. Красавчикова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1985. – Т. 1. – 544 с.

9. Ручкина Г.Ф. Особенности реализации правомочий собственника квартиры в жилищных правоотношениях: вопросы теории и практики / Г.Ф. Ручкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 5 (284). – С. 91–95.

10. Мейер Д.И. Право собственности по русскому праву. (Из лекций покойного проф. Казан. ун-та Д.И. Мейера) / Д.И. Мейер. – Санкт-Петербург : Изд. А. Витцин, 1859. – 142 с.

11. Маркова М.Г. Сборник научных трудов. К 90-летию заслуженного юриста Российской Федерации кандидата юридических наук, профессора Марии Георгиевны Марковой / М.Г. Маркова. – Санкт-Петербург : Р-Копи, 2019. – 555 с.

12. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству / Р.П. Мананкова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. – 214 с.

13. Генкин Д.М. Право собственности в СССР / Д.М. Генкин. – Москва : Госюриздат, 1961. – 223 с.

4. Zinchenko S.A., Galov V.V. The Concept of the Right of Common Share Ownership and Its Methodological Significance. *Zakon*, 2008, no. 3, pp. 109–120. (In Russian).

5. Serdyuk A.L., Eshkileva N.A. Certain Problems of Realising the Right of Common Ownership of Property. *Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 6 (222), pp. 494–497. (In Russian).

6. Pyatkov D.V. The Right of Common Shared Ownership: The Essence and Problems of Protection. *Russian-Asian Law Journal*, 2021, no. 3, pp. 18–21. (In Russian).

7. Ablyatipova N.A., Kunitsa E.V. Some Issues of Systematic Law Enforcement Practice in Resolving Disputes on the Division of Property in Common Ownership and Allocation of Shares from Common Property. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2021, no. 1, pp. 261–269. (In Russian).

8. Yakovlev V.F.; Krasavchikov O.A. (ed.). Soviet Civil Law. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1985. Vol. 1. 544 p.

9. Ruchkina G.F. Features of the Implementation of the Powers of the Owner of an Apartment in Housing Legal Relations: Issues of Theory and Practice. *Property Relations in the Russian Federation*, 2025, no. 5 (284), pp. 91–95. (In Russian).

10. Meyer D.I. Property Law Under Russian Law. (From the lectures of the late Kazan University prof. D.I. Meyer). Saint Petersburg, A. Vitsin Publ., 1859. 142 p.

11. Markova M.G. Collection of Scientific Papers. On the 90th Anniversary of Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Professor Maria Georgievna Markova. Saint Petersburg, R-Kopi Publ., 2019. 555 p.

12. Manankova R.P. Legal Relationship of Common Share Ownership of Citizens Under Soviet Legislation. Tomsk State University Publ., 1977. 214 p.

13. Genkin D.M. Ownership in the USSR. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сальникова Диана Радиковна – ассистент кафедры гражданского права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salnikova Diana Radikovna – Teaching Assistant of the Department of Civil Law, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 11.05.2026. The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 347.124
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.16

Original article

СПЫЛАЕВ Олег Дмитриевич
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
Вологда, Россия,
o.spylaev@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-3472-568X>

SPYLAEV Oleg Dmitrievich
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Vologda, Russia

ЗАПРЕТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

THE PROHIBITION OF THE ABUSE OF RIGHTS: THE GENESIS AND EVOLUTION
OF A LEGAL DOCTRINE

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена фундаментальным значением принципа недопустимости злоупотребления правом в современной правовой системе. Цель исследования: выявить основные закономерности становления и развития запрета злоупотребления правом. Методологическая основа исследования включает общенаучные методы познания: анализа и синтеза, использованные при изучении исторических источников и правовых документов различных эпох; индукции и дедукции, примененные при формировании общих выводов на основе конкретных исторических примеров, и специальные юридические методы: историко-правовой применялся при исследовании эволюции института злоупотребления правом в разные исторические периоды, формально-юридический – при анализе правовых норм и доктринальных положений. В результате исследования установлено, что концепция злоупотребления правом прошла длительный путь эволюции от отдельных практических решений в римском праве до закрепления в качестве общепризнанного правового принципа. Предложена периодизация развития запрета злоупотребления правом. Выявлены характерные черты каждого этапа.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестность, история права, римское право, естественное право, пределы осуществления прав

Для цитирования: Спылаев О.Д. Запрет злоупотребления правом: становление и развитие правового института / О.Д. Спылаев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 134–144.

Abstract. The relevance of this study is driven by the fundamental importance of the principle of the inadmissibility of the abuse of rights within the modern legal system. Its purpose is to identify the underlying patterns in the emergence and development of this prohibition. The methodology relies on general scientific methods, such as analysis and synthesis used to examine historical sources and legal documents, as well as induction and deduction applied to derive general conclusions from specific historical cases. Furthermore, the study employs specific legal methods: the historical-legal approach to trace the evolution of the abuse of rights doctrine, and the formal-legal approach to analyze relevant legal norms and doctrinal concepts. The study reveals that the concept of abuse of rights has undergone a long evolution, spanning from isolated practical solutions in Roman law to its establishment as a universally recognized legal principle. A periodization for the development of the prohibition of abuse of rights is proposed, and the characteristic features of each stage are identified.

Keywords: abuse of rights, bad faith, legal history, Roman law, natural law, limits on the exercise of rights

For citation: Spylaev O.D. The Prohibition of the Abuse of Rights: The Genesis and Evolution of a Legal Doctrine. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 134–144. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.16.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение генезиса института недопустимости злоупотребления правом позволяет проследить эволюцию представлений о границах реализации субъективных прав и выявить закономерности его развития, что особенно важно в условиях модернизации гражданского законодательства и появления новых форм злоупотребления правами. Несмотря на то что проблемам злоупотребления правом посвящено достаточно много исследований (например, их рассматривали А.В. Волков, В.П. Грибанов, А.А. Малиновский, И.Б. Новицкий, И.А. Покровский, О.А. Поротикова, С.Д. Радченко, Е.Ю. Усольцев, Ю.В. Яковлева и др.), анализ исторического развития запрета злоупотребления правом в большинстве работ проводился фрагментарно, ограничивался рассмотрением римского права и первых кодификаций. В рамках настоящей статьи представляется целесообразным структурировать эволюцию института злоупотребления правом посредством выделения следующих исторических этапов его развития.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗЛУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ (I–V вв.)

Появление представлений о злоупотреблении правом прежде всего связывают с римским правом и, как правило, приводят в пример высказывание Цельса: *neque malitiis indulgendum est* (не следует оказывать снисхождения злобе) [1, с. 170–171]. Однако дальнейший анализ римского права приводит к различным интерпретациям места и значения запрета злоупотребления правом.

Такое различие можно проследить исходя из обсуждения доклада М.К. Кенига, состоявшегося в 1911 г. на заседании кружка профессора И.А. Покровского. Автор доклада пришел к выводу, что в Дигестах не было норм, посвященных злоупотреблению правом. Ему возразил Н.А. Райгородский, он отметил, что запрет шиканы вытекает из общего смысла Дигест. Схожую позицию выразил И.А. Покровский, указав, что в римском праве отсутствовало лишь прямое выражение запрета шиканы [2, с. 353].

В последующих исследованиях мы также отмечаем различное отношение к злоупотреблению правом в системе римского права. Так, В.П. Грибанов пришел к выводу, что в римском праве были предусмотрены отдельные случаи злоупотребления правом, но его понятие и общеправовой запрет отсутствовали [3].

И.Б. Новицкий также указывал на отсутствие общего понимания запрета злоупотребления правом, однако отмечал, что в Дигестах приведен отдельный случай подобного запрета: по словам Марцелла, «Нельзя ничего взыскивать с того, кто, копая на своем участке, отвел источник соседа. Если копавший сделал это для улучшения своего участка, без намерения причинить вред соседу, то невозможна подача иска об умысле» [4, с. 64].

К другому выводу пришла О.А. Поротикова: «...злоупотребление гражданским правом не являлось для римского права отдельным исключительным событием, которое лишь иногда требовало постороннего вмешательства, как принято считать в современной юридической литературе. Римские юристы не только обозначили проблему воздействия на процесс вредоносного осуществления прав, но и предложили первую модель ее разрешения» [5, с. 90].

В.Е. Попов в своем исследовании подчеркивает, что вследствие практической направленности римского права отсутствует формальное закрепление запрета злоупотребления правом в качестве основополагающего принципа. Тем не менее в рамках правовой доктрины сформировалось представление, что субъективное право не может быть абсолютным. Это привело к разработке комплексного подхода к проблеме злоупотребления правами [6].

Обращаясь непосредственно к источникам римского права, следует отметить казуальный стиль изложения норм. Работы римских юристов и законы решали практические вопросы. Вследствие этого не происходило формирование норм-принципов или норм-деклараций. Соответственно, мы не найдем в римском праве закрепления недопустимости злоупотребления гражданскими правами в качестве общеправового принципа. Однако в Институциях Гая, Дигестах Юстиниана, Институ-

циях Юстиниана, работах Доминиция Ульпиана и Юлия Павла приводятся примеры использования субъектами своего права с ненадлежащей целью или недозволительным образом.

Так, в Институциях Гая содержатся положения о регулировании отношений между римским гражданином и его рабом. Хотя последний и признавался имуществом, подчеркивалась недопустимость жестокого обращения с ним. В соответствии с постановлением императора Антонина ответственность за убийство своего раба приравнивалась к убийству чужого раба. Если господин обращался со своим рабом «невыносимо жестоко», его следовало принудить к продаже раба. Как указывал Гай, «И то и другое по справедливости, так как мы [имеются в виду римские граждане] не должны злоупотреблять предоставленным нам правом» [7, с. 24].

Этот же пример приведен и в Институциях Юстиниана (I.1.8.2). Кроме того, в том же параграфе содержится следующее высказывание: *Expedit enim rei publicae, ne quis re sua male utatur* (для государства выгодно, чтобы никто не злоупотреблял своим правом) [8, с. 31].

В римском обществе правовое положение рабов характеризовалось практически абсолютной властью господина над ними. Полагая, что установление ответственности за убийство раба, который достаточно долгое время расценивался как имущество, могло быть вызвано необходимостью стабилизации римского общества, недопущения восстания рабов.

Обращаясь к Дигестам, можно выделить несколько случаев злоупотребления правом. Так, в трудах Ульпиана содержится упоминание о возможности предъявления *action in factum* лицу, которое взяло деньги, чтобы навредить другому, выполнив или не выполнив какое-либо действие (D.3.6.1). При этом титул имеет название «*De calumniatoribus*». Само же значение термина *calumniator* определяется Дигестами как «тот, кто посредством обмана и запутывания дела досаждают другим на суде». Вместе с тем этот термин имел и более широкое значение – «злонамеренное нарушение чужих прав под видом использования своего права, клеветнические утверждения» [7, с. 217].

Еще один пример злоупотребления правом описан Цельсом: собственник перед про-

дажей дома, чтобы досадить покупателю, снимает гипсовые украшения или картины со стен (D.6.1.19) [7].

Римское право имело особую категорию исков – *actio in factum*. Они применялись к случаям, для которых отсутствовали обычные или вошедшие в употребление наименования исков. *Actio in factum* мог предъявляться лицам, которые взяли деньги, чтобы досадить другому, а также лицу, которое с целью причинения вреда выбросило чужой серебряный кубок (D.19.5) [7].

В Институциях Юстиниана приводится случай: несостоятельный должник отпустил своего раба на волю, чтобы обмануть кредиторов. По общему правилу, такой раб не получал свободы. Однако если отпускающий на волю полагает, что его имущества хватит для удовлетворения требований и не имеет намерения обмануть, то это не препятствовало освобождению раба (I.1.6). Данное положение направлено на защиту кредиторов должника. Раб, рассматривающийся как имущество, мог перейти к новому собственнику в качестве оплаты долга [8, с. 27].

Представляет интерес титул 14 книги 4 Институций Юстиниана о репликациях – прибавлениях, которые оказывали помощь истцу и уничтожали силу возражения ответчика. К примеру, сначала кредитор договорился с должником, что не будет требовать с него денег. Затем состоялось обратное соглашение, и обращение с иском стало возможным. При предъявлении требований должником могли быть заявлены возражения о наличии соглашения с кредитором, согласно которому требовать денег с него не будут. Такое возражение имело целью парализовать иск и вредило истцу. Для возможности продолжения процесса кредитор давалась репликация [8].

В трудах Доминиция Ульпиана содержатся некоторые правила о статулиберах. К ним относились лица, которым по завещанию давалась свобода при наличии какого-либо условия. Пока оно не выполнено, раб принадлежал наследнику. Последний, не желая расставаться с имуществом, мог предпринять действия, чтобы выполнение условия в завещании стало невозможным. В таком случае раб считался свободным как выполнивший условие [9, с. 164].

На основании анализа источников римского права можно сделать следующие выводы:

1) в Древнем Риме сложилось понимание необходимости ограничения свободы в реализации субъективных прав. Существовало требование действовать с доброй совестью, были известны примеры злоупотреблений;

2) направленность на причинение вреда другому в отсутствие собственного интереса выделялась как особенность злоупотребления правом;

3) были известны случаи злоупотребления правами в имущественных, наследственных и обязательственных правоотношениях;

4) последствиями злоупотребления правом являлись: взыскание денежных средств – компенсации; признание свободы раба, если наследник препятствовал ему в выполнении условий завещания; недействительность отпущения на волю, если собственник имел целью причинить вред кредиторам;

5) предоставлялась защита от злоупотребления правом и в судебном разбирательстве, средством защиты являлось применение репликации для защиты истца и дубликации – для защиты ответчика.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (V–XVII вв.)

Ни в российских, ни в зарубежных исследованиях не сложилось единого подхода к пониманию того, как формировалось и какими чертами обладало понятие «злоупотребление правом» в эпоху Средневековья. Как указывает Эльке Видман, исторические исследования, посвященные рассматриваемой проблеме в Средние века, не дали достоверных результатов [10, с. 7].

После распада Западной Римской империи, с которого и начинается период Средневековья, происходит процесс взаимодействия римского и варварского права. Римское право сохраняется и разрабатывается главным образом в трудах глоссаторов, а затем и комментаторов.

В настоящее время нельзя с уверенностью утверждать об отсутствии или наличии норм о злоупотреблении правом в нормативных актах Средневековья. Анализ отдельных актов позволяет выделить нормы, направленные

в большей степени на регулирование отношений между сеньором и вассалом в части различных злоупотреблений, и связаны они не с современными представлениями о злоупотреблении правом, а с злоупотреблением властью, полномочиями.

К примеру, в Компильции декреталий Папы Григория IX указано, что лицо, злоупотребившее властью, следует лишать привилегий [11, с. 278]. В Алфавитной синтагме Матфея Властаря 1335 г. говорится о купцах, злоупотребляющих «плодородием», – закупающих товары и хранящих их на складах до времени неурожая. Такие действия, по всей видимости, были направлены на получение большей прибыли. В качестве мер противодействия таких купцов следовало ссылать или лишать права торговли [11, с. 295].

Великий Мартовский ордонанс ввел запрет на принудительное изъятие хлеба, вина, съестных припасов, которым злоупотребляли сеньоры без справедливой компенсации. Также был введен запрет для советников и чиновников короля на занятие торговлей, так как их злоупотребления вызывали значительный рост цен на товары [11, с. 467–468].

Фома Аквинский, систематизатор средневековой схоластики, включал запрет на причинение вреда в саму сущность естественного закона. В его трактовке естественный закон является участием разумного творения в вечном законе Бога. Фома Аквинский указывал: «...нечто называется относящимся к естественному праву в двух смыслах. Во-первых, постольку, поскольку к таковому склоняется природа (например, не следует причинять несправедливость другому). Во-вторых, постольку, поскольку природа не установила противоположного...» [12, с. 333]. Это положение является первичным предписанием, вытекающим из естественной склонности человека к благу и социальности. Ограничение действий, наносящих ущерб другим, выступает здесь не как внешнее стеснение свободы, а как имманентное требование разумной природы человека, без которого невозможно достижение общего блага.

Характерными чертами периода Средневековья являются:

1) отсутствие единого понимания злоупотребления правом. Историческая наука не выработала однозначного мнения о характере и формировании данного понятия в Средние века, что свидетельствует о фрагментарности правовых представлений в этом вопросе;

2) синтез римского и варварского права. После распада Западной Римской империи происходило взаимодействие двух правовых систем. Римское право сохранялось и развивалось в трудах глоссаторов и комментаторов, однако это не привело к развитию теории злоупотребления правом;

3) фокус на злоупотреблении властью. Исходя из складывающихся в Средневековье феодальных отношений, в большей степени регулировалось злоупотребление властью (полномочиями), а не злоупотребление субъективными правами;

4) предпосылкой дальнейшего закрепления запрета злоупотребления правом является развитие естественно-правовых идей. Попытка соотношения права и морали (добродетелей) в рамках церковного права.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА (XVII–XVIII вв.)

Дальнейшее развитие идеи естественного права получили в работах Гуго Гроция. Право для него – это не просто произвольная воля властителя, а система, вытекающая из природы человеческого общежития. Он разделял право на естественное (*ius naturae*), вытекающее из разумной природы человека, и волеустановленное (*ius voluntarium*) – созданное людьми [13, с. 46]. По Гроцию, человек обладает способностью суждения для оценки того, что может нравиться или причинять вред как в настоящем, так и в будущем. В своем поведении человек, в отличие от животного, руководствуется здравым смыслом, и то, что противоречит ему, противно и естественному праву [13, с. 46]. Это задает объективный критерий справедливости: действие, противоречащее разумной и социальной природе человека (то есть причиняющее неоправданный вред общежитию), является безнравственным и, следовательно, не может быть оправдано никаким «правом».

Г. Гроций обосновывал возникновение общества и государства необходимостью обеспечения мирного и безопасного сосуществования, где права каждого защищены. «Здравый разум и природа общества, – писал он, – воспрещает применение не всякого насилия, но только того, которое несовместимо с самим обществом, то, которое нарушает чужое право» [13, с. 85]. Высшая цель общественного союза – гарантировать каждому безопасное пользование своим имуществом, свободой и жизнью. Следовательно, любое действие индивида, даже если оно формально основывается на каком-либо праве, которое нарушает это пользование другим или посягает на чужое право, становится социально деструктивным и подлежит запрету. Таким образом, права индивида по природе своей ограничены правами других членов общества.

Одновременно с развитием идей естественного права шел процесс сближения римского и германского права, которому посвящена работа С. Стрика «Особенности современного использования дигест (пандектов)» 1692 г. Как указывает О.Л. Лысенко, С. Стрик, подходя с позиций естественного права, «выступал против какого бы то ни было злоупотребления своим правом, в том числе в гражданско-правовой сфере» [11, с. 738].

Наиболее ранняя разработка термина «злоупотребление правом» принадлежит Кристиану Вольфу. Исходя из римского права, которое предполагает принципиально неограниченное осуществление прав, он определил злоупотребление как нарушение обязанности при осуществлении права. Это означает, прежде всего, запрет на самопомощь, который должен был поддерживаться превентивно путем угрозы применения допустимых санкций за злоупотребление [14, с. 42, 129].

И. Кант совершил переход от телеологических концепций естественного права к деонтологической этике, основанной на автономии разума. Его категорический императив, являющийся всеобщим законом свободы, содержит прямое требование ограничения действий, вредящих другим: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели и никогда – только как к средству.

Рассматривая право в узком и широком смысле, к праву, понимаемому в широком смысле, И. Кант относил право справедливости – лишенное понуждения право и право крайней необходимости. Billigkeit из-за трудностей перевода на русский язык получило различное содержание. В одном случае – справедливость [15, с. 143], в другом – равенство притязаний [16, с. 98–100].

Рассматривая Billigkeit, И. Кант приводил в пример договор хозяина со слугой, по которому последнему полагалась выплата вознаграждения к концу года. Однако за время службы деньги обесценились так, что к моменту выплаты слуга не мог позволить себе купить то, что мог приобрести в момент заключения договора. Не будучи защищен договором и правом, он мог лишь взывать к принципу справедливости [16, с. 99]. Слуга не мог защититься, используя строгое право, однако мог уповать на честность и добропорядочность хозяина, тем самым используя право в более широком смысле.

Исходя из анализа термина Billigkeit в работах И. Канта, Л.Э. Крыштоп отмечает, что оно больше относится к моральной сфере и означает «честность, равенство притязаний, совестьливость». Как указывает Л.Э. Крыштоп: «апеллировать к принципу Billigkeit означает взывать к внутреннему голосу совести человека, от которого ожидаются определенные действия, без возможности принудить его к их выполнению...» [17, с. 67–68].

Возвращаясь к случаю со слугой, стоит акцентировать внимание на возможных действиях хозяина в ответ на просьбу. Он может отказать ему, и это будет с легальной точки зрения правомерно, так как по договору хозяин не должен платить больше. Но с моральной точки зрения такой поступок будет иметь внутренний порок, так как не отвечает требованиям честности и справедливости. Таким образом, поступки могут быть внешне правомерными, но не нравственными внутри мотивов.

В контексте развития идей добросовестности полагаем, что И. Кант обратил внимание на внутренний аспект поведения людей, внутренний моральный долг перед другими людьми, в соответствии с которым наши по-

ступки должны быть не только правомерными внешне, но и моральными.

Идеи естественного права значительно повлияли на развитие правовой мысли Нового времени и нашли закрепление в законодательстве ряда европейских государств, например, в Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Характерные черты периода развития идей естественного права:

1) заложен фундамент учения о естественном праве исходя из разумной и социальной роли человека, а не из божественной воли. Естественное право, основанное на разуме и необходимости мирного общежития, предполагает уважение прав других и служение общему благу;

2) произошло сближение континентального и римского права, выражающееся в сопоставлении и заимствовании институтов;

3) смещен акцент на моральные основания права, предполагающие учет внутренней нравственности поступков, добросовестности поведения.

Период кодификаций (конец XVIII–XXI вв.)

Следующий этап связан с рецепцией римского права в европейских государствах в XVIII в. Впервые запрет злоупотребления правом был закреплен в Прусском земском уложении 1794 г. В нем устанавливался запрет на использование собственником недвижимости своих прав такими методами, которые могут нанести вред соседям [18].

В дальнейшем концепция ограничения реализации прав человека нашла нормативное закрепление в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., согласно п. 4 которой «Свобода заключается в возможности делать всё, что не наносит вреда другому. Таким образом, реализация естественных прав каждого индивида ограничивается лишь теми пределами, которые необходимы для обеспечения равных возможностей пользования этими правами другими членами общества» [19, с. 208].

Гражданский кодекс Наполеона 1804 г., в отличие от Декларации прав человека и гражданина, не содержал прямого запрета

злоупотребления правом. Несмотря на это, французские суды использовали разработанные концепции злоупотребления правом в правоприменительной практике, ссылаясь на ст. 1382 и 1383 Кодекса, посвященные ответственности за причинение вреда и возмещению убытков.

В законодательном закреплении запрета злоупотребления правом можно выделить узкий и широкий подход. Первый используется в Германском гражданском уложении, параграф 226 которого запрещает шикану, то есть осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому лицу¹. Сначала запрет распространялся только на право собственности, а затем и на все гражданские права. Норма о злоупотреблении правом была перенесена из книги, посвященной вещному праву, в раздел «Осуществление прав, самозащита, самопомощь» [20].

Несмотря на то что параграф 226 Германского гражданского уложения прямо запрещает только шикану, судебная практика германских судов признает и иные формы. В XX в. суды выступали против непоследовательного и противоречивого поведения, которое могло привести к несправедливому использованию преимуществ или реализации права. Суды также не допускали осуществления права в ситуациях, когда это было явно несправедливо и грубо нарушало баланс интересов сторон².

Узкий подход используется в ст. 1295 Гражданского кодекса Австрии 1811 г.: «Тот, кто умышленно причиняет вред нарушающим добрые нравы образом, отвечает за это, однако если это произошло во исполнение какого-либо права, [то он за это отвечает] только тогда, когда осуществление этого права очевидно имело целью причинение вреда другому лицу»³.

1 Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Основные положения гражданского права : постановительный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1469 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-lawbooks.ru/product/osnovnye-polozeniya-grazhdanskogo-prava-postatejnyj-kommentarij-k-statyam-1-16-1-grazhdanskogo-koдекса-rossijskoj-federaczii/> (дата обращения: 10.05.2026).

3 Всеобщий гражданский кодекс Австрии. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 3–261.

Примером широкого подхода в законодательном закреплении запрета злоупотребления правом является Швейцарский гражданский кодекс 1907 г., согласно ст. 2 которого каждый человек должен действовать добросовестно в осуществлении своих прав и выполнении своих обязанностей. Злоупотребление правом не защищается законом⁴.

Доктрина, связанная с запретом злоупотребления правом, начала формироваться в ответ на сложности в правоприменении только в конце XIX в. Среди исследователей можно выделить французских правоведов Луи Жоссерана, Марселя Планиоля и Раймона Салейля, немецких правоведов Вольгана Зиберта и Рудольфа Штаммлера.

В дореволюционной России отсутствовал законодательный запрет злоупотребления правом. Вместе с тем Сенат принимал решения, которые ограничивали подобные действия. Однако нельзя сказать, что запрет получил широкое распространение и единообразную практику применения. Так, в одном из решений 1902 г. указывалось на недопустимость использования права, если оно приводит к невозможности реализации другим лицом своего права, а в решении 1910 г. Сенат отступил от этого положения [3].

Дальнейшее развитие идей о запрете злоупотребления правом в России связано с рассмотрением проекта Гражданского уложения 1915 г., однако проект Гражданского уложения так и не был принят, а запрет злоупотребления правом так и не был закреплен.

В советский период устанавливались определенные требования к реализации права. Так, ст. 1 ГК РСФСР 1922 г. предусматривала, что гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Статья 5 ГК РСФСР 1964 г. устанавливала, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. При осуществлении

4 Swiss Civil Code of December 10, 1907 (status as of July 1, 2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/577576> (дата обращения: 10.05.2026).

прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм.

Впервые запрет злоупотребления правом в России был закреплен в ст. 10 ГК РФ, согласно которой не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

Характерными чертами периода кодификации являются:

1) начало законодательного закрепления запрета злоупотребления правом связано с рецепцией римского права в европейских государствах;

2) попытка выработки юридических (объективных) критериев злоупотребления правом на основании естественно-правовых идей, в частности предполагающих учет морального аспекта;

3) формирование различных подходов к закреплению запрета злоупотребления правом (узкого и широкого);

4) формирование доктрины, непосредственно связанной со злоупотреблением правом, в ответ на законодательные изменения, необходимость применения правовых норм.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП (XXI в.)

Законодательный запрет злоупотребления правом в ст. 10 ГК РФ вызвал широкое обсуждение в научном сообществе относительно сущности, понятия, форм, назначения и целесообразности категории «злоупотребление правом».

Сформировавшиеся в результате правоприменительной практики и теоретических разработок подходы к пониманию злоупотребления правом описал С.Д. Радченко в своем диссертационном исследовании. Среди них теории пределов осуществления гражданских прав, целевых прав-обязанностей, легальной видимости и интереса [21].

Необходимость реформирования гражданского законодательства с учетом развития общественных отношений в постсоветский

период, сформировавшейся правоприменительной практики и опыта зарубежных стран выразилась в разработке Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации на основании поручения Президента РФ⁵. В рамках масштабной модернизации ГК РФ в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации нашли отражение вопросы злоупотребления правом. Признавалось целесообразным детализировать понятие иных форм злоупотребления правом путем отнесения к их числу действий в обход закона и заведомо или очевидно недобросовестного поведения субъекта, а также предусмотреть право на возмещение убытков для лица, потерпевшего от злоупотребления⁶.

Идеи, заложенные в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, получили закрепление с принятием Федерального закона от 30 декабря 2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷. Действующая редакция п. 1 ст. 10 ГК РФ устанавливает запрет злоупотребления правом следующим образом: «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». В сравнении с предыдущей редакцией статьи законодателем добавлена такая форма злоупотребления правом, как обход закона, и изменена формулировка иных форм злоупотребления правом путем указания на умышленный характер и недобросовестность поведения, тем самым установлена связь запрета злоупотребления правом с принципом добросовестности.

5 О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации : Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Норма, содержащая запрет злоупотребления правом, расположена в основных положениях гражданского законодательства, в связи с чем может напрямую применяться к любым гражданско-правовым отношениям. Основное назначение запрета злоупотребления правом на современном этапе видится в регулировании общественных отношений в случае отсутствия специальной нормы или широком формулировании субъективного права лица, в связи с чем становится возможным его недобросовестное осуществление.

В правоприменительной практике злоупотребление правом трактуется как поведение управомоченного лица, которое реализует принадлежащее ему право с нарушением установленных в ст. 10 ГК РФ пределов осуществления гражданских прав. Такое поведение характеризуется наличием незаконной цели или использованием незаконных средств, а также нарушением прав и законных интересов других лиц, причинением им вреда или созданием условий для его причинения⁸. Встречается и более узкое понимание, определяющее злоупотребление правом как умышленное поведение управомоченных лиц, связанное с нарушением пределов осуществления гражданских прав, направленное исключительно на причинение вреда третьим лицам⁹.

После принятия законодательных изменений снизился научный интерес к исследованию общих положений о злоупотреблении правом. Среди последних работ стоит указать диссертационные исследования О.Н. Барминой [22, с. 12] и Г.В. Григоряна [23, с. 110], рассматривающие злоупотребление правом в связи с добросовестностью, а также монографии В.Л. Вольфсона, подходящего к определению злоупотребления правом с позиций теории интереса [24; 25]. В настоящее время научный интерес исследователей главным образом сосредоточен на вопросах применения запрета злоупотребления правом в кор-

поративных, банкротных, информационных правоотношениях и в правоотношениях с потребителями. Более того, отдельные исследования позволяют говорить о формировании международного принципа недопустимости злоупотребления правом [26].

Современное развитие доктрины злоупотребления правом связано и с новыми вызовами, возникающими вследствие развития технологий. Одним из них является злоупотребление цифровыми технологиями (кибернедобросовестность) [27, с. 180].

Выводы

1. В историческом развитии запрет злоупотребления правом прошел следующие этапы: 1) период римского права (I–V вв.); 2) период Средневековья (V–XVII вв.); 3) развитие идей естественного права (XVII–XVIII вв.); 4) период кодификаций (конец XVIII–XXI вв.); 5) современный этап (XXI в.).

2. Ключевая роль в формировании доктрины злоупотребления правом заключается в синтезе римского и континентального права; влиянии естественно-правовых идей, связавших право с моралью и справедливостью; законодательном закреплении запрета злоупотребления правом в Прусском земском уложении, Германском гражданском уложении, Гражданском кодексе Австрии и Швейцарском гражданском кодексе.

3. В России доктрина активно развивалась в начале XX в., но законодательно запрет злоупотребления правом был закреплён только в 1994 г., что вызвало дискуссии о пределах осуществления прав и критериях злоупотребления.

Изучение генезиса и развития запрета злоупотребления правом демонстрирует, что данная категория – не статичное явление, а результат длительного взаимодействия правовых, философских и социально-экономических факторов. Историческое развитие показывает трансформацию отношения общества и государства от абсолютизации субъективных прав к их подчинению требованиям справедливости и нравственности.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 18-КГ21-6-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.03.2024 № Ф07-18091/2023 по делу № А56-64401/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2008. – Т. II. – 622 с.
2. Вопросы обществоведения / ред.: М.И. Туган-Барановский и П.И. Люблинский. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Тип. АО «Слово», 1911. – 414 с.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – Москва : Статут, 2020. – 414 с.
4. Римское частное право : учебник для вузов / И.Б. Новицкий и др. ; отв. ред. И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. – Москва : Юрайт, 2024. – 607 с.
5. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : монография / О.А. Поротикова. – Москва : Юрайт, 2024. – 241 с.
6. Попов В.Е. Злоупотребление правом в римском частном праве / В.Е. Попов // Человек. Социум. Общество. – 2022. – № 14. – С. 118–123.
7. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – Москва : Зерцало, 1997. – 608 с.
8. Институции Юстиниана. – Москва : Зерцало, 1998. – 400 с.
9. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Юлий Павел. – Москва : Зерцало, 1998. – 287 с.
10. Wiedmann E. Der Rechtsmissbrauch im Markenrecht / Elke Wiedmann. – Konstanz, 2002. – 368 p.
11. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. II. Европа: V–XVII вв. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – Москва : Мысль, 1999. – 829 с.
12. Фома Аквинский. Сумма теологий. Т. IV: Первая часть Второй части. Вопросы 68–114 : пер. с лат. / Фома Аквинский ; под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. – 688 с.
13. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. / Г. Гроций. – Москва : Ладомир, 1994. – 868 с.
14. Wolff Ch. Grundsätze des Natur- und Völkerrechts, worinn alle Verbindlichkeiten und alle Rechte aus der Natur des Menschen in einem beständigen Zusammenhange hergeleitet werden. Hrsg. von Christian Freyherrn von Wolff. Auf Verlangen aus dem lateinischen ins Deutsche Übersetzt / Ch. Wolff. – Halle im Magdeburgischen : Renger, 1754. – 920 p.
15. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант ; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2. – 478 с.
16. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках / И. Кант ; под ред. Б. Тушинга, Н. Мотрошиловой. – Москва : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2014. – Т. 5. – 1120 с.
17. Крыштоп Л.Э. Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совестливость / Л.Э. Крыштоп // Кантовский сборник. – 2016. – № 4. – С. 67–68
18. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Петроград : Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1917. – 328 с.
19. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 472 с.
20. Кононкова Н.В. Запрет злоупотребления субъективным правом в западно-европейских правовых системах / Н.В. Кононкова, А.М. Гридина // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 90. – С. 31–36.

REFERENCES

1. Kofanov L.L. (ed.). The Digest of Justinian. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2008. Vol. II. 622 p.
2. Tugan-Baranovsky M.I., Lyublinsky P.I. (eds.). Social Science Issues. Saint Petersburg, Slovo Publ., 1911. Iss. 1. 414 p.
3. Gribanov V.P. Implementation and Protection of Civil Rights. Moscow, Statut Publ., 2020. 414 p.
4. Novitsky I.B. et al.; Novitsky I.B., Peretersky I.S. (eds.). Roman Private Law. Moscow, Yurait Publ., 2024. 607 p.
5. Porotikova O.A. The Problem of Abuse of Subjective Civil Rights. Moscow, Yurait Publ., 2024. 241 p.
6. Popov V.E. Abuse of Law in Roman Private Law. *Man. Society. Obshchestvo*, 2022, no. 14, pp. 118–123. (In Russian).
7. Monuments of Roman Law: Laws of the Twelve Tables. Institutes of Gaius. The Digest of Justinian. Moscow, Zertsalo Publ., 1997. 608 p.
8. Institutions of Justinian. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 400 p.
9. Julius Paulus. Five Books of Sentences to His Son. Fragments of Domitius Ulpianus. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 287 p.
10. Wiedmann E. Der Rechtsmissbrauch im Markenrecht. Konstanz, 2002. 368 p.
11. Krashennnikov N.A. (ed.). Anthology of World Legal Thought. Moscow, Mysl Publ., 1999. Vol. II. 829 p.
12. Thomas Aquinas; Lobbkowitz N., Apollonov A.V. (eds.). Summa Theologiae. Moscow, LIBROCOM Publ., 2012. Vol. IV. 688 p.
13. Grotius G. On the Law of War and Peace: Reprint. Moscow, Ladomir Publ., 1994. 868 p.
14. Wolff Ch. Grundsätze des Natur- und Völkerrechts, worinn alle Verbindlichkeiten und alle Rechte aus der Natur des Menschen in einem beständigen Zusammenhange hergeleitet werden. Hrsg. von Christian Freyherrn von Wolff. Auf Verlangen aus dem lateinischen ins Deutsche Übersetzt. Halle im Magdeburgischen, Renger Ver., 1754. 920 p. (In German).
15. Kant I.; Asmus V.F., Gulyga A.V., Oizerman T.I. (eds.). Works in Six Volumes. Moscow, Mysl Publ., 1965. Vol. 4, pt. 2. 478 p.
16. Kant I.; Tushling B., Motroshilova N. (eds.). Metaphysics of Morals. Moscow, Canon+ Publ., ROOI "Rehabilitation" Publ., 2014. Vol. 5, pt. 1. 1120 p.
17. Kryshstop L. Kant's Lectures on Natural Law: Justice and Conscientiousness. *Kantian Journal*, 2016, no. 4, pp. 67–68. (In Russian).
18. Pokrovsky I.A. Basic Problems of Civil Law. Petrograd, Law Publ., 1917. 328 p.
19. Chernilovsky Z.M. (ed.). Reader on the History of the State and Law of Foreign Countries. Moscow, Legal Literature Publ., 1984. 472 p.
20. Kononkova N.V., Gridina A.M. Prohibition of Abuse of Subjective Right in the Western European Legal Systems. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*, 2020, no. 90, pp. 31–36. (In Russian).
21. Radchenko S.D. Abuse of Rights in Civil Law of Russia. *Cand. Diss.* Moscow, 2007. 202 p.
22. Barmina O.N. Abuse of Rights as a General Legal Category: Theoretical and Legal Analysis. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2015. 29 p.
23. Grigoryan G.V. Legal Problems of Implementing the Principle of Inadmissibility of Abuse of Rights in Civil Legal Relations. *Cand. Diss.* Yerevan, 2018. 153 p.

21. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.Д. Радченко. – Москва, 2007. – 202 с.
22. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.Н. Бармина. – Москва, 2015. – 29 с.
23. Григорян Г.В. Правовые проблемы реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в гражданских правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Г.В. Григорян. – Ереван, 2018. – 153 с.
24. Вольфсон В.Л. Право и злоупотребление правом: противостояние : монография / В.Л. Вольфсон. – Москва : Проспект, 2023. – 109 с.
25. Вольфсон В.Л. Теория злоупотребления правом : монография / В.Л. Вольфсон. – Москва : Проспект, 2023. – 158 с.
26. Mohsen A. Abuse of rights in international arbitration / A. Mohsen. – London, 2018. – 364 p.
27. Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.5, 5.1.3 / Ж.И. Седова. – Москва, 2024. – 569 с.
24. Wolfson V.L. Law vs. The Abuse of Rights: The Confrontation. Moscow, Prospect Publ., 2023. 109 p.
25. Wolfson V.L. The Theory of Abuse of Rights. Moscow, Prospect Publ., 2023. 158 p.
26. Mohsen A. Abuse of Rights in International Arbitration. London, 2018. 364 p.
27. Sedova Z.I. The International Legal Principle of Good Faith as a Basis for Regulating Private Law Relations. *Doct. Diss.* Moscow, 2024. 569 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спылаев Олег Дмитриевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Spylaev Oleg Dmitrievich – Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 04.06.2026; принята к публикации 04.06.2026.
The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 04.06.2026; accepted for publication 04.06.2026.

Научная статья
УДК 343.161.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.17

Original article

УРНЯЕВА Анастасия Сергеевна
Нижегородский областной суд,
Нижний Новгород, Россия,
urnyaevanastya@gmail.com

URNYAEVA Anastasia Sergeevna
Nizhny Novgorod Regional Court,
Nizhny Novgorod, Russia

АНГЛИЙСКИЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕДУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕЦЕПЦИИ В РОССИИ

ENGLISH ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL FRAMEWORK FOR JURY SELECTION AND ITS POTENTIAL RECEPTION IN RUSSIA

Аннотация. Актуальность темы обусловлена недостаточной эффективностью отечественного административно-процедурного механизма, обеспечивающего формирование коллегии присяжных заседателей. Указанное доказывает низкая явка, систематическое включение в списки кандидатов в присяжные заседатели лиц, не отвечающих законодательным требованиям, из-за чего неоднократно откладываются судебные заседания, затягивается формирование коллегии, нарушаются разумные сроки уголовного судопроизводства, а в отдельных случаях отменяются приговоры. Цель исследования: выявить универсальные и эффективные управленческие решения по формированию коллегии присяжных в Англии и адаптировать их к российской модели через рецепцию английского опыта. Методы: сравнительно-правовой метод использован для сопоставления административных процедур, таких как составление списков потенциальных присяжных заседателей, их проверка и извещение кандидатов, в Англии и России, что позволило выявить системные различия в уровнях централизации и цифровизации, автоматизации рутинных процедур; формально-юридический метод применен при анализе российских нормативно-правовых актов и судебной практики. Результаты исследования показывают, что проблемы «замороженных» списков кандидатов в присяжные и непредсказуемой их явки в России обусловлены децентрализацией функций формирования этих списков и последующего извещения потенциальных присяжных заседателей, отсутствием обязательной обратной связи от них после получения приглашений, преимущественно ручной проверкой кандидатов в присяжные. Обоснована необходимость концентрации полномочий по составлению списков и извещению в одном органе, введения обязательного ответа на повестку, внедрения автоматизации рутинных процедур,

Abstract. The relevance of this topic stems from the insufficient efficiency of the national administrative and procedural framework for jury selection. This inefficiency is evidenced by low juror turnout and the systematic inclusion of ineligible candidates in jury lists. As a result, court hearings are frequently adjourned, jury selection is prolonged, reasonable timeframes for criminal proceedings are violated, and, in some cases, verdicts are overturned. Research purpose: to identify universal and effective management solutions within England's jury selection system and adapt them to the Russian model by drawing upon the English experience. Methods: the comparative legal method was employed to compare the administrative procedures for jury selection in England and Russia, specifically the compilation of potential juror lists, juror vetting, and their notification. This approach enabled the identification of systemic differences in the levels of centralization, digitalization, and automation of routine procedures. Additionally, the formal-legal method was applied to analyze Russian regulatory acts and judicial practice. Results: the research findings indicate that the issues of "frozen" jury candidate lists and unpredictable juror turnout in Russia are caused by the decentralization of list compilation and subsequent notification functions, the lack of mandatory feedback upon receipt of summons, and predominantly manual candidate screening. The study substantiates the need to consolidate the authority for list compilation and notification within a single body, introduce mandatory responses to summons, and automate routine procedures through digital interaction via the "Gosuslugi" (State Services) portal. This would transform passive mailings into a manageable dialogue, simplify procedures, enhance their

© Урняева А.С., 2026

цифрового взаимодействия посредством сервиса «Госуслуги», что позволит трансформировать пассивную рассылку писем в управляемый диалог, упростить и повысить эффективность процедур, обеспечить рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в разумные сроки.

Ключевые слова: суд присяжных, коллегия присяжных, административно-процедурный механизм, цифровизация правосудия, рецепция права, явка присяжных

Для цитирования: Урняева А.С. Английский административно-процедурный механизм формирования коллегии присяжных заседателей и возможности его рецепции в России / А.С. Урняева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 145–153.

efficiency, and ensure that criminal cases involving juries are heard within a reasonable timeframe.

Keywords: jury trial, jury panel, administrative and procedural framework, digitalization of justice, reception of law, jury turnout

For citation: Urnyaeva A.S. English Administrative and Procedural Framework for Jury Selection and Its Potential Reception in Russia. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 145–153. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.17.

ВВЕДЕНИЕ

Научный дискурс о суде присяжных традиционно сосредоточен на вопросах историко-правового [1; 2; 3; 4; 5; 6] и процессуального характера [7; 8; 9; 10; 11; 12]. В этой связи за рамками академической полемики зачастую остается важный элемент его функционирования – административно-процедурный механизм, обеспечивающий формирование коллегии присяжных заседателей. Между тем именно от таких рутинных задач, как организация извещения и явки присяжных, проверка соответствия кандидатов установленным законом критериям, составление списков, зависит качество осуществления правосудия, простота процедуры, законность выносимого вердикта. Фокус на эффективности административных процедур, оптимизирующих формирование коллегии присяжных заседателей, выходит за рамки спора между сторонниками и противниками института, его соответствия отечественной правовой системе. Причина заключается в том, что данный вопрос лежит в иной, сугубо практической плоскости и оценивается по прикладным критериям: оперативности, эффективности и качества решения конкретных задач. Эти критерии носят универсальный, межнациональный характер, поскольку требования к отлаженности, четкости, предсказуемости процедур и их способности гарантированно и в разумные сроки достигать поставленных целей не зависят от

особенностей той или иной правовой семьи. Именно это позволяет обратиться к опыту *alma mater* суда присяжных – Англии, где, согласно статистике, ежегодно около 30 000 дел рассматриваются судом присяжных [13, с. 12–14]. Критерии эффективности и оперативности позволяют рассматривать опыт данной страны не как опыт «государства инородной правовой семьи», а как пример, где за длительный период функционирования суда присяжных выработаны наиболее действенные административные процедуры. Полагаем, что их изучение позволит найти универсальные решения и определить потенциальные направления совершенствования отечественного административно-процедурного механизма, обеспечивающего формирование коллегии присяжных заседателей.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕДУРНОГО МЕХАНИЗМА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В АНглиИ

Ключевым источником персональных данных для формирования списков кандидатов в присяжные в Англии является список избирателей (*Electoral Register*)¹. Его данные ежегодно актуализируются в ходе процеду-

¹ Jury service [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/jury-service> (дата обращения: 19.01.2026).

ры переписи населения (annual canvass): проверяется и подтверждается правильность существующих записей, вносятся необходимые изменения². Этот актуализированный список впоследствии направляется местными властями в Службу судов и трибунов Его Величества (His Majesty's Courts and Tribunals Service; далее – НМСТS)³. Непосредственный отбор потенциальных присяжных осуществляется Центральным бюро по вызову присяжных (Jury Central Summoning Bureau; далее – JCSB)⁴, формирующим методом компьютеризированной случайной выборки списки кандидатов из полученной электронной копии списка избирателей⁵.

В Англии процесс проверки потенциальных присяжных заседателей автоматизирован⁶. При этом проверка осуществляется через компьютерную связь, установленную между полицией и НМСТS. Источником данных являются базы полиции, содержащие информацию о судимостях, арестах лиц⁷. Эта проверка, как нам видится, служит эффективным первичным фильтром, дополняемым в исключительных случаях возможностью проведения уполномоченной проверки присяжных (Authorised Jury Check)⁸.

В 2018 г. в Англии был запущен онлайн-сервис Juror Digital. Как отмечают Н.А. Голованова, А.А. Гравина и О.А. Зайцев, это «последний проект, связанный с модернизацией судебной системы» [14] и переводом коммуникации

с потенциальными присяжными заседателями в цифровую среду. Получив повестку по почте, кандидат в течение 7 дней может подтвердить готовность явиться в суд либо заявить о наличии уважительных причин для освобождения или отсрочки исполнения обязанностей через интуитивно понятный онлайн-интерфейс: «Программа реформирования Службы судов и трибуналов Ее Величества (НМСТS) в Великобритании, в которую было вложено более 1 млрд ф.ст., является примером усилий по повышению эффективности и предоставлению удобных цифровых услуг» [15]. Результаты пилотного проекта показали, что процент потенциальных присяжных, ответивших на повестку в течение 7 дней, вырос с 1 % (при использовании бумажных форм) до 19 % (почти пятая часть из 12 000 присяжных, протестировавших систему) благодаря применению Juror Digital⁹.

Электронный бланк ответа, размещенный на официальном портале GOV.UK, становится доступным после ввода уникального девятизначного кода из повестки. Далее лицо может подтвердить свое участие в качестве присяжного заседателя или скорректировать персональные данные, незамедлительно сообщить о невозможности явки, указав желаемый период отсрочки¹⁰. Такая система предоставляет гражданам оперативный инструмент решения вопросов дистанционно. При этом сохраняется альтернативность: для лиц, испытывающих трудности с цифровыми технологиями, полностью сохранена возможность взаимодействия через традиционную бумажную форму и телефонную поддержку.

Показательным примером эффективности новой системы стал случай, произошедший во время пандемии. Благодаря цифровому взаимодействию в течение нескольких часов был рассмотрен и удовлетворен запрос врача об освобождении его от обязанностей присяжного заседателя в связи с чрезвычайной нагрузкой в системе здравоохранения¹¹.

9 Click to accept jury service in an instant [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/news/click-to-accept-jury-service-in-an-instant> (дата обращения: 29.01.2026).

10 Reply to a jury summons [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/reply-jury-summons> (дата обращения: 29.01.2026).

11 Covid: Knebworth doctor excused jury duty after U-turn [Электронный ресурс] // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-beds-bucks-herts-59685201> (дата обращения: 24.01.2026).

2 The electoral register and the 'open register' [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/electoral-register/print> (дата обращения: 27.01.2026).

3 Understanding the jury selection process [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/2024/05/07/understanding-the-jury-selection-process/> (дата обращения: 19.01.2026).

4 Your guide to Jury Service [Электронный ресурс] // A Week in Legal London. URL: <https://www.aweekinlegallondon.com/downloads/Jury%20Service%20Guide.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

5 From Summons to Service: Your Complete Guide to Jury Duty – podcast transcript [Электронный ресурс]. GOV.UK. URL: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/from-summons-to-service-your-complete-guide-to-jury-duty-podcast-transcript/> (дата обращения: 29.01.2026).

6 Guidance: Jury vetting: right of stand by guidelines [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/guidance/jury-vetting-right-of-stand-by-guidelines--2> (дата обращения: 30.01.2026).

7 The Criminal Justice System [Электронный ресурс] // Unlock. URL: <https://unlock.org.uk/topic/the-criminal-justice-system/> (дата обращения: 30.01.2026).

8 Jury Vetting [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: https://www.cps.gov.uk/prosecution-guidance/jury-vetting#_Toc519006085 (дата обращения: 29.01.2026).

Следует особо подчеркнуть, что участие в качестве присяжного заседателя в Англии является обязательным [14]. В случае оставления повестки без ответа, неявки в суд без уважительной причины закон предусматривает наложение штрафа в размере до 1000 ф.ст.¹², что является, по нашему мнению, действенным правовым стимулом, обеспечивающим высокий уровень обратной связи и явки граждан на судебные заседания, повышающим уровень дисциплины, минимизирующим срывы судебных заседаний.

Предусматривается два варианта освобождения от выполнения обязанности присяжного заседателя: отсрочка или освобождение. Критерии для освобождения основаны на принципе необоснованности требования о явке в суд в течение последующих 12 месяцев. Полное освобождение предоставляется лишь в тех исключительных случаях, когда уполномоченный орган убежден, что подобное требование было бы необоснованным (недостаточное владение английским языком, несовместимость идеологии и убеждений со службой в суде присяжных, физическая нетрудоспособность). Поскольку такие ситуации крайне редки, при подаче заявления о невозможности явиться в назначенный день JCSB в первую очередь рассматривает возможность предоставления отсрочки (переноса даты явки) как стандартную процедуру¹³.

Анализ субъектов, задействованных в административно-процедурном механизме, обеспечивающем формирование коллегии присяжных заседателей в Англии, позволяет выявить четкую иерархию.

1. JCSB выполняет роль основного исполнителя, оперативного органа, действующего в структуре НМСТS¹⁴. Как отмечает Е.А. Овчинни-

кова, оно было создано специально для организации участия граждан в качестве присяжных заседателей: «Его задачами являются обеспечение лучшего соответствия между числом вызываемых присяжных и рабочей загрузкой каждого суда, а также упорядочение рассмотрения заявлений об освобождении» [16, с. 141].

2. НМСТS является исполнительным агентством Министерства юстиции Великобритании, отвечающим за обеспечение работы всей судебной системы, включая суды, в которых рассматриваются дела с участием присяжных¹⁵. В рамках своих полномочий выступает в качестве административного руководителя JCSB (которое является его структурной частью) и обеспечивает его функционирование. Это же агентство уполномочено рассматривать жалобы на решения, принимаемые JCSB.

3. Министерство юстиции Великобритании играет стратегическую роль, поскольку разрабатывает политику в этой сфере, утверждает бюджет и общие приоритеты [17, с. 193].

Таким образом, английский административно-процедурный механизм, обеспечивающий формирование коллегии присяжных заседателей, характеризуется высокой степенью централизации: функции формирования списков, их проверки, извещения и администрирования явки сосредоточены в рамках единой вертикали, подконтрольной Министерству юстиции Великобритании.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕДУРНОГО МЕХАНИЗМА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ

В России формирование списков кандидатов в присяжные заседатели базируется на данных об избирателях, для работы с которыми использовалась система ГАС «Выборы»¹⁶. С 6 февраля 2026 г. запущена система ГАС «Вы-

12 Jury Service [Электронный ресурс] // UK Parliament. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/CBP-10807/> (дата обращения: 30.01.2026).

13 Statutory guidance "Guidance for summoning officers when considering deferral and excusal applications" [Электронный ресурс] // Ministry of Justice. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/guidance-for-summoning-officers-when-considering-deferral-and-excusal-applications/guidance-for-summoning-officers-when-considering-deferral-and-excusal-applications> (дата обращения: 30.01.2026).

14 Understanding the jury selection process [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/2024/05/07/understanding-the-jury-selection-process/> (дата обращения: 27.01.2026).

15 НМСТS [Электронный ресурс] // Ministry of Justice. URL: <https://ministryofjustice.co.uk/hmcts/> (дата обращения: 24.01.2026).

16 О Регламенте применения Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» для решения задач, связанных с регистрацией (учетом) избирателей, участников референдума в Российской Федерации : постановление ЦИК РФ от 28.02.2006 № 172/1112-4 [Электронный ресурс] // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/23586/> (дата обращения: 20.01.2026).

боры» 2.0¹⁷, обновление данных в которой происходит в непрерывном режиме¹⁸. Это, как нам представляется, с одной стороны, создало качественный технологический фундамент для получения актуальных данных при формировании соответствующих списков. Однако с другой стороны, эффективность этой основы нивелируется частотой актуализации самих списков кандидатов в присяжные заседатели. Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» общий и запасной списки составляются исполнительно-распорядительным органом муниципального образования, высшим исполнительно-распорядительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации каждые четыре года¹⁹. В отличие от английского императива ежегодной передачи актуальных списков местными властями в НМСТС и последующей выборки потенциальных присяжных заседателей, российская модель фактически «замораживает» данные на весь четырехлетний период. И несмотря на наличие нормы, обязывающей ежегодно проверять и дополнять списки, на практике данное требование реализуется формально, поскольку сформулировано через оценочную категорию «при необходимости». В результате сведения с каждым годом устаревают, переставая отражать факты смерти, переезда или изменения правосубъектности граждан. Суды, в свою очередь, не обладая ни легальным доступом к первичным базам данных, ни административными ресурсами для оперативного уточнения информации, вынуждены опираться на устаревшую или не соответствующую действительности информацию. Судебная практика наглядно подтверждает эту проблему.

17 О вводе Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» версии 2.0 в постоянную эксплуатацию : постановление ЦИК РФ от 28.01.2026 № 216/1666-8 [Электронный ресурс] // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/58098/> (дата обращения: 07.02.2026).

18 ЦИК переезжает на цифру [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8380037> (дата обращения: 07.02.2026).

19 О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) // «Собрание законодательства РФ. 2004. № 34, ст. 3528.

Так, Ленинский районный суд Нижнего Новгорода в обобщении практики отметил, что при проверке кандидатов непосредственно в зале суда около 20 % отобранных лиц имели обстоятельства, препятствующие их участию в процессе²⁰. Выявление таких обстоятельств на стадии формирования коллегии присяжных существенно затрудняет и затягивает процедуру рассмотрения уголовного дела, что, как нам видится, является свидетельством не недостаточной правовой культуры граждан, о чем отмечалось, например, в научном исследовании А.В. Габова и Н.М. Хромовой [18], а недостаточной эффективности отечественного административно-процедурного механизма, обеспечивающего формирование коллегии присяжных.

При этом проблема устаревших данных в списках кандидатов в присяжные заседатели носит не только технический, но и серьезный процессуальный характер, поскольку впоследствии может стать основанием для отмены судебных решений. Яркой иллюстрацией является постановление Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 27 июля 2022 г. по делу № 55-1053/2022. Суд отменил приговор Ивановского областного суда от 15 апреля 2022 г., указав в числе ключевых нарушений, что одна из присяжных заседателей была судима по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 158 УК РФ²¹.

В России формирование списков носит децентрализованный двухуровневый характер, что подразумевает разделение задач между местным и региональным уровнем публичной власти. Списки кандидатов в присяжные заседатели на уровне субъекта составляются исполнительно-распорядительными органами муниципальных образований, после чего консолидируются и утверждаются высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и им же направляются в соответствующий суд субъекта. В свою очередь, списки кандидатов в присяжные заседатели муниципальных об-

20 Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения судами Нижегородской области уголовных дел с участием присяжных заседателей в условиях сложной санитарно-эпидемиологической обстановки в период с 1 января 2020 года по 1 октября 2021 года // Архив Нижегородского областного суда.

21 Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 27.07.2022 №55-1053/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разований составляются только исполнительно-распорядительным органом муниципального образования, после чего направляются в соответствующий суд. При этом органы, ответственные за составление списков, зачастую выполняют эту работу формально, без прямой заинтересованности в качестве и актуальности данных, так как их ответственность ограничена фактом подготовки документа. В этом кроется фундаментальное отличие от английской модели: HMCTS и JCSB заинтересованы в качестве составляемых списков, поскольку обязаны впоследствии извещать потенциальных присяжных заседателей, обеспечивая их явку в суд, некачественно составленный список для них – собственноручное создание лишних трудозатрат.

В России ситуация еще усугублялась отсутствием у муниципальных образований прямого доступа к базам МВД для проверки сведений о судимости. Лишь в 2021 г. в Федеральный закон «О полиции» были внесены изменения, обязывающие органы полиции предоставлять соответствующую информацию по межведомственным запросам²². Несмотря на преодоление барьера, процедура проверки кандидатов в присяжные заседатели в России сохраняет преимущественно ручной и ресурсозатратный характер. Ответственные за формирование списков органы вынуждены в индивидуальном порядке направлять и обрабатывать межведомственные запросы, сверять полученные данные с критериями закона и вручную исключать не соответствующих требованиям лиц. Это не только существенно замедляет и усложняет процедуру, но и создает значительные риски человеческой ошибки, что, по нашему мнению, сильно контрастирует с давно налаженной в Англии системой компьютерной связи, установленной между полицией и HMCTS и первичной автоматизированной проверкой потенциальных присяжных заседателей.

Проблемой является и извещение кандидатов. Единственным способом направления извещений остается традиционная почтовая

рассылка. При этом российское законодательство не предусматривает обязательного подтверждения получения извещения от суда о возможности явиться на судебное заседание. В результате суд, направив рассчитанное количество писем, оказывается в ситуации неопределенности: он не может до дня заседания прогнозировать, какое количество кандидатов явится и будет ли оно достаточным для формирования коллегии. Сравнение показателей подтверждает колоссальный разрыв в эффективности коммуникации. Если, как мы отмечали ранее, в Англии почти каждый пятый присяжный (19 %) реагирует на повестку в течение недели через Juror Digital, то в России согласно, например, Справке по результатам обобщения практики рассмотрения районными судами Пермского края уголовных дел с участием присяжных заседателей на приглашение откликнулись лишь 3,2 % кандидатов (за 9 месяцев 2021 г.)²³.

Следствием этого становятся массовые срывы судебных заседаний. К примеру, в Брянской области длительное время по причине неявки кандидатов в присяжные заседатели не могли быть сформированы коллегии по семи уголовным делам, причем сроки задержки по некоторым из них превышали два года²⁴. Трудозатратная бумажная процедура, не подкрепленная механизмом обязательности ответа и санкциями за игнорирование извещения, ставит работу суда в зависимость от непредсказуемого человеческого фактора, затягивая сроки рассмотрения уголовного дела.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сравнительный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности отечественного административно-процедурного механизма, обеспечивающего формирование коллегии присяжных заседателей.

23 Справка по результатам обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Пермского края уголовных дел с участием присяжных заседателей от 03.12.2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24 Прокуратура Брянской области информирует о проблемах длительного формирования коллегий присяжных заседателей [Электронный ресурс] // Прокуратура Брянской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_32/activity/legal-education/explain/e293586/ (дата обращения: 31.01.2026).

При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о слепом копировании английского опыта, а о рецепции принципов, доказавших свою универсальность и эффективность.

Во-первых, целесообразна интеграция функций формирования списков и извещения кандидатов в присяжные заседатели в рамках одного органа. В английской модели эти задачи объединены в компетенции JCSB и HMCTS, что обеспечивает оперативность актуализации данных и прямую заинтересованность в качестве составленных списков потенциальных присяжных. Применительно к российским условиям предлагается передать функцию извещения кандидатов исполнительно-распорядительным органам муниципальных образований и высшим исполнительным органам субъектов Российской Федерации, которые обладают административным ресурсом и доступом к персональным данным для составления списков. Концентрация этих полномочий создаст внутренний стимул к поддержанию списков в актуальном состоянии, так как некачественные данные немедленно затрудняют выполнение следующей задачи – извещения кандидатов и обеспечения их явки. Несмотря на очевидные риски увеличения нагрузки на муниципальных служащих, данная реформа окупается за счет снятия нагрузки с аппарата судов, которые в настоящее время вынуждены заниматься несвойственной им работой, не имея соответствующего административного ресурса и возможностей.

Во-вторых, необходимо введение обязательной процедуры ответа на судебное извещение и установление ответственности за необоснованное игнорирование извещения. Как показывает опыт Англии, наличие четкой обязанности подтвердить получение извещения в течение определенного срока трансформирует процесс из пассивной рассылки писем в управляемый диалог между государством и гражданином. Это позволяет прогнозировать явку, экономить ресурсы, обеспечивать своевременное формирование коллегий присяжных и рассматривать уголовные дела в разумные сроки. Применительно к российским условиям представляется, что оптимальной моделью правового воздействия на переходном этапе выступает не столько карательная модель с применением серьезных санкций

(для сравнения: штраф в Англии за оставление повестки без ответа по неуважительным причинам в пересчете на рубли по курсу на апрель 2026 г. составляет 102 840 руб.), сколько модель, основанная на принципе соразмерности и умеренности. В этой связи введение денежного взыскания в размере 10 000 руб. за необоснованное игнорирование полученного кандидатом в присяжные заседатели извещения видится более адекватным и сбалансированным решением, способствующим повышению дисциплины без избыточного фискального давления на граждан.

В-третьих, внедрение постоянного взаимодействия с кандидатами на этапе извещения позволяет сократить срок полного переформирования списков кандидатов в присяжные с четырех до трех лет. О том же, что четырехлетний срок действия списков является «слишком большим», утверждает в своем научном исследовании и Д.А. Венев [19]. Трехлетний цикл, по-нашему мнению, оптимален, поскольку, с одной стороны, благодаря непрерывной коммуникации с гражданами данные будут оставаться достаточно актуальными, с другой стороны, удастся избежать чрезмерной административной нагрузки, которая неизбежно возникла бы при ежегодном полномасштабном пересоставлении списков «с нуля». При этом не умаляется значение уже существующей нормы, закрепляющей обязанность уполномоченных органов ежегодно проверять и при необходимости актуализировать списки кандидатов в присяжные заседатели. В рамках новой модели, когда функции формирования списков и извещения кандидатов в присяжные заседатели сосредотачиваются в руках одного субъекта, востребованность ежегодной актуализациикратно возрастает. Орган, ответственный за обеспечение явки, получает прямой административный стимул поддерживать списки в актуальном состоянии на протяжении всего периода, поскольку выявление устаревших или недостоверных сведений на этапе извещения немедленно создает для него же самого дополнительные трудозатраты.

В-четвертых, ключевым фактором реализации предлагаемых нововведений должна стать цифровизация. Интеграция соответствующих сервисов на Едином портале

государственных услуг позволит реализовать функционал, аналогичный английскому Jugor Digital: электронный ответ на извещение с использованием уникального кода из извещения, подачу заявлений об отсрочке или освобождении с приложением подтверждающих документов, а также централизованное получение уведомлений о дате и месте судебного заседания. При этом автор отдает себе отчет, что в сельской местности и среди старшей возрастной группы доступ к цифровым возможностям может быть ограничен. В связи с этим, как и в английской модели, важным, особенно на переходном этапе, будет сохранение альтернативного «бумажного» канала коммуникации, телефонной поддержки.

Процедура обеспечения явки при таком подходе будет выглядеть следующим образом:

1) формирование запроса. Суд на основании соответствующего постановления определяет количество кандидатов, необходимое для рассмотрения уголовного дела с участием присяжных, и направляет в орган официальный запрос с указанием этого количества (например, не менее 30 человек);

2) случайная выборка с учетом статистической погрешности. Ответственный орган проводит автоматизированную случайную выборку из общего списка кандидатов в присяжные заседатели, выбирая заведомо большее число. Это делается для того, чтобы заранее компенсировать процент лиц, которые не соответствуют требованиям, получают освобождение или не ответят на извещение. Например, для обеспечения явки 30 человек орган может первоначально отобрать и разослать извещения 60 кандидатам;

3) формирование рабочего списка после получения ответов (включая ходатайства об освобождении, отсрочке). Лица, получившие законное освобождение, отсрочку, исключаются из списка. Например, из 60 приглашенных после анализа может остаться 40 потенциально готовых к участию кандидатов;

4) направление данных в суд. Исполнительно-распорядительный орган муниципального образования, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации передает в суд итоговый список кандидатов в присяжные заседатели.

Проведенный анализ показывает, что эффективность института присяжных заседателей в значительной степени определяется качеством административно-процедурного механизма, обеспечивающего формирование коллегии присяжных. Английский опыт, характеризующийся высокой степенью централизации, автоматизацией рутинных процедур и внедрением цифровых каналов коммуникации с гражданами, может служить источником универсальных решений для совершенствования отечественной практики. Интеграция функций формирования списков и извещения, введение обязательности ответа на извещение и перевод взаимодействия в цифровую среду способны преодолеть существующие проблемы «замороженных» списков и непредсказуемой явки, обеспечив тем самым стабильность и эффективность судопроизводства с участием присяжных заседателей в Российской Федерации. Предложенные меры направлены не на слом существующей модели, а на ее эволюционное совершенствование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демичев А.А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.) / А.А. Демичев. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 318 с.
2. Бушная Н.В. Суд присяжных в России: история и современность : монография / Н.В. Бушная. – Ставрополь : СФ МПГУ, 2016. – 144 с.
3. Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Т.А. Владыкина. – Екатеринбург, 2018. – 442 с.
4. Сахапов Р.Р. Принципы уголовного судопроизводства и их реализация в деятельности суда присяжных в дореволюционной России по Судебной реформе 1864 года : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р.Р. Сахапов. – Казань, 2012. – 261 с.

REFERENCES

1. Demichev A.A. History of the Jury Trial in Pre-Revolutionary Russia (1864–1917). Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 318 p.
2. Bushnaya N.V. Jury Trial in Russia: History and Modernity. Stavropol Branch of Moscow State Pedagogical University Publ., 2016. 144 p.
3. Vladykina T.A. Theoretical Model of Criminal Proceedings Considered by the Court with the Participation of Jury Members. *Doct. Diss.* Yekaterinburg, 2018. 442 p.
4. Sakhapov R.R. Principles of Criminal Procedure and Their Implementation in the Activities of the Jury in Pre-Revolutionary Russia under the Judicial Reform of 1864. *Cand. Diss.* Kazan, 2012. 261 p.

5. Громикова О.Е. Суд присяжных в России во второй половине XIX – начале XX века: на примере Пензенской губернии : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Е. Громикова. – Тамбов, 2012. – 216 с.
6. Мухамедов Р.Р. Организация и правовое регулирование деятельности суда присяжных в Симбирской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р.Р. Мухамедов. – Казань, 2011. – 191 с.
7. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С.А. Насонов. – Москва, 2022. – 517 с.
8. Чистилина Д.О. Полномочия председательствующего в суде с участием присяжных заседателей : монография / Д.О. Чистилина ; под ред. А.В. Гриненко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 186 с.
9. Нарутто С.В. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика : монография / С.В. Нарутто. – Москва : Проспект, 2008. – 205 с.
10. Тащилин М.Т. Назначение уголовного наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации / М.Т. Тащилин ; под ред. В.А. Казначеева. – Санкт-Петербург : Изд-во Юрид ин-та, 2003. 317 с.
11. Урлеков Н.В. Институт присяжных заседателей: правовые основы деятельности и процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.В. Урлеков. – Владимир, 2010. – 215 с.
12. Артемьев Н.С. Организация судопроизводства с участием присяжных заседателей : монография / Н.С. Артемьев. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. – 103 с.
13. Willmott D. The English Jury on Trial / D. Willmott, D. Boduszek, N. Booth // *The Custodial Review*. – 2017. – Vol. 82. – P. 12–14.
14. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. – Москва : Юридическая фирма Контракт, 2019. – 210 с. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Громова Е.А. Искусственный интеллект, JustTech и процессуальное право / Е.А. Громова, Д.Б. Феррейра, И.Р. Бегишев // *Вестник гражданского процесса*. – 2024. – № 2. – С. 177–196. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Овчинникова Е.А. Беспристрастность присяжных заседателей в отечественных и зарубежных научных исследованиях / Е.А. Овчинникова // *Правосудие/Justice*. – 2023. – № 2. – С. 132–153.
17. Романов А.К. Право и правовая система Великобритании : учебное пособие / А.К. Романов. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 340 с.
18. Габов А.В. Суд присяжных в России: новая реформа / А.В. Габов, Н.М. Хромова // *Судья*. – 2016. – № 5. – С. 4–11.
19. Венев Д.А. Теоретические и практические проблемы действия списков кандидатов в присяжные заседатели / Д.А. Венев // *Адвокатская практика*. – 2016. – № 6. – С. 3–5.
5. Gromikova O.E. Jury Trial in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Using the Example of Penza Province. *Cand. Diss.* Tambov, 2012. 216 p.
6. Mukhamedov R.R. Organization and Legal Regulation of the Activities of the Jury in Simbirsk Province (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries): Historical and Legal Research. *Cand. Diss.* Kazan, 2011. 191 p.
7. Nasonov S.A. Conceptual Foundations of Proceedings in Court with Participation of Jury Members. *Doct. Diss.* Moscow, 2022. 517 p.
8. Chistilina D.O.; Grinenko A.V. (ed.). Powers of the Presiding Judge in Court with Participation of Jury Members. Moscow, YurLitinform Publ., 2022. 186 p.
9. Naruto S.V. Jurors and Arbitration Assessors: Theory and Practice. Moscow, Prospect Publ., 2008. 205 p.
10. Tashchilin M.T.; Kaznacheev V.A. (ed.). Appointment of Criminal Punishment by a Court with Participation of Jury Members under the Criminal Law of the Russian Federation. Law Institute of St. Petersburg State University Publ., 2003. 317 p.
11. Urlekov N.V. Institute of Jury Members: Legal Foundations of Activity and Procedural Features of Consideration of Criminal Cases. *Cand. Diss.* Vladimir, 2010. 215 p.
12. Artemyev N.S. Organization of Legal Proceedings with Participation of Jury Members. Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service Publ., 2012. 103 p.
13. Willmott D., Boduszek D., Booth N. The English Jury on Trial. *The Custodial Review*, 2017, vol. 82, pp. 12–14.
14. Golovanova N.A., Gravina A.A., Zaytsev O.A. et al. Jurisdictional Lawful Activities Within the Criminal Law Sphere Framework in the Context of Digitalization. Moscow, Law Firm Contract Publ., 2019. 210 p.
15. Gromova E.A., Ferreira D.B., Begishev I.R. Artificial Intelligence, Justtech and Procedural Law. *Herald of Civil Procedure*, 2024, no. 2, pp. 177–196. (In Russian).
16. Ovchinnikova E.A. Impartiality of Juries in Domestic and Foreign Scientific Research. *Pravosudie/Justice*, 2023, no. 2, pp. 132–153. (In Russian).
17. Romanov A.K. Law and the Legal System of Great Britain. Moscow, INFRA-M Publ., 2025. 340 p.
18. Gabov A.V., Khromova N.M. Jury Trial in Russia: New Reform. *Judge*, 2016, no. 5, pp. 4–11. (In Russian).
19. Venev D.A. Theoretical and Practical Problems of the Validity of Lists of Candidates for Jury Service. *Advocate Practice*, 2016, no. 6, pp. 3–5. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Урняева Анастасия Сергеевна – главный специалист.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Urnyaeva Anastasia Sergeevna – Chief Specialist.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 10.06.2026.
The article was submitted 06.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 10.06.2026.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2026

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 3 (85) 2026.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 23.09.2026 г. Вышел в свет 30.09.2026 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/8. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 17,9. Уч. изд. л. 10,5. Тираж 25. Заказ 262.
Свободная цена.

Отпечатано в управлении публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12

